

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 2 (14)

Москва–Сыктывкар 2014

ISSN 2304-5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2014. № 2 (14).

Основан в 2008 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН по исторической демографии
и исторической географии

Редакционная коллегия

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Е.Н. Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Н.М. Игнатова (Сыктывкар), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), Т.С. Садыков (Астана), В.А. Семенов (Сыктывкар), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар)

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2014

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, журнал «Историческая демография».
Тел. (8212)245564 (гл. ред.), (8212)245500 (отв. секр.), факс (8212)245564
E-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), secr.hist@mail.illhkomisc.ru (отв. секретарь),
ignatova.hist@mail.komisc.ru (рук. редакционно-издательской группы)

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Бороденко Е.А. (Полтава, Украина). Повторное замужество овдовевших женщин Левобережной Украины (на материалах метрических книг XVIII века)	4
Ночовный Ю.В. (Полтава, Украина). Половозрастная и брачная структура населения городка Пирятин Лубенского полка во второй половине XVIII века (по материалам исповедных росписей 1758 года)	9
Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Национально-возрастная характеристика учащихся спецпоселковых школ в Коми автономной области в 1930-е гг.	15
Безносова Н.П. (Сыктывкар). Воспроизводство населения Коми АССР в 1960–1970-е годы	20
Лапердин В.Б. (Новосибирск). Основные тенденции воспроизводства населения Западной Сибири в послевоенные годы	40
Кузнецов В.Н. (Екатеринбург). Процесс строительства закрытых городов на Урале и их заселение жителями	43
Слабнина Л.А. (Владивосток). Из истории создания системы льгот для дальневосточников	47
Милохин Д.В. (Сыктывкар). Население нетрудоспособного возраста в колхозах Коми АССР в 1940–1950-е гг.	52

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Канева Л.Я. (Сыктывкар). Современное состояние этнодемографических процессов у коми-ижемцев	56
--	----

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Аргудяева Ю.В. (Владивосток). Интервью как источник по миграционным процессам с азиатского на американский континент у русских старообрядцев	60
Такижбаева Н.З. (Алматы, Казахстан). Подходы к изучению Центральной Азии на постсоветском пространстве	65
Хрунин А.В. (Москва). Генетическое разнообразие и эволюционная история населения Севера европейской части России	68

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Жеребцов И.Л., Безносова Н.П. (Сыктывкар). Формирование северной границы Коми автономии	74
--	----

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Исупов В.А. (Новосибирск), Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). VI Всероссийский симпозиум по исторической демографии	84
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»	86

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Е.А. Бороденко*

Повторное замужество овдовевших женщин Левобережной Украины (на материалах метрических книг XVIII века)

Согласно православным традициям в раннемодечном украинском обществе женщина и мужчина могли одновременно находиться только в одном супружестве. Право на повторный брак они получали лишь после прекращения предыдущего. Естественно, что после потери брачного партнера большинство вдов стремилось к новому замужеству. Такое изменение брачного поведения было мотивировано, прежде всего, потребностью вырастить детей, которые остались без отцовской опеки, предотвратить экономический упадок своего домохозяйства, предупредить предвзятое отношение сельской общины, которое иногда имело место. С другой, скрыто-интимной стороны – успокоить разбухшие последним браком сексуальные желания одиноких женщин, не допустить возможные проявления девиантного поведения. Для ускорения процесса повторного замужества, в отдельных регионах Украины, присутствие вдов на кладбищах во время похорон своих умерших мужей было нежелательным, поскольку считалось, что такие первые вдовьи шаги могли помешать устройству новой семейной жизни [9, с. 212].

Впрочем, заключение повторного семейного союза было делом весьма непростым. Учитывались христианские требования относительно повторной брачности**, общественные традиции, социальное и имущественное состояния обоих венчающихся, а также ситуация на брачном рынке. Попробуем проанализировать некоторые демографические особенности повторного замужества вдов в Гетманщине (Левобережной Украине) второй половины XVIII в. Проведем исследование, учитывая опосредованные данные повторной брачности, по Генеральной (Румянцевской) описи Малороссии 1765–1769 гг. некоторых сел Полтавского полка. Основные показатели для проведения определяющих квантитативных вычислений возьмем из метрических книг Успенской (1741–1763 гг.) и Николаевской (1764–1786 гг.) церквей местечка Сорочинцев Миргородского полка [5, 6].

Метрические книги регистрировали рождение, венчание и смертность населения. Проведем апробацию исследований о повторных семейных союзах, вычисляя показатели второй их части – «О бракосочитавшихся». Именно там фиксировались первые и повторные браки с обозначением точной даты и имен супругов. Правда, эти метрики не указывают возрастные особенности брачующихся, наличие детей от предыдущих браков, длительность семейных союзов, материальное и социальное состояния обеих сторон. В метрических книгах при регистрации повторных бракосочетаний обычно делалась запись: «Обвенчалъ вдов Гаврила Харатана з удовою Татьянаю Щепновою вторимъ бракомъ» [6, с. 11]. Зато о таких супружествах в фискальных и исповедных реестрах изредка встречаем некоторые свидетельства. Например, о женщинах иногда отмечалось – «второбрачная» [22, с. 144]. Типичным примером двукратного или трехкратного брачного союза можно считать семейство 70-летнего Андрея Турченка из с. Куклинцов. Он находился в супружестве с 35-летней «второбрачной» Наталией [21, с. 51]. На повторный брак в переписных книгах также указывало наличие родственной терминологии: «мачеха», «пасынок», «пасербиця», «падчерица», «отчим».

Итак, основываясь на материалах вышеуказанных источников, попробуем изучить следующие вопросы: проанализировать возрастные ограничения для вдов, которые вступали в супружество, установить общее количество браков, сравнить численность первых и повторных браков за 1741–1786 гг., охарактеризовать семейный статус лиц при регистрации новых матримониальных союзов, проанализировать сезонность венчаний.

Повторное замужество вдов непосредственно было связано с их возрастом. Православная церковь неодобрительно относилась к венчаниям одиноких женщин старше 50–60 лет. Еще в «Требнике» Петра Могилы отмеча-

---

* Бороденко Елена Анатольевна (Полтава, Украина) – аспирантка кафедры истории Украины Полтавского национального университета им. В.Г. Короленко.

** Брачность в узком смысле – процесс заключения браков, в широком – совокупность процессов вступления в брак и прекращения браков из-за развода или смерти одного из супругов (в этом случае понятие брачность охватывает также и другие процессы, как разводимость и овдовение) [7, с. 24].

лось, что тайна супружеской жизни или законного брака направлена «*къ умноженію й благочестному въспитанію чадъ въ славу Божію*» [18, с. 26]. Следовательно, по христианским традициям брак от Бога установлен для продолжения рода человеческого, а возраст 50-летней женщины демонстрировал окончание детородного возраста [1, с. 48]. Пятидесятилетием начиналась женская старость [4, с. 72; 11, с. 51], прекращалась ее активность и изменялась общественная позиция [12, с. 122]. Поэтому такие супружества считались неперспективными. К тому же в старшем возрасте из-за сужения брачного рынка возможность еще раз выйти замуж была минимальной. С каждым новым годом вдовства шансы на повторное замужество уменьшались [2, с. 56]. Польский исследователь М. Копчинский (М. Korpzyński) утверждает, что 63% всех овдовевших женщин до 30 лет жизни выходили замуж повторно, тогда как лишь 4,7% вдов старше 50 лет могло рассчитывать на следующего брачного партнера [10, с. 114]. Таким образом, нетрудоспособность и невозможность рождения детей были основными причинами того, что ни христианское вероучение, ни традиционное общество не относились толерантно к позднему вдовьюему замужеству.

Для молодых вдов, напротив, второй брак считался полезным и желаемым, потому что предусматривалось деторождение от нового мужчины. Крестьяне же ко второму супружеству относились с предостережением, поскольку считалось, что Бог один раз уже наказал вдову одиночеством и мог сделать то же самое во второй раз. Патрист Иоанн Златоуст указывал, что второй брак вдовы демонстрировал ее привязанность к земле и потерю памяти о первом супруге [17]. Третий брак не поощрялся, поскольку считалось, что человек хочет изменить свою судьбу, идя наперекор Божьей воле оставить его одиноким [13, с. 165]. Такое отношение к количеству браков объясняется и нормами канонического права. Согласно текстам Кормчей книги семейный союз позволялся не более трех раз, а четвертый брак признавался недействительным [20, с. 11–12]. Третий брак также не одобрялся, на виновного накладывалась церковная епитимия, а в народе говорилось: «*Не дай Боже трижды жениться, трижды селиться*» [19, с. 638].

Придерживались ли люди этих требований в реальной жизни? Попробуем дать ответ, исследуя метрические книги сорочинских церквей. Показатели обоих церковных реестров, Успенской и Николаевской парафий, были суммированы. В частности, на протяжении 1741–1786 гг. в Сорочинцах было зарегистрировано 475 браков. Большинство составляли первые браки – 76,6% (364), заключенные между парнями и девушками. Вторую позицию занимали повторные семейные союзы – 23,4% (111), в которых один или оба венчавшихся имели раньше хотя бы один брак. Среди них нами были обнаружены только вторые и третьи матримониальные союзы, причем вторые – 20,2% (96), намного преобладали над третьими – 3,2% (15). Как видим, троекратные браки были малочисленны, потому можем согласиться с тезисом украинского исследователя Ю. Волошина о том, что третьи браки встречались чрезвычайно редко [3, с. 51].

Подобная ситуация обнаружена по данным метрической книги Хресторождественской церкви местечка Ярески Миргородского полка украинским исследователем И. Сердюком. По его подсчетам из 248 браков, зарегистрированных в местечке, 66,8% (165) были первыми, а 33,2% (82) – повторными. Следовательно, сорочинские показатели повторных браков несколько ниже ярескинских [16, с. 50].

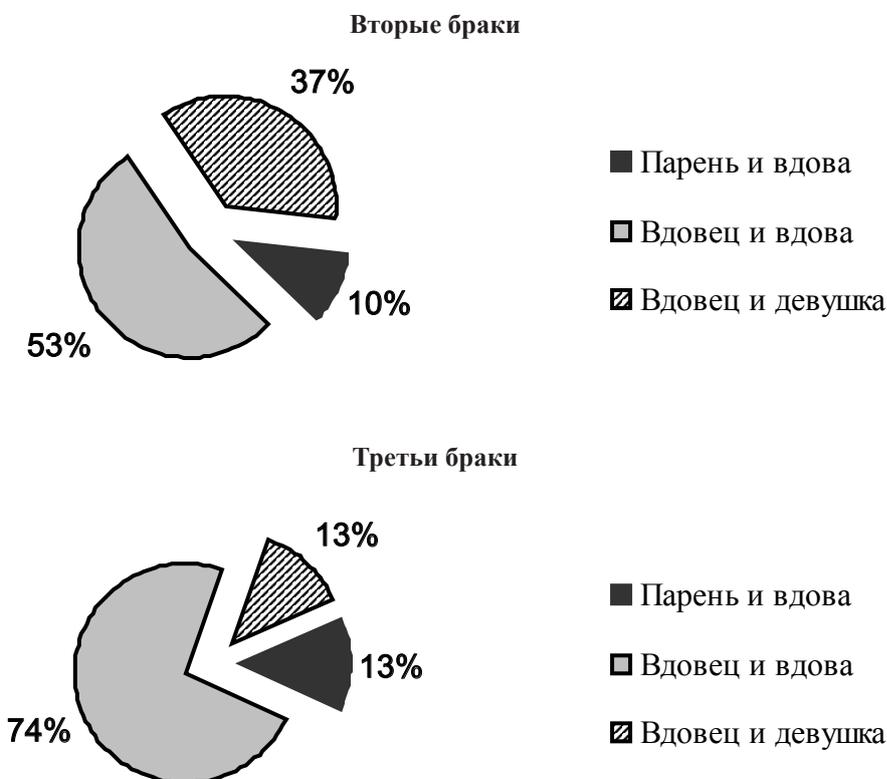
По всей вероятности, четырехкратные семейные союзы были исключительным явлением. В проанализированных нами сорочинских метриках четырежды брачующихся не обнаружено, однако примеры судебных дел над лицами женатыми в четвертый раз встречаем в монографии украинской исследовательницы И. Петренко [14, с. 346–347]. Стало быть, среди повторных браков преобладали вторые, реже встречались третьи, а в отдельных случаях, вероятно, четвертые. Последние признавались церковью недействительными.

Еще один интересный аспект, который требует разъяснений: кто мог быть матримониальным партнером вдовы? Холостяки неохотно женились с такими женщинами, поскольку согласно христианским традициям считалось, что в потустороннем мире человек соединяется с первой женой, а второй мужчина будет одиноким. Так же и молодые девушки неохотно хотели выходить замуж за вдовцов [13, с. 165]. Однако, невзирая на эти предостережения, такие случаи все-таки встречались. Предположим, что неженатые парни вступали в брак с овдовевшими женщинами преимущественно из-за меркантильных интересов. Очевидно, главной целью вступления в такой неравноценный семейный союз было желание овладеть хозяйством вдовы. Наилучшей брачной партией для одинокой женщины было повторное замужество с вдовцом, ведь согласно религиозным предписаниям они находились в равноценных условиях. Однако для вдовцов это не всегда было выгодным. Достаточно часто брак с вдовой предусматривал расширение семьи за счет ее детей, поэтому можем согласиться с утверждением И. Сердюка о том, что дети могли стать серьезным препятствием для повторной женитьбы [15, с. 178].

Наши предположения подтверждаются данными сорочинских метрик. Обнаружено, что повторные браки фиксировались лишь между парнем («*молодиком*») и вдовой, вдовцом и девушкой («*девкой*»), а также вдовцом и вдовицею (см. рис.). В первых двух случаях в метриках указывалось на регистрацию «*полвторых браков*». Подсчитав количество этих брачных пар, отметим, что преобладало соотношение вдовец/вдова. В двукратных семейных союзах брачующиеся составляли 53,1% (51 пара), а троекратных еще большую часть – 73,4% (11 пар).

Совсем другое соотношение брачных пар наблюдаем, сравнивая численность овдовевших лиц с неженатыми. В этих случаях, вторые венчания вдовцов и незамужних женщин составляли 37% (35 пар). На последнем месте были брачные союзы парней с вдовами – 10,4% (10 пар).

Семейный статус лиц при регистрации повторных браков (1741–1786 гг.)

Замечаем своеобразную гендерную неравномерность при заключении двукратных союзов в пользу овдовевших представителей мужского пола. В противовес вдовцам, внебрачным женщинам было намного сложнее найти холостяка для замужества. Наверное, для парней лучшим вариантом было бракосочетание с младшими девушками, чем с овдовевшими женщинами. Совсем другой была ситуация в троекратных браках. Части матримонимальных союзов вдовцов с девушками и вдовиц с парнями были одинаковыми – по 13,3% (по две пары). По всей вероятности, к третьему браку неженатые мужчины или незамужние девушки относились с чрезвычайной осторожностью. Очевидно, овдовевшие лица с двумя предшествующими браками были старшими по возрасту, поэтому склонить неженатую молодежь к такому союзу могли, по-видимому, преимущественно прагматические интересы.

Вне всякого сомнения, процесс венчания был полностью подчинен каноническим требованиям православного вероучения. Христианской церковью четко определялись дни, когда таинство брака не разрешалось: по вторникам и четвергам (накануне постных дней – среды и пятницы) и в субботу (накануне Пасхи); в течение четырех многодневных постов: Великого, Петровского, Успенского и Рождественского; в святки (неделя от Рождества Христова к Богоявлению); за неделю до и неделю после Великого поста; 10, 11, 26 и 27 сентября в связи со строгими постами, которые посвящены Усекновению главы Иоанна Крестителя и Воздвижению Креста Господнего; в канун храмовых праздников [8].

Исходя из анализа общей динамики сезонности браков, по метрикам сорочинских церквей заметно соблюдение населением православного подвечного календаря. Во время четырех многодневных постов венчаний почти не обнаружено. В частности, в Рождественский пост, с 28 ноября по 7 января, семейные союзы, по-видимому, вообще не регистрировались, так как число браков в декабре равнялось 0%. Подобно, за 45 исследованных лет, в марте – 0,4% (2) и августе – 0,2% (1), венчания были одиночными. Это связано с непостоянством Пасхального календаря в марте и Успенским постом в августе. Не забываем также, что август перегружен сельскохозяйственными работами, поэтому празднование бракосочетаний крестьянами считалось несвоевременным. Незначительно

больше их было в июне – 1,7% (8), июле – 4,2% (20) и сентябре – 3,4% (16). В эти месяцы заключение браков ограничивалось полевыми работами и также строгими постами, прежде всего, Петровским в июле.

Как ни странно, наибольший свадебный бум проходил в холодном, зимнем январе, по окончании Рождественского поста. Люди, освобожденные от сельскохозяйственных работ, отдыхали и праздновали большую часть венчаний – 35% (166). Следующими по популярности регистраций церковных браков были весенние месяцы: апрель – 18,7% (89) и май – 13% (62). Значительно меньшее количество семейных союзов зарегистрировано в феврале – 9,5% (45), октябре – 9,1% (43) и ноябре – 4,8% (23).

Подобная ситуация наблюдалась и среди повторных венчаний. Они преобладали в январе (18,9%), апреле (18%), мае (15,4%), октябре (11,7%), июле (9%), сентябре (9%) и ноябре (8,1%). Отдельные случаи встречались в феврале (5,4%), июне (3,6%) и августе (0,9%). Никаких повторных брачных регистраций не зафиксировано в мартовские и декабрьские дни. С точки зрения обрядности повторные браки не праздновались так торжественно, как первые. Восприятие овдовевшими лицами церковных актов регистраций супружеских союзов значительно упрощалось, и было, в первую очередь, связано с необходимостью нормального функционирования их семей. Вдовам необходимы были рабочие руки мужчин, вдовцам – женский уход за хозяйством и детьми.

Подведя итог вышесказанному, хотелось бы заметить, что при венчании повторных браков учитывались требования христианского вероучения и общественные традиции. Замужество для старших свыше пятидесяти лет овдовевших женщин считалось неприличным, а для молодых – желаемым из-за возможного деторождения от нового мужчины. Законными считались два брака, третий – допускался церковью, а четвертый – признавался недействительным. В течение 45 исследованных лет (1741–1786) в общей численности (475) супружеств в Сорочинцах закономерно преобладали первые – 76,6%, повторные уступали – 23,4%. Среди повторных венчаний в сорочинских метриках встречались только двукратные (20,2%) и трехкратные – 3,2%. Четырежды брачующихся не обнаружено.

Анализируя семейный статус лиц при регистрации вторых и третьих браков, отметим, что преобладали в 53,0% и 73,4% пары вдовцов и вдовиц. Вторую позицию в двукратных венчаниях занимали вдовцы+девки (36,5%), третью – парни+вдовы (10,4%). В трехкратных – пары бракосочетавшихся имели равные части – по 13,3%. Таинство брака происходило в разрешенные православной церковью дни, поэтому прослеживается их определенная сезонность. Наибольшее количество повторных венчаний задекларировано в январе (18,9%), апреле (18%), мае (15,4%), октябре (11,7%), июле (9%), сентябре (9%) и ноябре (8,1%), что соответствует православному календарю венчаний. Изредка повторно женились в феврале (5,4%) и июне (3,6%). В декабре и марте вообще не зафиксировано повторных венчаний, а в августе – только один трехкратный брак.

Источники и литература

1. Анри Л., Блюм А. Методика анализа в исторической демографии. М.: РГГУ, 1997. 207 с.
2. Wiślich T. Upodobanie Małżeństwo i związki nitformalne na wsi polskiej XVII–XVIII wieku. Wyobrażenia społeczne i jednostkowe doświadczenia. Wrocław: W-wo chromcon, 2012. 244 s.
3. Волошин Ю. Шлюбність і шлюбний стан старовірів Стародубського полку в другій половині XVIII ст. // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ: 2004. Випуск 4. С. 39–51.
4. Górna K. Śmierć «ze starości» – o ludziach starych i długowiecznych na podstawie wybranych metryk śląskich z XVIII i pierwszej połowy XIX wieku // Przeszość demograficzna Polski/ Materiały i studia. Wrocław: W-wo Uniw-tu Wrocławskiego, 2010. № 29. S. 69–98.
5. Государственный архив Полтавской области. Ф. 1011. Оп. 1. Д. 177. 71 с.
6. Там же. Д. 183. 87 с.
7. Демографический понятийный словарь / [Под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. 352 с.
8. Календарь венчаний православной церкви. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.abc-people.com/event/crush-ven.htm>.
9. Кісь О. Жінка в традиційній українській культурі (II пол. XIX – поч. XX ст.). Львів: Ін-т народознавства НАН України, 2008. 229 с.
10. Korpczyński M. Ludzie starzy w chłopskich i szlacheckich gospodarstwach domowych w Koronie u schyłku XVIII wieku // Kwartalnik historii kultury materialnej. Warszawa, 2010. S. 111–119.
11. Korpczyński M. Starość nie radość? Ludzie starzy na wsi kujawskiej schyłku XVIII stulecia // Zapiski historyczne. Poświęcone historii pomorza i krajów bałtyckich. Toruń, 1996. S. 45–63.
12. Kukło C. Gospodarstwo domowe osób starszego pokolenia w miastach na ziemiach polskich w epoce późnofeudalnej // Kwartalnik historii kultury materialnej. Warszawa, 2010. S. 121–133.
13. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В двух томах. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. Т. 1. 339 с.
14. Петренко І. Шлюбно-сімейні відносини в повсякденному житті мирян Російської держави XVIII ст.: монографія в 2 ч. Полтава: РВВ ПУЕТ, 2010. Ч. 2. 581 с.
15. Сердюк І. Вдівці і вдови у Рум'янцевському описі Переяслава (історико-демографічний аналіз) // Краєзнавство. 2008. № 1–4. С. 175–181.

16. *Сердюк І.* Повторні шлюби в Гетьманщині у другій половині XVIII ст. (за даними метричної книги Христорождєвської церкви містечка Ярьєски Миргородського полку) // *Краєзнавство*. К.: «Телесик», 2010. № 3. С. 48–55.
17. Творения Святого отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского. Т. 3. Кн. 1. Беседа 30. – Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z03_1/t03_1.htm.
18. *Требник митрополита Петра Могили*. Київ 1646. Київ: Інформаційно-видавничий центр Української православної церкви, 1996. 860 с.
19. *Українські народні прислів'я та приказки* / [Упоряд. В. Бобкова, Й. Багмут, А. Багмут.]. К.: Держ. вид-во худ. літератури, 1963. 792 с.
20. *Цатурова М.К.* Русское семейное право XVI–XVIII вв. М.: «Юридическая литература», 1991. 111 с.
21. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. Ф. 57. Оп. 2. Д. 184. 95 с.
22. Там же. Д. 526. 215 с.

**Половозрастная и брачная структура населения
городка Пирятин Лубенского полка во второй половине XVIII века
(по материалам исповедных росписей 1758 года)**

Исповедь играла чрезвычайно важную роль в жизни христианского общества. В свое время она была одним из средств дисциплинирования Церковью украинского раннемодерного социума, настолько важным, что нуждалась в тщательном учете, в результате которого современные исследователи обладают огромным комплексом источников церковного учета населения XVIII в. Только в фондах Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве насчитывается около 20 тыс. единиц так называемых исповедных росписей (не считая фондов местных, областных архивов) [1]. Исповедные росписи – документы церковного учета населения, фиксировали посещение исповеди и причастия прихожан каждой церкви. Эти материалы являются традиционными источниками для изучения демографических процессов населения Гетманщины, истории церковной организации, отдельных приходов или поселений и т.п.

Первые шаги по внедрению исповедных росписей были осуществлены в 90-х гг. XVII в. для контроля поступления сборов в казну с раскольников и неисповедовавших лиц. Указами 1716 и 1718 гг. приходские священники обязывались ежегодно составлять списки и предоставлять сведения в духовные правления о лицах, отбывших исповедь и причастие (или по каким-то причинам избежавших ее), и перечень раскольников для наложения штрафов (из разночинцев и посадских – по 1-3 руб., из крестьян – 5-15 коп.) в зависимости от срока непосещения исповеди [2]. Активное внедрение этих инициатив на территории Киевской митрополии началось с 1720-х гг. в рамках процесса конфессионализации Русской Православной Церкви [3]. Указ Петра I от 1722 г. дополнительно разъяснял форму заполнения приходских списков и другие процедурные вопросы [4]. Соответствующим указом от 16 апреля 1737 г. императрица Анна Иоанновна подтвердила обязательное ведение исповедных росписей при церквях и была утверждена их окончательная унифицированная форма [5]. Временем для составления исповедных росписей для священников церковная власть определила Великий пост [6]. Те, кто не успел исповедаться, могли это сделать в другой срок. Как правило, это были Петровский, Успенский и Рождественский посты [7].

В своем исследовании мы использовали исповедные росписи церковью города Пирятина Лубенского полка за 1758 г., хранящиеся в фонде № 801 Пирятинского духовного правления Государственного архива Полтавской области. Исповедные ведомости собраны в два дела – № 3 (20 листов) и № 4 (10 листов) формата in folio, записанные скорописью XVIII в.

Источник состоит из преамбулы, которая включает информацию о церкви, и священнослужителе, который ее возглавлял: «Роспись города Пирятин церкви Успения Пресвятой Богородицы протопопа Ильи Наумовича» и «Роспись города Пирятин церкви сошествия Живоначальной Троицы попа Иоанна Прокоповича». Роспись упорядочена в форме таблицы и содержит следующие составляющие: в первой графе – порядковый номер двора или дома, вторая графа обозначает количество жителей двора, отдельно мужчин и женщин. Фиксируя перечень семьи, в таблицу вносились фамилия, имя главы двора: «Павел Дмитриев Ляшенко», потом жены: «его жена Анна Павловна», далее шли дети: записывались сначала мальчики, а потом девочки: «их дети Федор, Ефросиния» [8]. Супруги, не имеющие детей, обозначались следующим образом: «Грицко Никифоров, жена его Анна Гавриловна в них детей нет» [9]. В случае, если один из супругов умер, относительно того, кто остался, указывалось вдовство.

Дворы расписывались по сословному принципу. Сначала назывались принадлежавшие духовным лицам – «духовные и их домашние», затем – военных (казаков): «военные и их домашние», канцелярские служащие: «приказные и их домашние» – «Андрей Никитин писарь сотенный Пирятинский» [10], четыре двора «разночинцев», где находим бывшего приказчика графа Г. Теплова – Даниила Зиновиева, старосты Гавриила Василюва, Пушкаря Василюва Романова [11], ремесленников «цеховый и их домашние», посполитые (мещане) «посполитые и их домашние» и один двор «богадельня». В каждом дворе при наличии записывались лица, не имевшие родственных связей с хозяевами, а живущие и работающие здесь – «служители» и «дворовые» со своими семьями. Следующая графа фиксировала возраст каждого лица.

В последних двух колонках таблицы, «исповедовавшихся и причащавшихся», внесены имена всех без исключения взрослых прихожан, а ко второй – «не исповедались по малолетству» – дети до 7 лет. В роспись вносились дети с одного года, младшие зафиксированы в исповедной ведомости, которую записывал поп Иоанн Про-

* **Ночовный Юрий Владимирович** (Полтава, Украина) – аспирант кафедры истории Украины Полтавского национального педагогического университета имени В.Г. Короленко, uyi.noch@gmail.com.

копович. Он зафиксировал возраст своих детей, близнецов Георгия и Афанасия (три месяца) [12], сына войскового товарища Григория Агроновича – Ивана (один месяц) [13], дочери посполитого Ивана Павлова – Ефросинии (три месяца) [14] и сына посполитого Никиты Василиева – Ивана (девять месяцев) [15].

Заканчиваются исповедные росписи подведением статистических итогов в форме таблицы и подписью настоятеля храма. В исповедных ведомостях «церкви сошествия Живоначальной Троицы попа Иоанна Прокоповича» мы обнаружили, что 7-летняя Татьяна, дочь посполитого Афанасия Иванова Шаповала [16], не получила своего порядкового номера, что повлияло на итоговые сведения о количестве лиц женского пола. Однако эту ошибку можно считать механической и такой, которая не может повлиять на чистоту нашего исследования.

Таким образом, исповедные росписи двух церквей города Пирятина за 1758 г. являются репрезентативными, поскольку в них обозначены все категории жителей города, в отличие, скажем, от других учетных источников XVIII в., в частности Румянцевской описи Малороссии. Названный источник мы используем для исследования половой, возрастной и брачной структуры населения как основных демографических характеристик.

Учитывая низкий уровень статистической культуры, присущий раннемодерному обществу, возникают сомнения относительно точности возрастных данных населения указанного в исповедных росписях. Возникают вопросы, насколько хорошо были осведомлены жители города о своем настоящем возрасте, использовали ли священники вспомогательные источники (метрические книги) при составлении списков или записывали возраст со слов по памяти или визуально. И, наконец, как скрупулезно заносились сведения о лицах младше семи лет.

По мнению исследователя И. Сердюка, в течение жизни часть людей забывала свой точный возраст, округляя его [17]. Такое округление проявлялось в добавлении цифр 0 и 5. По нашим подсчетам в возрастной группе 25–60 лет из 828 чел. выявлено 273 «юбиляра».

Для обозначения точности возраста в исторической демографии используется расчет индекса Уипла (Whipple index). В соответствии с ним отношение суммы численности населения, возраст которого оканчивается на 0 и 5 (начиная с 25 лет и до 60 лет), умноженной на 100, до 1/5 общей суммы численности населения в возрасте 23–62 года, рассчитывается по формуле: $I = ((S_{25} + S_{30} + S_{35} + \dots + S_{60}) \times 100) / (1/5 \times (S_{23} + S_{24} + \dots + S_{62}))$.

Подставив в формулу данные исповедных ведомостей, получаем, что индекс Уипла составит $I = 273 \times 100 / 1/5 \times 828 = 164$. Результат указывает на то, что качество данных, представленных в росписях, плохое, отклонения от стандарта, рекомендуемого ООН [18] (табл. 1), составляют 64%. Стоит заметить, что, несмотря на контроль церковной власти, исповедные росписи не отличались точностью. Так, индекс Уипла для исповедных росписей Полтавы 1775 г. составляет 141, что далеко от идеала [19].

Таблица 1

Стандарт ООН для измерения индекса Уипла

Индекс Уипла	Качество данных	Отклонение от идеала
<105	Очень точные	<5%
105-110	Относительно точные	5-9.99%
110-125	Хорошие	10-24.99%
125-175	Плохие	25-74.99%
>175	Очень плохие	≥75%

Анализ половозрастной структуры начнем с определения общей численности населения города и разделения всех его жителей на большие возрастные группы. Для этого воспользуемся методикой французских ученых Л. Анри и А. Блома. Они выделяют два способа такого разделения. Первый предполагает деление на молодых (0–19 лет), взрослых (20–59 лет) и пожилых (60 и старше). Второй – разделение на детей (0–14 лет), лиц активного возраста (15–64 года) и пожилых (65 лет и старше) [20]. Но, учитывая тогдашние представления о детстве и старости, современный исследователь Ю. Волошин предлагает следующее разделение: дети (0–14 лет), активное население (15–59 лет), пожилые (60 и старше) [21].

По нашим подсчетам на 1758 г. в Пирятине проживало 1 593 чел., из которых 774 мужчины и 819 женщин (табл. 2). В источнике не указан возраст лишь одного посполитого «Моисея Григориева Ткача» [22], поэтому данные о нем мы не будем вносить в таблицу.

Таблица 2

Распределение населения г. Пирятина за большими возрастными группами

Возрастная группа	0–14			15–59			60 и старше		
	Всего	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего	М	Ж
Численность	572	286	286	957	454	503	63	33	30
%	35,9%			60,1%			4%		

Сначала выясним уровень демографической старости населения Пирятина, для этого используем методику польского демографа Эдварда Россета. Нужно подсчитать долю лиц в возрасте 60 лет и старше. Э. Россет считал

население молодым, если доля пожилых людей не превышает 8% [23]. Как оказалось, среди жителей города пожилые люди составляли 4% – означает, что население Пирятина было демографически молодым.

Для полной характеристики половозрастного соотношения необходимо изучить ситуацию в отдельных возрастных категориях. Используем специальную таблицу (табл. 3), в которой всех жителей распределим по возрасту и полу, когда возраст не выяснен, данные вносим в соответствующую графу. За основу разделения взяты пятилетние возрастные группы. Кроме того, таблица содержит колонки с абсолютными и относительными величинами, а также высчитанным коэффициентом феминизации [24]. Коэффициент феминизации (соотношение численности женщин (Ж), которая приходится на 100 или 1000 мужчин (М)) рассчитывается по формуле: $Ж / М \times 100$ (1000 человек).

Таблица 3

**Половозрастная структура населения Пирятина в 1758 г.
(по материалам исповедные росписи двух церквей)**

Вік	Разом	Чоловіки	Жінки	Разом	Чоловіки	Жінки	Коефіцієнт фемінізації
	Абсолютна кількість			Показники структури, %			
0-4	177	87	90	100	49,1	50,9	103
5-9	190	91	99	100	47,9	52,1	108
10-14	205	108	97	100	52,7	47,3	89
15-19	163	72	91	100	44,1	55,9	126
20-24	179	81	98	100	45,2	54,8	120
25-29	139	44	95	100	31,7	68,3	215
30-34	194	114	80	100	58,8	41,2	70
35-39	77	44	33	100	57,1	42,9	75
40-44	95	49	46	100	51,6	48,4	93
45-49	32	14	18	100	43,7	56,3	128
50-54	56	27	29	100	48,2	51,8	107
55-59	22	9	13	100	40,9	59,1	144
60-64	34	20	14	100	58,8	41,2	70
65-69	11	7	4	100	63,6	36,4	57
70 і ст.	18	6	12	100	33,3	66,7	200
Неозначений	1	1		100	100	0	
Разом	1593	774	819	100	48,6	51,4	105

Как видим, преимущество в половой структуре принадлежало женщинам, они доминировали в большинстве возрастных групп. Коэффициент феминизации составлял 105. Отметим, что преимущество женщин было традиционным для популяции городов Гетманщины в XVIII в. Так, в полковом городе Стародубе коэффициент феминизации составлял 109, в Нежине – 101, Переяславе – 105 [25], а в Полтаве – 107 [26].

Среди детей наблюдаем незначительное преимущество девочек над мальчиками в младших возрастных группах (0–4) в соотношении 103 к 100 и (5–9) 108 к 100. Среди населения активного возраста (15–59) тотальное преимущество в половом соотношении женщин над мужчинами наблюдаем в возрастном промежутке 15–29 лет. Объяснением этому могут быть постоянные и сезонные миграции среди женщин трудоспособного возраста, значительно менявшие половую картину города. Увеличение количества мужчин в возрастном промежутке (30–44) можно объяснить высокой смертностью среди женщин вследствие истощения организма через тяжелый труд и рождения детей. В старших возрастных группах выше 45 до 59 лет снова наблюдаем увеличение количества женщин (в табл. 3), здесь, наоборот, большее количество вдов, возможно, это связано с постоянным участием в военных действиях мужчин (казаков).

Для более подробного объяснения процесса формирования половозрастных структур населения Пирятина обратимся к построению половозрастных пирамид. Этот метод является одним из наиболее апробированных инструментов для понимания демографических процессов [27]. Пирамиды являются двусторонними гистограммами (отдельно для каждого пола) распределения населения по возрасту и полу. Возраст обозначается на вертикальной оси, а численность на горизонтальной. Каждая возрастная группа представлена в виде прямоугольника с площадью пропорциональной численности данной группы (рис. 1). Последняя возрастная группа (70 лет и старше) охватывает 25 лет, потому что данными лиц старше 95 лет в исторической демографии принято пренебрегать. Для того чтобы она соответствовала пятилетним, ее численность необходимо разделить на пять [28].

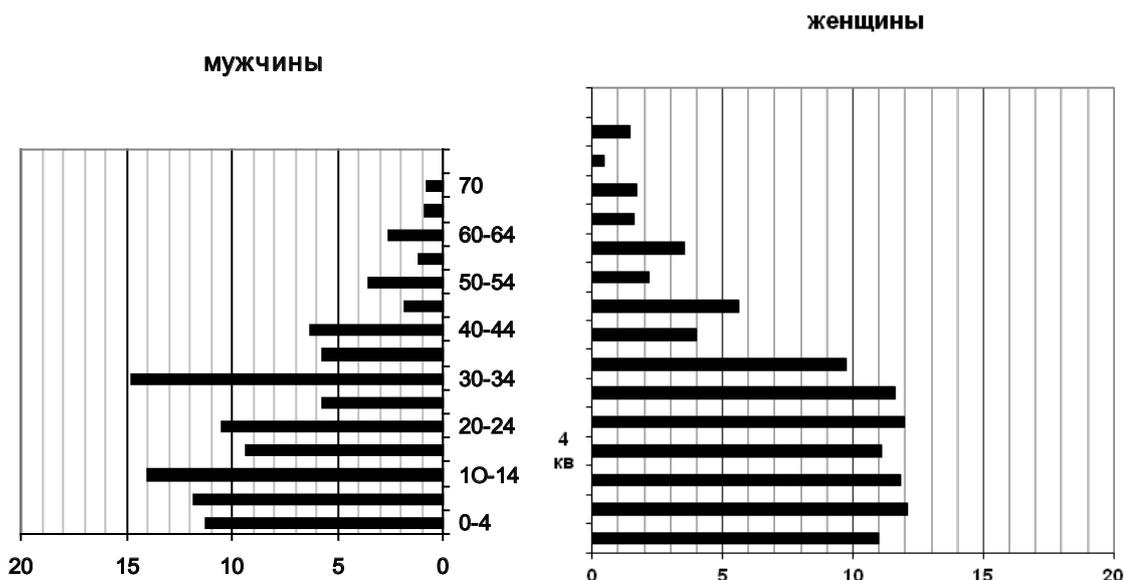

Рис. 1. Половозрастная пирамида населения Пирятина.

Построенные пирамиды сравним с предложенными шведским демографом Густавом Зундбергом «идеальными типами» возрастной структуры населения (прогрессивного, застойного и регрессивного) (рис. 2).

Рис. 2. Основные типы возрастных пирамид.

Прогрессивный тип характеризуется постоянным ростом населения, застойный тип – устойчивостью, регрессивный – уменьшением [29].

Обе конструкции мало похожи на классические пирамиды и демонстрируют резкие колебания численности обоих полов. Тем не менее такие пирамиды характерны для половозрастной структуры закрытого, традиционного общества с высокой долей детей и малой – пожилых людей в популяции города.

По материалам исповедных росписей рассчитаем брачную структуру населения. Под ней понимается распределение населения по брачному состоянию (положением индивида по отношению к институту брака) [30]. На основе источника попробуем исследовать количество жителей Пирятина, что находились в браке на 1758 г., установить количество лиц, вообще никогда не вступавших в брак, определить долю вдовцов и вдов в структуре населения.

Для достижения поставленной цели внесем мужское и женское население в специальную таблицу необработанных данных структуры брачного состояния населения (табл. 4).

Структура брачного состояния населения Пирятина в 1758 г.

Возрастные группы	Мужчины				Женщины			
	Всего	Гражданское состояние			Всего	Гражданское состояние		
		Холостые	Женатые	Вдовцы		Незамужние	Замужние	Вдовы
15–19	72	71	1		91	66	25	
20–24	81	40	41		98	25	70	3
25–29	44	12	31	1	95	9	83	3
30–34	114	10	103	1	80	6	62	12
35–39	44	1	43		33	1	27	5
40–44	49	3	44	2	46	2	23	21
45–49	14		13	1	18		15	3
50–54	27	2	21	4	29	1	12	16
55–59	9		6	3	13		5	8
60–64	20		16	4	14	1	3	10
65–69	7		4	3	4			4
70–	6		4	2	12		2	10
Всего	487	139	327	21	533	111	327	95

За нижнюю границу в расчетах взята возрастная группа (15–19) лет, поскольку в источнике мы не нашли младших лиц, состоящих в браке.

В брачной структуре городка абсолютное большинство составляли женатые. В браке состояли 237 мужчин (67,2%) и 237 женщин (61,3%). Большинство женатых мужчин (103) наблюдается в категории 30–34 года, а замужних больше всего в возрастной категории 25–29 лет – 83 женщины. На второй позиции находятся лица, которые никогда не состояли в браке. По исповедной росписи в двух приходах было 139 (28,5%) холостяков и 111 (20,9%) незамужних женщин. Все кто были вне брака, находились в возрастной категории 15–24 года (табл. 4), а, следовательно, имели все шансы на брак. При этом шансы молодых женщин были намного выше, учитывая, что на 91 девушку приходилось 111 мужчин.

Наименьшую долю среди населения города составляли лица, которые состояли в браке и потеряли своего партнера(шу) через смерть. В Пирятине в исследуемый период насчитывались 95 вдов (17,8%) и 21 вдовец (4,3%). Вдовы преобладают во всех возрастных группах, всего в категории 30–34 года – 12 женщин, 40–44 – 21 и 50–54 года – 16 женщин. Такое преимущество было типичным явлением для раннеמודерного общества. По мнению исследователя Ю. Волошина, причины такого перевеса следует связывать с большим количеством женщин, традиционно высоким уровнем смертности среди мужчин и сложностью для повторного брака вдов [31].

Подводя итоги, можем сделать вывод, что использованный нами для исследования источник – исповедные росписи двух приходов города Пирятин за 1758 г., несмотря на невысокое качество представленных в них данных, является достаточно информативным. Общая численность жителей города исследуемого периода составляла 1593 чел. с преобладанием в половой структуре женщин, что было обычным явлением для популяции городов Гетманщины. В общей структуре населения преобладали люди активного возраста 15–59 лет – 60,1%, дети до 14 лет составляли 34,9%. По уровню демографической старости население Пирятин было молодым, доля пожилых людей составляла всего 4%. В структуре брачного состояния мы обнаружили, что большинство горожан находились в браке: мужчины – 67,2%, а женщины – 61,3%, холостяков оказалось, соответственно: мужчин – 28,5%, женщин – 20,9%. Все неженатые (замужние) находились в младших возрастных категориях, а, следовательно, имели все шансы на брак, при этом шансы женщин были значительно выше. Доля вдовцов и вдов в структуре населения была наименьшей и составляла у мужчин 4,3%, а женщин – 17,8%.

Источники и литература

1. Гісцова Л.З. Сповідна книга Старокодацької запорозької хрестової наміснії 1766 року як джерело до вивчення історії поселень вольностей військових // Січеславський альм. Дніпропетровськ: Нац. гірнич. ун-т, 2006. Вип. 2. С. 20.
2. Миронов Б.Н. Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1989. Вып. XX. С. 103.
3. Волошин Ю.В. Стативно-вікова та шлюбна структура населення міста Полтави в другій половині XVIII століття // Історична пам'ять. Полтава, 2011. № 1. С. 7.
4. Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 104.
5. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: [Б. и.], 1830. Т. 10. С. 114–125.
6. Волошин Ю.В. Стативно-вікова та шлюбна структура... С. 7.

7. *Сакало О.* Джерела історичної демографії: сповідний розпис // Наукові записки: Зб. праць молодих вчених та аспірантів. Київ, 2009. Т. 19. Кн. 2. Частина 2. С. 380.
8. Государственный архив Полтавской области (ГАПО). Ф. 801. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
9. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 3. Л. 13об.
10. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.
11. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 3. Л. 12об.–13.
12. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
13. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 1об.
14. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
15. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 7об.
16. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 5об.
17. *Сердюк І.* Полкових городів обивателі: історико-демографічна характеристика міського населення Гетьманщини другої половини XVIII ст. Полтава: АСМІ, 2011. С. 79.
18. *Волошин Ю.В.* Статеві-вікова та шлюбна структура... С. 7.
19. Там же. С. 8–9.
20. *Анри Л., Блюм А.* Методика анализа в исторической демографии / Пер. с франц. С. Хока и Ю. Егоровой. М.: РГГУ, 1997. С. 23.
21. *Волошин Ю.* Розкольницькі слободи на території Північної Гетьманщини у XVIII ст. (історико-демографічний аспект). Полтава: АСМІ, 2005. С. 112.
22. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.
23. *Муромцева Ю.І.* Демографія: Навчальний посібник. К.: Кондор, 2006. С. 72.
24. *Волошин Ю.В.* Статеві-вікова та шлюбна структура... С. 10.
25. *Сердюк І.О.* Полкові міста Лівобережної України середини XVIII ст.: історико-демографічний вимір (на прикладі Ніжина, Переяслава й Стародуба): дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук: 07.00.01. К.: [на правах рукописи], 2010. С.197–199.
26. *Волошин Ю.В.* Статеві-вікова та шлюбна структура... С. 10.
27. *Сердюк І.* Полкових городів обивателі: історико-демографічна характеристика міського населення Гетьманщини другої половини XVIII ст. Полтава: АСМІ, 2011. С. 92.
28. *Анри Л., Блюм А.* Указ. соч. С. 26.
29. *Муромцева Ю.І.* Указ. соч. С. 68.
30. *Підгорний А.З.* Демографічна статистика: Навчальний посібник. Одеса: ОДЕУ, 2010. С. 55–56.
31. *Волошин Ю.В.* Статеві-вікова та шлюбна структура... С. 20.

Национально-возрастная характеристика учащихся спецпоселковых школ в Коми автономной области в 1930-е гг.**

Граждане, ограниченные в гражданских правах и выселенные в рамках репрессивной политики государства в административном порядке с мест постоянного проживания в ходе массовых насильственных (принудительных) переселений в отдаленные районы страны в 1930–1950-е гг., именовались спецпереселенцами. В Коми автономную область спецпереселенцы начали заселяться с 1930 г. в ходе массовой коллективизации и раскулачивания в центральных и южных районах страны. В 1930–1931 гг. в Коми автономную область было переселено 40 325 чел. [1]. На Север раскулаченные были направлены из Украины, Нижневолжского и Средневолжского краев, Центрально-Черноземной области, Крыма, Белоруссии. В начале 1930-х гг. в Коми области самую многочисленную группу из выселенных раскулаченных крестьян составляли русские, второй по численности этнической группой были немцы, выселенные из районов Поволжья. В 1932 г. из 38 902 спецпереселенцев было учтено русских – 35 149 чел., немцев – 2 359, татар – 505, поляков – 31, чувашей – 265, представителей мордвы – 283, армян – 39, евреев – 9, киргизов – 143, чехов – 83 чел. [2].

Спецпереселенцы высылались семьями, в спецпоселках для обучения детей были организованы школы. Работа школ в спецпоселках имела особо важное идеологическое значение. Исходя из существовавших инструкций школа обязана была «вырвать детей из вредного идеологического влияния на них со стороны их родителей – врагов советской власти и обезопасить от вредного воздействия окружающего их в спецпоселках населения», переделывать их психологически, перевоспитать в «активных, целиком преданных советской власти строителей новой жизни» [3]. На школу налагалась особая ответственность, в документах подчеркивалось, что школы в спецпоселках работают в особых условиях, так как «имеют дело с детьми самого живучего, самого паразитического остатка капиталистического класса – кулачества» [4].

Одним из первых документов, регулирующих деятельность спецпоселковых школ, было постановление коллегии Наркомата просвещения РСФСР о культурном строительстве в спецпоселках на 1931–1932-е гг., принятое летом 1931 г. В соответствии с постановлением предполагалось развернуть строительство школ, а также усилить вовлечение молодежи в производственную деятельность, чтобы оторвать ее от «влияния стариков», организовать сеть красных уголков и различных курсов. Планом было намечено строительство начальных и семилетних школ. Всего в спецпереселенческих регионах за 1931–1932 гг. необходимо было построить 725 школ первой ступени (начальных) и 204 школы второй ступени (семилетки). Однако их строительство шло медленно, и в 1932 г. охват детей спецпереселенцев школами достигал только 50% [5].

Школы и дошкольные учреждения в Коми крае начали строиться одновременно со строительством жилья в поселках. Планом Коми ОБОНО было предусмотрено строительство 48 школ. Для того чтобы обеспечить школы спецпоселков собственными типовыми зданиями, Коми областной отдел народного образования 31 октября 1931 г. заключил договор с трестом Комилес на постройку к 31 марта 1932 г. 43 школ. Но к июлю 1932 г. было сдано в эксплуатацию 13 школьных зданий, остальные школы были организованы в приспособленных зданиях [6].

В 1931 г. в спецпоселках школьным обучением охватывалось по Усть-Куломскому району 871 чел., Сторожевскому – 419, Ижемскому – 134, Сыктывдинскому – 444, Визингскому – 650, Троицко-Печорскому – 451, Прилузскому – 249, Усть-Вымскому – 695 чел. [7]. В Коми автономной области в 1932 г. обучалось 4614 детей спецпереселенцев, в том числе русских – 2 828, украинцев – 400, немцев – 368, белорусов – 44, татар – 81 чел., также были учтены армяне, башкиры, киргизы, мордва, чехи, поляки, чувашаи, коми, татары и др. Действовало 45 школ, из них одна татарская (с/п Одью Сторожевского района) и одна немецкая (с/п Вежа-ю Усть-Куломского района) [8]. Всего по Северному краю на 1 января 1933 г. работало 160 школ, из них 157 русских, две немецкие и одна татарская, где обучалось 14 933 детей спецпереселенцев, проживавших в 196 спецпоселках [9]. К 1933 г. численность детей в спецпоселковых школах снизилась до 3891 чел. Соотношение национальных групп также изменилось, второй по численности группой стали украинцы (табл. 1).

* **Игнатова Надежда Максимовна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, руководитель группы исторической демографии и исторической географии, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: ignatova11@gambler.ru

** Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

Таблица 1
Сведения по начальной школе (1–4 классы)
по спецпоселкам за 1932/33 уч.г.

Национальный состав	Количество учащихся
Русские	2 828
Украинцы	404
Белорусы	44
Немцы	368
Татары	81
Прочие	134
Всего	3 891

Источники: НАРК. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 638. Л. 83.

Как правило, школы организовывались в поселках, но если не было соответствующих условий, то дети спецпереселенцев обучались в школах близлежащих сел. В спецпоселковых школах преподавание велось в основном на русском языке, в немецкой – на немецком, кроме того, в двух школах велось смешанное преподавание на русском и немецком языках (спецпоселок Немецкий и Ношульская школа для спецпереселенцев, Прилузский район) [10]. В Усть-Вымском районе учащиеся немецкой национальности были учтены только в поселке Ветью, но обучение на немецком языке не производилось. В документах указывалось, что в спецпоселке Мещура этого же района, где обучалось 64 русских, 29 чел. мордвы и 26 чувашей, «в школе ведется занятие по своим национальностям ввиду наличия национальных работников, в остальных поселках работники русские» [11] (табл. 2).

Таблица 2

Национальный состав учащихся школ в спецпоселках
Усть-Вымского районана. 5 апреля 1932 г.

№ п/п	Спецпоселок	Учащиеся 8–15 лет						
		Русские	Украинцы	Татары	Немцы	Чуваши	Мордва	Белорусы
1	Вильордым	53	1	–	–	8	8	–
2	Ветью	33	45	–	31	–	–	–
3	Мещура	64	–	–	–	26	29	–
4	Усть-Коин	120	21	16	–	–	–	2
5	Божьюдор	187	13	–	–	–	–	–
6	Вожаель	188	24	–	–	–	–	–
	Всего	645	104	16	31	37	37	2

Источники: НАРК. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 638. Л. 24.

Численность национальных групп обучающихся детей спецпереселенцев и их процентное соотношение по районам не были одинаковыми. В частности, в Усть-Куломском районе было учтено в 1932 г. 167 учеников немецкой национальности, которые составляли 15% от числа всех обучающихся в районе детей спецпереселенцев. В тот же период в Прилузском районе гораздо меньшее число учащихся-немцев – 72 чел., что составило уже 23% от общего числа спецпереселенцев в районе (табл. 3). Всего в Коми области в 1933 г. было 367 учеников немецкой национальности, из которых наибольшее количество (140 чел.) проживало в Усть-Куломском районе (табл. 4).

Таблица 3

Национальный состав учащихся школ в спецпоселках
Усть-Куломского и Прилузского районов в 1932 г.

Показатели	Русские	Украинцы	Немцы	Белорусы	Всего
Усть-Куломский р-он. 15.04.1932					
Количество школ	9	–	1	–	10
Всего детей школьного возраста	998	36	167	–	1201
Из них обучается	944	30	151	–	1125
Прилузский р-он. 1.04.1932					
Количество школ	5	–	–	–	5
Всего детей школьного возраста	117	97	72	21	307
Из них обучается	117	97	72	21	307

Источники: НАРК. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 638. Л. 12, 16.

В 1934/35 учебном году всего обучалось 3 729 детей спецпереселенцев, в том числе по классам: I – 546 чел., II – 741, III – 774, IV – 991, V – 402, VI – 166, VII – 76 чел. [12]. В 1935/36 учебном году действовало 30 начальных и восемь неполных средних спецпоселковых школ, в которых обучалось 3 885 чел., в том числе в начальной школе – 2 740 и в неполной средней – 1 145 детей [13]. В 1936 г. общая численность спецпереселенцев-«бывших кулаков» составила 18 623 чел., самыми большими национальными группами были русские, белорусы, немцы и украинцы (табл. 5). Среди учащихся спецпоселковых школ в 1935/36 учебном году было 3 905 учеников, в том числе 1 728 русских (44,2%), 503 белорусов (12,9%), 423 немцев (10,8%), 348 украинцев (8,9%) и др. (табл. 6).

Таблица 4

Национальный состав детей спецпереселенцев, обучающихся в школах. 25 июня 1933 г.

№ п/п	Район	Количество учащихся	% к общему числу детей	Мордва	Русские	Украинцы	Немцы	Татары	Белорусы	Чуваши
1	Сыктывдинский	846	98	–	529	16	2	–	–	–
2	Сысольский	738	98	19	197	139	83	–	–	–
3	Прилузский	346	100	7	160	74	97	1	7	–
4	Усть-Вымский	809	95	42	553	110	45	17	–	42
5	Усть-Куломский	983	98	6	785	26	140	–	26	–
6	Сторожевский	364	98	10	266	26	–	–	–	–
7	Троицко-Печорский	601	90	–	601	–	–	–	–	–
8	Усть-Усинский	172	100	5	167	–	–	–	–	–
9	Усть-Цилемский	196	100	–	196	–	–	–	–	–
	Всего	4 755		89	3 754	390	367	18	33	–

Источники: НАРК. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 732. Л. 7.

Таблица 5

Национальный состав населения спецпоселков Коми АССР. 2 февраля 1936 г.

№ п/п	Район и поселок	Русские	Белорусы	Немцы	Украинцы	Поляки	Другие
	Прилузский р-н						
1	Немецкий	255	–	245	–	–	–
2	Вельдору	43	–	245	28	–	–
3	Сор-ель	197	53	17	–	–	8
4	Усть-Вель	172	45	–	16	27	10
5	Чес-ель	91	16	–	174	–	–
	Сторожевский р-н						
6	Боровой	320	27	2	–	–	153
7	Щудог	196	–	–	11	–	1
	Троицко-Печорский р-н						
8	Горт-ель	329	–	–	173	–	–
9	Ичет-ди	783	–	–	26	–	–
10	Сой-ю	500	–	–	–	–	–
	Усть-Куломский р-н						
11	Лопью-Вад	174	200	59	33	56	30
12	Тимшер	245	125	4	–	64	–
13	Ындын	240	16	275	–	24	3
14	Пивью	424	–	3	–	–	–
15	Зинстан	296	152	–	–	62	–
16	Лесной Чер	222	–	–	–	–	–
17	Вежаю	396	62	–	–	170	–
18	Окос	276	–	–	–	–	–
	Усть-Усинский р-н						
19	Песчанка	912	–	–	–	–	–
20	Пиня-из	759	4	–	87	–	–
	Сысольский р-н						
21	Ниагор	587	21	1	305	–	10
22	Рабог	330	–	8	24	–	–
23,24	Воквад и Воктыла	640	15	502	111	–	237
	Усть-Вымский р-н						
25	Ветью	217	314	165	314	3	5
26	Божьюдор	289	406	–	3	2	2
27	Усть-Коин	208	253	–	132	2	1
28	Мещура	252	1	1	17	–	106

№ п/п	Район и поселок	Русские	Белорусы	Немцы	Украинцы	Поляки	Другие
29	Вожаель	402	–	2	–	–	–
30	Вьльордым	286	25	–	33	–	66
Сыктывдинский р-н							
31	Ворью	520	–	32	–	–	–
32	Расью	553	178	14	–	4	5
33	Соль	166	152	–	–	11	2
34	Веж	201	206	–	4	12	–
35	Емельстан	224	71	–	7	15	–
36	Сапыч	257	207	–	4	6	–
37	Теплогорка	424	–	–	7	–	–
Всего		11954	2549	1911	1209	361	639
% к общему числу – 18623 чел.		64,2	13,7	10,3	6,5	1,9	3,4

Источники: НАРК. Ф.Р-366. Оп. 1. Д. 40. Л. 1, 2.

В состав «других» национальностей входили евреи, латыши, армяне, мордвины, молдаване, чуваша, татары, башкиры, киргизы.

Таблица 6

**Национальный состав учащихся
спецпоселковых школ в 1935/36 уч.г.**

№ п/п	Национальность	1–4 классы	5–7 классы	Всего
1	Армяне	7	–	7
2	Башкиры	1	2	3
3	Белорусы	462	41	503
4	Корейцы	1	–	1
5	Киргизы	1	–	1
6	Мордва	34	30	64
7	Немцы	305	118	423
8	Поляки	12	7	19
9	Русские	1 188	540	1 728
10	Татары	33	7	40
11	Украинцы	217	131	348
12	Чехи	1	3	4
13	Чуваша	14	6	20
14	Коми	16	3	19
	Другие национальности	448	277	725
Всего		2 740	1 165	3 905

Источники: НАРК. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 1019. Л. 17.

(157 чел.), Воквад (237) и Межадор (122 чел.) в Сысольском районе и в спецпоселке Итчет-ди Троицко-Печорского района (172 чел.) [16]. Кроме того, по республике действовала сеть интернатов-общежитий при школах в спецпоселках, где ежегодно проживало более одной тысячи детей спецпереселенцев. В 1935 г. таких интернатов было восемь, в 1938 г. – 11 [17]. Всего по Коми АССР в общей статистике с местным населением работало около 400 школ, где обучалось более 40 тыс. учеников [18].

В 1940-е гг. сеть спецпоселковых школ значительно расширилась. С прибытием спецпереселенцев категории «польские осадники и беженцы» было определено, что 3 144 детей спецпереселенцев нуждаются в школьном обучении, в том числе 2 474 по младшим и 670 детей по V–VII классам [19]. Такая ситуация требовала создания новых школ. Большую работу по их организации проводила Делегатура Польского посольства. За 1940/41 учебный год было организовано 18 школ для детей спецпереселенцев нового контингента. Самое большое количество польских граждан было заселено в Прилузский район, половина детей школьного возраста (1 399 чел.)

находилась в этом районе, здесь было организовано семь школ из 18 [20]. Там, где специальные школы не были организованы, дети польских граждан учились в 36 существующих спецпоселковых школах при организации в них дополнительных классов.

В дальнейшем система школьного обучения для детей спецпереселенцев не подвергалась серьезной реорганизации. В 1940-е гг. число школ увеличивалось, в спецпоселках организовывались, помимо начальных и семилетних, средние школы. Всего по Коми АССР на 1946 г., включая местное население, из 36 средних школ в 12 велось обучение на русском языке и в пяти – смешанное (на коми и русском языках, так как существовали и коми, и русские классы) [21].

В 1930-е гг. в Коми автономной области (с 1936 г. – Коми АССР) существовало около 40 школ, в которых обучалось около 4 тыс. чел., основными национальными группами среди учащихся детей спецпереселенцев были русские, которые составляли подавляющее большинство, а также украинцы, белорусы и немцы. Такое соотношение национальных групп соответствовало общей численности и национальному составу спецпереселенцев в целом.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 576. Л. 121.
2. НАРК. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 911. Л. 3.
3. НАРК. Ф.Р-148. Д. 638. Л. 51.
4. НАРК. Ф.Р-374. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.
5. *Шашков В.Я.* Развитие образования в спецпоселках ГУЛАГа // Народное образование. 1999. № 2. С. 137.
6. НАРК. Ф.П-18. Оп. 3. Д. 344 «а». Л. 2.
7. НАРК. Ф.Р-144. Оп. 1. Д. 1575. Л. 45.
8. НАРК. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 638. Л. 83.
9. *Шашков В.Я.* Развитие образования... С. 139.
10. НАРК. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 728. Л. 1–33.
11. НАРК. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 638. Л. 24.
12. НАРК. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 825. Л. 1.
13. НАРК. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 1019. Л. 55.
14. НАРК. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 1140. Л. 14.
15. НАРК. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 690. Л. 36.
16. НАРК. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 728. Л. 1–33.
17. НАРК. Ф.Р-148. Оп. 1. Д. 1019. Л. 61.
18. НАРК. Ф.Р-241. Оп. 1. Д. 41. Л. 6.
19. НАРК. Ф.Р-605. Оп. 4. Д. 40. Л. 164.
20. НАРК. Ф.Р-605. Оп. 4. Д. 42. Л. 63.
21. НАРК. Ф.П.-1. Оп. 4. Д. 90. Л. 6.

Воспроизводство населения Коми АССР в 1960–1970-е годы**

Динамика естественного движения населения, факторы и структура рождаемости и смертности в республике в 1960–1970-е гг. уже показаны в целом ряде работ [43, 48, 49, 50 и др.]. Однако большинство из них имеют широкие тематические и хронологические рамки, и специально интересующий нас период в них не рассматривается. В предлагаемой вниманию работе сделана попытка более детально осветить различные стороны воспроизводства населения Коми АССР в 1960–1970-е гг. и взаимовлияние демографических процессов и социальных явлений. Основная задача работы – показать вклад рождаемости и смертности в динамику естественного воспроизводства населения, особенности возрастно-половой и семейно-брачной структуры населения, динамику брачности и разводимости.

Фактический уровень рождаемости и его динамика складываются под воздействием двух основных факторов: 1) демографической структуры населения (возрастно-половой и брачно-семейной) и 2) репродуктивного поведения людей. Анализ рождаемости целесообразно начать с рассмотрения возрастно-полового состава и семейно-брачной структуры населения, поскольку с ними связаны непосредственно процессы воспроизводства.

Возрастно-половая структура населения. Динамика рождаемости и смертности в значительной степени обусловлена особенностями возрастно-полового состава населения.

Таблица 1

Возрастной состав населения Коми АССР (по данным переписей населения), тыс. чел. [35 л. 3.]

Возраст	Численность населения, тыс. чел.			% ко всему населению		
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Все население	815,0	964,8	1110,4	100,0	100,0	100,0
0-4 лет	107,4	82,8	100,9	13,2	8,5	9,1
5-9 лет	81,9	107,3	91,8	10,1	11,1	8,3
10-14 лет	43,7	104,3	86,4	5,4	10,8	7,8
15-19 лет	57,0	85,3	104,6	7,0	8,8	9,4
20-29 лет	213,9	147,3	247,9	26,2	15,3	22,3
30-39 лет	150,7	195,8	157,8	18,5	20,3	14,2
40-49 лет	78,9	127,9	163,3	9,7	13,3	14,7
50-59 лет	46,4	59,6	91,8	5,6	6,1	8,3
60-69 лет	35,6	35,1	40,1	4,4	3,6	3,6
70 лет и старше		18,1	25,8		2,0	2,3

Численность и удельный вес отдельных возрастных групп в общей численности населения республики за межпереписной период с 1959 по 1970 г. претерпели существенные изменения (табл. 1.) При общем росте численности населения республики количество детей младших возрастов (0–4 года) и молодежи в возрасте 20–29 лет резко сократилось. Доля возрастной группы от 20 до 29 лет (родившиеся в военные и первые послевоенные годы) сократилась с 26,2 до 15,3%, в то время как возрастной группы 30–49 лет выросла – с 28,2 до 33,6% [47, с. 19].

Наиболее заметные изменения в 1960-е гг. произошли в возрастной структуре сельского населения. Численность детей в возрасте до одного года уменьшилась на 42%, в возрасте 1–6 лет – на 19, лиц 20–29 лет – на 40%. Сокращение численности детей явилось следствием низкой рождаемости на селе, которая сократилась за 11 лет в два раза, а в Ижемском и Усть-Куломском районах – в 2,6 раза, Прилузском – в 2,3 раза. Небольшая численность и удельный вес возрастной группы 25–29 лет объясняется низкой рождаемостью на селе в годы Великой Отечественной войны (так называемое, демографическое эхо войны), а 20-24 лет - безвозвратной миграцией сельской молодежи в городскую местность [20, л. 28].

В конце 1970-х гг. численность и удельный вес детей младших возрастов несколько выросли, но детей и подростков в возрасте от 5 до 14 лет – уменьшились. Существенно увеличилась за 1970–1979 гг. численность молодежи в возрасте от 15 до 29 лет. Их удельный вес в составе населения поднялся с 24,1 до 31,7%, но не достиг уровня 1959 г.

* **Безносова Наталья Павловна** (Сыктывкар) – научный сотрудник группы исторической демографии и исторической географии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Статья публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

В 1960–1970-е гг. быстро развивался процесс демографического старения населения (увеличение удельного веса лиц старше 60 лет во всем населении). Их доля выросла с 4,4 в 1959 г. до 5,9% в 1979 г. Главной причиной этого процесса являлось не столько увеличение средней продолжительности жизни, сколько ощутимое понижение рождаемости.

Возрастная структура населения Коми АССР, как и других районов нового промышленного освоения, отличалась высоким удельным весом лиц трудоспособного возраста, особенно молодых и средних возрастов, а также повышенной долей мужчин, чем благоприятно отличалась от центральных регионов и многих областей Европейского Севера.

Численность населения трудоспособных возрастов увеличилась за 1959–1970 гг. на 49,4 тыс. и составила 578,9 тыс. чел.: 311,5 тыс. мужчин в возрасте 16–59 лет и 267,4 тыс. женщин в возрасте 16–54 лет. Прирост за 11 лет составил 9,3%. Но, принимая во внимание тот факт, что численность населения республики за этот период выросла на 18,4%, оказывается, что доля лиц трудоспособного возраста в составе населения за этот период снизилась с 65,0 до 60,0% (в городской местности с 69,2 до 63,3, в селе – с 58,6 до 54,6%) [47, с. 22]. Это связано с тем, что в 1960-е гг. по сравнению с предыдущим десятилетием темпы нового промышленного освоения в республике несколько снизились. Приток населения из других регионов уменьшился, а во второй половине шестидесятых годов наблюдалось отрицательное сальдо внешних миграций.

С конца 1960-х гг. численность населения трудоспособного возраста стала увеличиваться вследствие вступления в состав трудовых ресурсов многочисленного поколения рожденного в 1950-е гг. За 1970–1979 гг. численность трудоспособного контингента выросла на 147,7 тыс. чел. (на 25,5%) и составила в 1979 г. 726,6 тыс. (393,6 тыс. мужчин и 333,0 тыс. женщин). Его удельный вес в составе населения поднялся с 60,0 до 65% [47, с. 22].

В трудоспособном возрасте преобладали мужчины, что объясняется, в первую очередь, особенностями развития производительных сил Коми АССР, а именно, высокой долей добывающих отраслей промышленности с преимущественным использованием мужского труда.

В 1959 г. в городах на 1000 мужчин приходилось 878 женщин, в селах – 986, в 1970 г. соотношение мужчин и женщин в городах выровнялось – 1000:991, в то время как в сельской местности диспропорция стала более заметной – 1000:948. Достигнутый баланс полового состава в городских местностях был в значительной степени результатом миграций в города сельских жителей республики.

Необходимо отметить, что наиболее высокий удельный вес мужского населения в рассматриваемый период наблюдался в Воркутинском горсовете, Княжпогостском, Печорском, Вуктыльском, Усинском районах, то есть в районах интенсивного хозяйственного освоения. И напротив, недостаток в мужском населении испытывали в Сыктывкарском горсовете, Прилузском и Сысольском районах. Показателен пример Удорского района, где в 1959 г. преобладало женское население, а в 1970 и 1979 гг. – мужское, что стало результатом притока мужчин-мигрантов на предприятия лесодобывающей промышленности.

Таким образом, в абсолютном выражении численность трудоспособного населения постоянно возрастала – за 1959–1979 гг. она увеличилась на 218,5 тыс. чел., или на 40,0%. В то же время удельный вес этой возрастной группы в составе населения увеличился только на 1,9%. Удельный вес детей и подростков (0–15 лет) за эти годы снизился с 29,1 до 26,9%. Зато росло число пенсионеров. По данным переписи 1979 г. лица пенсионного возраста (женщины 55 лет и старше, мужчины – 60 лет и старше) составляли 7,7% населения республики, в то время как в 1959 г. – 5,9%, что говорит о постепенном «старении» населения республики [40, с. 5].

Определяющее влияние на динамику рождаемости оказывает численность женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) (табл. 2).

Динамика изменения численности женщин репродуктивного возраста в Коми АССР была следующей: 1959 г. – 219,7 тыс. (город – 138,4, село – 81,3), в 1970 г. – 260,0 тыс. (соответственно 178,5 и 81,5), в 1979 г. – 308,8 тыс.

Таблица 2 (234,1 и 74,7). За 1959–1979 г. численность женщин в

Удельный вес женщин репродуктивного возраста в Коми АССР в 1959–1979 гг., % [47, с. 19]

Возраст	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Всего женщин	100,0	100,0	100,0
15–19	6,5	8,5	8,7
20–24	10,6	7,2	9,9
25–29	10,4	6,3	10,1
30–34	11,7	10,3	6,5
35–39	7,4	7,7	6,8
40–44	5,2	8,3	7,9
45–49	5,1	5,7	6,3

возрасте от 16 до 49 лет увеличилась на 89,1 тыс. (на 40,6%), но если в городской местности их численность выросла почти на 70%, то в сельской – снизилась на 8%. Удельный вес женщин детородного возраста в составе женского населения с 1959 по 1970 г. снижался (с 56,2 до 54,1%), а к 1979 г. вновь поднялся до уровня 1959 г. (56,3%) [21, л. 3–4].

Наибольший интерес для нас представляет рассмотрение в структуре женского репродуктивного населения численности женщин наиболее фертильного (плодовитого) возраста (от 20 до 29 лет), поскольку они вносят основной вклад в процесс воспроизводства на-

селения. Так, сокращение численности женщин наиболее фертильного возраста в первой половине 1960-х гг., вызванное низким уровнем рождаемости в годы Великой Отечественной войны, оказало существенное влияние на уменьшение общего и специального коэффициентов рождаемости в республике в 1960-е гг.

С 1959 по 1970 г. наблюдается существенное снижение женского населения в возрасте от 20 до 29 лет – с 80,9 до 65,8 тыс. чел., особенно заметно уменьшение их численности в сельской местности (с 30,0 до 18,0 тыс.). В 1970–1979 гг. ситуация меняется. Численность женщин наиболее фертильного возраста растет как в городской, так и в сельской местности и достигает к 1979 г. 110,2 тыс. чел. [21, л. 3–4]. Их удельный вес в составе женского населения в течение 1959–1970 гг. также испытал сильное падение (с 21,0 до 13,5%), но к 1979 г. вновь поднялся (до 20,0%) [47, с. 19]. Положительные изменения в возрастной структуре женского репродуктивного населения сказались на увеличении общих показателей рождаемости в семидесятые годы.

Семейно-брачный состав населения. Число заключенных браков в Коми АССР в 1960-е гг., особенно в первой половине десятилетия, существенно уменьшилось. Их общее число сократилось с 11,3 тыс. в 1959 г. до 9,3 тыс. в 1970 г. На семейно-брачной структуре и рождаемости отрицательно сказывались демографические последствия войны. Только за 1960–1965 гг. количество зарегистрированных браков снизилось на 29%. Коэффициент брачности (число браков на 1000 чел. населения) за 1960–1970 гг. также ощутимо сократился (с 14,1 до 9,7‰) [14, л. 59 об.].

Анализ возрастной структуры брачности свидетельствует о том, что в шестидесятые годы в брак стали вступать в более позднем возрасте. Так, в 1965 г. по сравнению с 1960 г. вступление в брак в возрасте 21–25 лет по удельному весу снизилось у мужчин на 12,9, у женщин – на 10,7%, а заключение браков в возрасте 26–29 лет, напротив, увеличилось – у мужчин на 9,1%, женщин – на 6,4%. Особенно отчетливо проявилась тенденция более позднего вступления в брак у мужчин. Перепись 1970 г. показала, что в возрастной группе 20–29 лет не состоялось в браке 42 тыс., или более половины мужчин этого возраста, а среди 30–39-летних – 20 тыс., или 19% мужчин этого возраста [20, л. 11].

Динамика браков в Коми АССР в 1960–1979 гг.
[14, л. 57 об.–60; 19, л. 4; 26, л. 1; 33, л. 4]

Годы	Браков, всего	В том числе		Приходится браков на 1000 чел.	В том числе	
		Город	Село		Город	Село
1960	11845	8124	3721	14,1	15,3	12,1
1965	8349	5579	2770	8,7	9,2	7,8
1970	9317	6421	2896	9,7	10,7	7,9
1975	11166	7831	3335	10,9	11,4	9,9
1979	12413	8889	3524	11,1	11,2	10,8

Таблица 3 В течение 1970-х гг., напротив, наблюдается постоянный рост числа заключенных браков и коэффициента брачности, за исключением незначительного снижения в 1976 г. Однако, несмотря на увеличение показателей брачности, в 1979 г. они не достигли уровня 1959 г. В конце 1970-х гг. уровень брачности в Коми АССР совпадал с аналогичным среднероссийским показателем.

Коэффициент брачности на территориях административных образований республики имел существенные различия. Так, в 1978 г. самый низкий уровень брачности зафиксирован в Интинском горсовете (9,0‰), самый высокий – в Княжпогостском районе (14,2‰) [31, л. 64].

Из общего числа мужчин и женщин, зарегистрировавших брак в 1978 г., 82% вступили в первый брак. В 1970-е гг. средний возраст женихов и невест, вступивших в первый брак по сравнению с предыдущим десятилетием снизился. Это явление имело объективные причины. В частности, возраста 20–24 лет стали достигать более многочисленные поколения, родившиеся в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. Повлияло на уровень брачности и принятие в 1967 г. Закона о всеобщей воинской обязанности, по которому были снижены призывной возраст и срок службы в армии. Это привело к омоложению брачности уже в конце 1960-х гг.

Таким образом, в динамике брачности в исследуемый период происходили неоднозначные процессы. К благоприятным факторам можно отнести так называемое омоложение брачности в 1970-е гг. – поднялся удельный вес вступающих в брак в молодые годы, особенно среди женщин. В целом же за 1960–1979 гг. коэффициент брачности снизился на 21,3%. В сельской местности на протяжении всех лет коэффициент брачности был значительно ниже, чем в городской, особенно во второй половине 1960-х гг. Доля повторных браков среди вступающих в брак увеличивалась во всех возрастных группах, особенно после 30 лет, что было связано с ростом числа разводов.

Динамика разводимости населения формируется под воздействием экономических, социальных и психологических факторов. К числу основных из них относились: законодательство, регулировавшее процедуру расторжения брака; урбанизация; вовлечение женщин в общественное производство; снижение рождаемости (малодетность не способствовала укреплению семьи); изменения, произошедшие в образе жизни и функциях семьи (развитие внесемейных ориентаций и интересов у обоих супругов оказывали влияние как на снижение детности, так и на уменьшение прочности брака) и др.

Количество разводов в Коми АССР ежегодно возрастало, особенно со второй половины 1960-х гг. На динамику разводимости оказало существенное влияние изменение законодательства о разводе (декабрь 1965 г.), когда была значительно упрощена процедура расторжения брака. Уже в 1966 г. показатели разводимости резко подскочили. По сравнению с 1960 г. число разводов в 1966 г. увеличилось более чем в 2 раза, а в 1979 г. – более чем в 4 раза, тогда как число заключенных браков за 1960–1979 гг. возросло лишь на 9,4%.

Таблица 4

Динамика разводов в Коми АССР в 1960–1979 гг. [14, л. 57 об.–60; 19, л. 4; 26, л. 1; 33, л. 4]

Годы	Разводов, всего	В том числе		Приходится разводов на 100 браков	В том числе	
		Город	Село		Город	Село
1960	1310	1135	175	11,0	14,0	4,7
1965	1854	1592	262	22,2	28,5	9,4
1970	3116	2563	553	33,4	39,9	19,1
1975	4165	3506	659	37,3	44,8	19,8
1979	5315	4531	784	42,8	51,0	22,2

Число разводов и коэффициент разводимости (число разводов на 1000 чел. населения) сильно дифференцированы по различным типам поселений и административным районам.

Разводы были более распространены в районах интенсивной миграционной подвижности населения, где складывались условия, понижающие устойчивость семейно-брачных отношений. Так, наибольшие показатели разводимости в течение рассматриваемого периода наблюдались в Воркутинском горсовете, а в семидесятые годы также в г. Ухте, Вуктыльском и Усинском районах [31, л. 65]. Такая ситуация определяется сложными переплетениями демографических, экономических и психологических факторов.

И, наоборот, в районах с пониженной миграционной активностью, а в Коми АССР это, прежде всего, сельские местности, где преобладало коренное коми население, разводов было значительно меньше. Анализ национального состава разводящихся свидетельствует, что в 1978 г. в числе разведенных мужчин коми составляли 9%, украинцы – 14, русские – 65; в числе разведенных женщин соответственно – 11, 12, 67% [31, л. 65].

Важным фактором роста разводимости являлась продолжавшаяся урбанизация. Уровень разводимости в городских местностях в 1960–1979 гг. был в 2-3 раза выше, чем в селе, но нельзя не заметить, что интенсивность процесса в селах была выше, чем в городах. Так, в 1979 г. коэффициент разводимости в сельской местности вырос по сравнению с 1960 г. в 4,7 раза, в то время как в городской местности – в 3,6 раза. На повышение уровня разводимости в сельской местности оказало влияние выравнивание пропорции между численностью мужчин и женщин, которая была нарушена в результате Великой Отечественной войны (у женщин выросла возможность вступления в брак, в том числе и повторный), а также возросшая миграционная активность сельских жителей.

Как показывает анализ данных, наибольшее число разводов приходилось на пары, имевшие достаточно большой стаж совместной жизни. Так, из всех разводов, зарегистрированных в республике в 1978 г. только 1,4% приходится на браки продолжительностью до одного года, 10% – 1–2 года, 26,9% – 3–4 года, 29,5% – от 5 до 9 лет, 25,0% – от 10 до 19 лет и 7,9% – 20 лет и более [31, л. 67]. Потенциальная непрочность современного брака, по мнению некоторых исследователей, отрицательно сказывается на уровне брачной рождаемости супругов задолго до расторжения брака [38, с. 73]. Ряд социологических исследований показал, что фактически брачные отношения прекращались в среднем на два-три года раньше юридического оформления развода. Поэтому есть основания полагать, что реальная продолжительность расторгнутых браков, была значительно меньше. По данным тех же социологических опросов, в двух случаях из трех инициатором развода являлись жены. Вовлечение женщин в общественное производство и обретение женщинами экономической самостоятельности положили конец их традиционной экономической зависимости от мужей, заставлявшей в прошлом терпеть самые неудачные браки [4, с. 99].

Всего в 1960–1969 гг. в Коми АССР было зарегистрировано 90,2 тыс. браков и 21,5 тыс. разводов, в 1970–1979 гг. – 108,2 тыс. браков и 42,5 тыс. разводов. Если в 1960 г. из каждых 100 браков распадалось 11, то в 1979 г. – уже 43 (рост в 3,9 раза). Столь быстрое и значительное увеличение числа разводов говорило о растущей непрочности браков и семейных отношений в целом. Особенно непрочными были первые браки. Например, из 5 240 разведенных в 1978 г. супружеских пар 89% состояли в первом браке, 10,5 – во втором, 0,5 – в третьем браке. Сравнительный анализ данных о разводах в Коми АССР и России показывает, что уровень разводимости в Коми АССР был выше, чем в среднем по РСФСР [31, л. 65–67].

Рост благосостояния и улучшение жилищных условий населения республики на фоне нормализации его возрастнополовой структуры, наблюдавшиеся в исследуемый период, привели к увеличению численности семей. Согласно переписи 1970 г. 967,1 тыс. чел. постоянного населения 892,5 тыс. чел. (92,2%) являлись членами семей. Всего было зарегистрировано 228,8 тыс. семей против 180,8 тыс. в 1959 г. Число семей выросло как в го-

родской, так и в сельской местности. Следует отметить, что 35 тыс. семей (15,3% всех семей) составляли семьи, где не было второго супруга. К одиночкам отнесли себя в 1970 г. 74,6 тыс. чел. (8% от общего населения).

В 1970-е гг. численность семей продолжала расти, к 1979 г. в Коми АССР насчитывалось 279,3 тыс. семей. В 1970–1979 гг. отмечается существенный рост числа семей в городских поселениях (на 54,4 тыс., или 35,6%), при одновременном сокращении их в сельской местности (на 2,9 тыс., или 3,7%). Доля населения, являвшихся членами семей, в общей численности населения на протяжении семидесятих годов практически не менялась (в 1970 г. – 92,2, в 1979 г. – 92,1%). По данным переписи 1979 г. в семьях совместно проживало 84% населения республик, 8,1% населения являлись отдельно проживавшими членами семей [47, с. 33, 37]. К концу 1970-х гг. отмечается некоторый рост численности сельских мужчин, проживавших вне семьи, что зачастую было вызвано дефицитом невест на селе.

В структуре семьи преобладали полные семьи (87,4% от общего числа семей). Неполные семьи, как правило, образуются из полных семей в случае развода или смерти одного из супругов, а также в случае внебрачного рождения. Число неполных семей, состоящих из одного родителя, обычно матери, и детей (ребенка), осталось на уровне 1970 г. Таких семей в 1979 г. насчитывалось 35,2 тыс., но их удельный вес в общем числе семей снизился до 12,6%. К одиночкам отнесли себя в 1979 г. 7,9% [34, л. 3]. Их доля в составе населения за 1970–1979 гг. почти не изменилась.

В период между переписями 1959 и 1979 гг. произошло существенное перераспределение семей между городом и селом. Число семей в сельской местности уменьшалось, в городской – соответственно росло. Если в 1959 г. число городских семей превышало число сельских в 1,6 раза, в 1970 г. – в 1,9 раза, то в 1979 г. уже в 2,7 раза, что было результатом продолжавшейся урбанизации. Увеличивалась и доля городских семей в общей численности семей: в 1959 г. – 61,3%, в 1970 г. – 65,6, в 1979 г. – 72,9% [47, с. 33].

На процесс формирования семьи оказали влияние миграция из села в город, охватившая в различной степени разные возрастно-половые группы, но преимущественно молодежь, как наиболее мобильную часть населения. Поэтому надо принимать во внимание, что прирост общего числа семей произошел вследствие увеличения числа городских семей при одновременном сокращении их величины, что нашло свое выражение в снижении показателей рождаемости.

Для характеристики изменения семейной структуры населения имеет значение динамика не только общего числа семей, но и их распределение по величине (табл. 5).

Таблица 5

Число семей Коми АССР и группировка по размеру (по данным переписей населения) [47, с. 33; 35, л. 7]

Годы	Число семей, тыс.	В том числе семьи, состоящие из совместно проживающих						Средний размер семьи
		2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел.	6 чел.	7 чел. и более	
1959	180,8	52,7	50,7	38,2	21,2	10,4	7,6	3,5
1970	228,8	54,1	66,4	61,7	26,4	10,9	9,3	3,6
1979	279,3	74,2	93,7	75,0	23,9	7,4	5,1	3,3

За 1959–1970 гг. средний размер семьи по числу совместно проживающих членов семей увеличился и составил 3,6 чел, среди горожан – 3,4, сельского населения – 3,9 чел. (В 1959 г. средний размер семьи составлял соответственно 3,5; 3,4; 3,8). При этом в 1970 г. средний размер семьи в Коми АССР был несколько ниже, чем в среднем по стране (в СССР – 3,7 чел.), но в городской местности – выше (в СССР – 2,8) [38, с. 21].

Не ставя специальной задачи проанализировать этнические различия, отметим лишь, что различия в средней величине семьи соответствовали уровню детности женщин разных национальностей. Так, в группе самых многочисленных национальностей республики самый большой размер семьи наблюдался среди коми – 4 чел., русских и белорусов – 3,4 [20, л. 51–53].

В семидесятые годы средний размер семьи в республике, как и среднее число детей в ней, неуклонно сокращался и в 1979 г. составил 3,3 чел. В Коми АССР, как и по стране в целом, наблюдалась тенденция перехода от сложной, многопоколенной семьи к семье нуклеарной, состоявшей, как правило, из супружеской пары и их детей.

Распределение семей по величине с 1959 по 1979 г. менялось в сторону их уменьшения. Общая тенденция заключалась в устойчивом увеличении удельного веса семей, состоявших из двух человек, доли трех-, четырехчленных семей и уменьшении удельного веса больших семей, состоявших из пяти и более совместно проживавших членов семьи. Если в 1959 г. доля семей, насчитывавших пять и более человек, составляла 21,7%, то в 1970 г. она снизилась до 19,6, в 1979 г. – до 13,3%. Соответственно, доля семей из двух-четырёх человек выросла с 78,3 в 1959 г. до 80,4 в 1970 г. и до 86,7% в 1979 г. [47, с. 34].

В 1979 г. по сравнению с 1970 г. число семей из двух человек выросло на 37,2%, а с 1959 г. – на 40,8%, из трех человек – соответственно на 41,1 и 84,8%, из четырех человек – на 21,6 и 96,3%. Число семей, где насчитывалось пять и более членов с 1959 по 1970 г. незначительно увеличилось, но в 1970–1979 гг. вновь снизилось,

что, по-видимому, объясняется массовым жилищным строительством в семидесятые годы, ускорившим процесс разделения сложных семей.

Индустриализация и урбанизация затронули и сельское население и привели не только к перераспределению численности городских и сельских семей, но и к значительным изменениям в семейной структуре сельского населения, где темпы сокращения размера семьи были выше, чем в городе. Если в городской местности за 1959–1979 гг. средний размер семьи уменьшился с 3,4 до 3,3 чел., то в сельской – с 3,8 до 3,5 чел. [47, с. 33].

Анализ структуры семей позволяет сделать основные выводы: 1) Доля лиц, являвшихся членами семей (совместно проживающие плюс отдельно проживающие члены семей) в течение анализируемого периода практически не менялась. 2) Средний размер семьи снижался как в городской, так и сельской местности, но темпы снижения в селе были выше, чем в городах. 3) Росли число и удельный вес семей, состоящих из двух-четырех человек, как правило, супругов (или одного из супругов) и детей (наибольшими темпами росло число семей, состоящих из четырех человек). И уменьшалось число семей, где насчитывалось пять и более членов семей.

Рождаемость. Изменения в возрастно-половом составе и семейно-брачной структуре населения оказывали влияние на воспроизводство населения республики. Величина рождаемости детерминирована социально-экономическими условиями, психологическими мотивами, демографическими установками или демографическим поведением людей, состоянием здоровья супружеских пар и др. факторами.

Динамику рождаемости можно проследить по абсолютному числу родившихся, общим и суммарным коэффициентам рождаемости (табл. 6, 7).

Тенденция снижения рождаемости в Коми АССР, обозначившаяся в 1950-е гг., продолжилась до 1968 г., который отмечен наименьшими показателями числа рождений (16,2 тыс. чел.) и общего коэффициента рождаемости (16,9‰). 1960-е гг. стали периодом наибольшего снижения уровня рождаемости в республике. За 1960–1970 гг. абсолютное число родившихся уменьшилось с 25,6 до 16,5 тыс. Общий коэффициент рождаемости (ОКР) в Коми АССР снизился за этот период до 17,1‰, или на 43,8%. К началу 1970-х гг. он опустился ниже аналогичного показателя по СССР, но оставался выше российского (на 16,4%), в то время как в 1960 г. уровень рождаемости в республике был на 22% выше, чем в СССР и на 31% превышал уровень рождаемости по России.

Таблица 6

Динамика рождаемости населения Коми АССР в 1960–1979 гг.
[7, л. 7; 8, л. 7; 9, л. 5; 13, л. 7; 14, л. 57 об.; 15, л. 7; 16, л. 7; 17, л. 4; 19, л. 4; 22, л. 7; 23, л. 7; 24, л. 7; 25, л. 7; 26, л. 1; 27, л. 1; 28, л. 1; 29, л. 1; 33, л. 4]

Годы	Число родившихся, чел.	В том числе		ОКР, ‰	В том числе	
		Город	Село		Город	Село
1960	25578	14214	11364	30,4	28,2	35,0
1961	24973	13898	11075	29,5	27,5	32,5
1962	23204	12706	10498	26,7	24,3	30,2
1963	21664	11612	10052	24,4	21,6	28,3
1964	20433	11401	9032	21,8	19,8	24,7
1965	18956	10879	8077	19,8	18,0	22,8
1966	17744	10444	7300	18,7	18,4	19,9
1967	16839	10114	6725	17,7	17,4	18,2
1968	16237	9874	6363	16,9	16,8	17,2
1969	16277	10382	5895	17,0	17,6	16,1
1970	16462	10459	6003	17,1	17,5	16,3
1971	17058	11138	5920	17,5	18,1	16,4
1972	17669	11706	5963	17,9	18,6	16,8
1973	17862	11908	5954	17,9	18,5	16,9
1974	18416	12128	6288	18,1	18,3	17,9
1975	18899	12876	6023	18,5	18,8	17,6
1976	19382	13472	5910	18,4	18,5	18,2
1977	19559	13669	5890	18,4	18,3	18,6
1978	20083	14152	5931	18,6	18,5	18,8
1979	20016	14000	6016	17,9	17,6	18,5

из которых 12,0 тыс. приходилось на сельскую местность и только 4,3 тыс. – на городскую. Существенно снизился и удельный вес женщин в возрасте от 20 до 29 лет. Если в 1959 г. он составлял 21,0% от общей численности женского населения, то в 1970 г. – 13,5%, то есть численность женщин этой возрастной группы сократилась на 35,7%. Ухудшение структуры женского населения репродуктивного возраста отрицательно сказалось на уровне рождаемости, особенно на селе [47, с. 19; 20, л. 11].

Особенно низкие показатели рождаемости наблюдаются в первой половине 1960-х гг. При росте численности населения Коми АССР в 1960–1965 гг. на 14%, число рождений в абсолютном выражении снизилось на 30%. Главными причинами падения рождаемости в эти годы были вступление в брачный возраст немногочисленного поколения, рожденного в годы войны, и снижение репродуктивной установки у населения, главным образом у женщин.

Решающее значение на уровень рождаемости оказывает численность женского населения репродуктивного возраста. За 1959–1970 гг. численность женщин фертильного возраста (15–49 лет) в республике увеличилась с 222,4 тыс. до 259,9 тыс. Однако если взять возрастную группу с более высоким уровнем рождаемости (18–39 лет), то оказывается, что ее численность за 11 лет не выросла, а уменьшилась на 3,0 тыс. (со 170,9 до 167,9 тыс.). При этом в наиболее фертильном возрасте (20–29 лет) уменьшение еще более ощутимое – на 16,3 тыс.,

Однако по расчетам А.Волкова, структурные сдвиги в составе женщин репродуктивного возраста в первой половине 1960-х гг. обусловили только 25% снижения числа рождений в этот период [3, с. 90]. Основная часть снижения числа рождений явилась результатом сознательного ограничения рождаемости.

После Указа 1955 г. «Об отмене запрещения абортов» число операций по искусственному прерыванию беременности резко возросло как в городской, так и в сельской местностях. При слабом обеспечении населения современными средствами контрацепции значительная часть женщин прибегала к аборту как единственному (при этом антигуманному и опасному для здоровья женщин) способу решения проблемы нежелательной беременности. Если в 1959 г. в Коми АССР было произведено 22,1 тыс. абортов, то в 1963 г. уже 25,4 тыс., что было на 17% больше числа живорождений за год [11, л. 87]. В 1964 г. в республике было официально зарегистрировано в медицинских учреждениях 46,5 тыс. операций по искусственному прерыванию беременности (в городской местности – 35,7, в сельской – 10,8), в 1965 г. – 46,1 тыс. По-прежнему много абортов производилось вне лечебных учреждений (в 1965 г. 7,1 тыс. случаев, или 15% от числа зарегистрированных абортов). Суммарное число искусственных абортов в 1965 г. составило огромную цифру – 53,6 тыс., т.е. число их в 6,6 раза превысило число родившихся за 1965 г. детей. В 1966 г. количество абортов резко снижается – 22,8 тыс. абортов (в городской местности – 17,5, в сельской – 5,3) [14, л. 68].

С конца 1960-х гг. численность женщин в возрасте от 20 до 29 лет стала медленно увеличиваться. За 1970–1979 гг. она увеличилась на 44,9 тыс. чел., а их удельный вес в составе женского населения вновь вырос до 20% [36, л. 22]. В процесс естественного воспроизводства вступило многочисленное поколение, рожденное в первое послевоенное десятилетие. Такое увеличение доли женщин репродуктивного возраста явилось одним из главных факторов, повлиявших на рост числа браков и показателей рождаемости в 1970-е гг.

В семидесятые годы рождаемость в республике имела устойчивый характер с незначительной тенденцией к повышению. Максимальное число рождений отмечено в 1978 г. (20,1 тыс.). В абсолютных цифрах число родившихся в 1979 г. по сравнению с 1970 г. выросло на 21,6%, при этом в городских местностях число рождений увеличилось, в сельских – осталось практически без изменений. ОКР в республике с 1970 до 1978 г. немного подрос (с 17,1 до 18,6‰), но в 1979 г. вновь снизился (до 17,9‰).

Повышение уровня рождаемости в 1970–1979 гг. наблюдается в большинстве городских и сельских поселений. ОКР за 10 лет существенно поднялся в Сысольском районе, г. Сыктывкаре, более других – в Сыктывдинском районе (с 14,7 до 21,3‰), снизился – в г. Воркуте, Троицко-Печорском, особенно в Удорском районах (с 17,1 до 12,8‰) [32, л. 18 об.]. Интересно, что снижение ОКР в Удорском районе произошло при росте абсолютного показателя рождаемости. Это объясняется быстрым увеличением численности населения района за счет миграционного прироста.

Показатель ОКР в разрезе городов и районов колебался от 15,1 до 21,6‰. Наиболее высокая рождаемость в 1979 г. наблюдалась в Усть-Куломском, Корткеросском, Сыктывдинском, Сысольском и Прилузском районах. К районам с низким уровнем рождаемости относились Княжпогостский район, города Инта и Воркута [36, л. 20].

Увеличение абсолютных показателей и общих коэффициентов рождаемости в 1970-е гг. не носило принципиального характера и объясняется скорее улучшением возрастнополовой структуры репродуктивного населения, нежели принципиальным изменением его репродуктивной установки. Особенностью динамики рождаемости в 1970-е гг. была тенденция к ее понижению, несмотря на увеличение ОКР.

Несовершенство ОКР состоит в том, что общие коэффициенты отражают не столько сегодняшнее, сколько прошлое состояние демографической сферы. В анализируемый период они во многом были обусловлены пока еще сравнительно молодой возрастной структурой населения, сложившейся в годы, когда рождаемость была высокой, а смертность быстро снижалась. Для более правильной оценки состояния демографической ситуации необходимо использовать показатели, менее зависимые от возрастной структуры: суммарные и возрастные коэффициенты рождаемости.

Анализ динамики суммарного коэффициента рождаемости (СКР – число живорождений в среднем на одну женщину за всю ее жизнь) однозначно показывает, что с конца 1950-х гг. в Коми АССР идет серьезное снижение уровня рождаемости (табл. 7). Сравнение СКР в Коми АССР с аналогичными показателями по стране и России, указывает на то, что падение рождаемости в республике было стремительным, особенно в 1960-е гг. Если в 1958–1959 гг. СКР составлял 3,34, то в 1969–1970 гг. он опустился до 2,21, а в 1979–1980 гг. – до 1,98 (в СССР соответственно – 2,8, 2,4, 2,3, в РСФСР – 2,6, 2,0 и 1,9) [45, с. 43].

Таблица 7

Динамика суммарных коэффициентов рождаемости в Коми АССР, чел. [50, с. 30]

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1958–1959	3,34	2,81	4,29
1969–1970	2,21	1,99	2,75
1979–1980	1,98	1,83	2,48

Величина СКР в городских и сельских поселениях республики имела достаточно сильные различия. Известно, что границе простого воспроизводства соответствует величина СКР равная 2,1–2,2. Как следует из табл. 7, уже в конце шестидесятых годов рождаемость в городах республики упала до столь низкого уровня, что не обеспечивала простого замещения поколений, в то время как в селах, где СКР за 20 лет также значительно снизился, рождаемость по-прежнему имела характер расширенного воспроизводства.

Интересным представляется сопоставление общего и суммарных коэффициентов рождаемости в различных типах поселений. ОКР четко выявляет общую тенденцию снижения рождаемости в исследуемый период как в городе, так и в селе, причем указывает на более высокие темпы снижения рождаемости в сельской местности по сравнению с городской. Так, в 1959–1970 гг. ОКР снизился в городах на 41%, в селе – на 49%. В 1969–1976 гг. ОКР рождаемости в селе был даже ниже аналогичного показателя в городе. Но СКР свидетельствует о том, что при очевидном снижении рождаемости в сельской местности она оставалась там значительно выше, чем в городской. В 1958–1959 гг. показатель СКР у сельских женщин был на 53% выше, чем у городских, в 1969–1970 гг. – на 40, в 1979–1980 гг. – на 35,5%. В то же время нельзя не отметить, что к концу 1970-х гг. в сельских поселениях республики уровень рождаемости вплотную приблизился к черте, за которой начинается суженное воспроизводство.

Повозрастные коэффициенты рождаемости позволяют определить, за счет каких возрастных групп менялась динамика рождаемости, и каков был вклад в рождаемость каждой из них.

Таблица 8

Повозрастные коэффициенты рождаемости в Коми АССР в 1970 и 1979 гг., родилось на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, чел. [36, л. 23; 50, с. 33]

Возраст матери	Все население			Городское		Сельское	
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1970 г.	1979 г.	1970 г.	1979 г.
До 20 лет	37,4	34,7	46,5	34,1	43,6	35,8	55,0
20–24	184,9	178,6	164,9	175,3	154,5	186,6	193,2
25–29	183,2	99,0	100,1	89,3	92,1	127,2	127,9
30–34	129,9	76,3	62,9	64,6	58,9	106,7	81,0
35–39	85,1	39,9	17,5	26,6	14,3	65,5	30,6
40–44	32,8	11,9	6,5	6,1	4,1	22,7	14,4
45–49	4,3	1,5	0,6	0,7	0,3	2,8	1,3
15–49	93,9	63,3	64,9	58,6	59,7	73,7	81,2

При анализе возрастной структуры рождаемости обращает на себя внимание существенное увеличение в 1979 г. по сравнению с 1970 г. числа рождений у женщин в возрасте моложе 20 лет как в городской, так и сельской местностях. Наибольшее число рождений традиционно приходилось на возрастную группу 20–29 лет (в 1979 г. – 73% всех рождений). Таким образом, рождения все более сосредоточивались в младших и средних возрастных группах репродуктивного возраста (до 30 лет), при их сокращении в старших возрастах, т.е. в условиях контролируемой рождаемости женщины стали предотвращать деторождение задолго до окончания репродуктивного периода. Тенденция снижения интенсивности числа рождений у женщин после 30 лет носила общероссийский характер.

Как уже говорилось выше, к концу 1970-х гг. в Коми АССР все большее распространение получала семья с одним-двумя детьми, а в городской местности она становится доминирующей. Такой уровень детности (число детей в семье) ни при каких условиях не достаточен даже для простого замещения поколений и неизбежно ведет к депопуляции. Более половины родивших в 1979 г. женщин родили первого ребенка, 35% – второго и только 14% – третьего и более ребенка [36, л. 22].

Высокая доля первенцев и даже вторых детей в общем числе родившихся еще не свидетельствует о росте рождаемости. О действительном повышении уровня рождаемости говорит появление третьего ребенка. Между тем рождение третьего и более ребенка в семье происходило все реже. Если в 1970 г. в Коми АССР было зарегистрировано 3940 родившихся, которые стали третьим и более ребенком в семье, то в 1979 г. – уже 2 877 (сокращение на 27%). Интересно, что к концу 1970-х гг. многодетные матери «помолодели». Если в 1970 г. третий ребенок чаще появлялся у женщин в возрасте 30–34 года, то в 1979 г. – 25–29 лет [32, л. 25 об.–26].

В 1970 г. третий и более ребенок рождался чаще у сельских жительниц, в 1979 г., напротив, у горожанок. Малодетность приобретала на селе все более массовый характер. Число матерей, решившихся на рождение третьего и более ребенка, в сельской местности снизилось – с 2 556 в 1970 г. до 1 366 в 1979 г. [32, л. 25 об.–26]. По структуре детности сельская семья приблизилась к городской.

Основные тенденции рождаемости характеризуются и рядом специфических показателей. Так, динамика численности и удельного веса многодетных и одиноких матерей свидетельствует о репродуктивных установках женщин.

Число многодетных матерей, получавших государственное пособие, постепенно уменьшалось (материальную поддержку государства получали женщины, имевшие четырех и более детей). В 1975 г. было зарегистрировано 5 558 многодетных матерей, к 1978 г. их число сократилось до 4 118, причем во всех без исключения административно-территориальных образованиях республики. В городских поселениях больше всего многодетных матерей проживало в Сыктывкаре и Ухте, на селе – в Усть-Куломском, Ижемском, Корткеросском, Прилузском районах [32, л. 46].

Значительно сократилось и число внебрачных рождений, которое было очень велико в первое послевоенное десятилетие и оказало существенное влияние на высокий уровень рождаемости в тот период [51, с. 79]. Так, в 1950 г. дети, родившиеся у одиноких матерей и супругов, не состоявших в официальном браке, составляли 47,9% от общего числа рождений, а в 1979 г. – 8,8%. Нельзя не отметить, что с середины 1970-х гг. показатели внебрачной рождаемости вновь стали повышаться.

В основе снижения рождаемости в Коми АССР в анализируемый период лежал целый комплекс причин

**Сведения о детях, рожденных вне брака
в Коми АССР в 1960–1979 гг.**

[6, л. 18–20; 12, л. 23–25; 19, л. 19–21; 26, л. 19–21; 33, л. 33–35]

Год	Всего родилось вне брака, чел.	% к общему числу родившихся		
		Всего	В городской местности	В сельской местности
1960	5018	19,6	15,8	24,4
1965	3307	17,4	16,1	19,3
1970	1398	8,5	7,5	10,2
1975	1483	7,8	6,8	10,0
1979	1755	8,8	7,8	11,1

Таблица 9

социально-экономического и личного характера. В числе главных: изменение возрастного состава населения, урбанизация и связанное с ней сокращение доли сельского населения, вовлечение женщин в общественное производство, снижение «ценности детей». Как один из факторов падения уровня рождаемости рядом ученых рассматривается рост уровня разводов [3, с. 93–94].

На снижение общей рождаемости в республике серьезное влияние оказали урбанизационные процессы (численность городского населения за 1959–1979 гг. выросла на 69,3%, его удельный вес – на 20,3%). Во-первых, уве-

личение доли городского населения привело к снижению общей рождаемости, так как городское население характеризуется более низкой плодовитостью по сравнению с сельским. Во-вторых, урбанизация повлияла на демографические процессы на селе. Одной из причин высокого уровня рождаемости в прошлом было значительное преобладание сельского населения. Процесс урбанизации и связанный с ним отток сельских жителей в города, бесспорно, сказался на снижении общего уровня рождаемости в республике. Кроме интенсивного перераспределения населения между городом и селом в пользу города, влияние урбанизации выразилось в том, что сельское население республики быстро восприняло демографическое поведение городских жителей. Если в 1959 г. ОКР сельчан был почти на 20% выше, чем у горожан, то в 1979 г. только на 5%. В-третьих, одновременно с урбанизацией и индустриализацией росла занятость женщин в общественном производстве.

Доля женщин в общей численности рабочих и служащих в республике росла до 1970 г. (в 1959 г. – 44,6%, в 1970 г. – 49,5%), после чего стабилизировалась на высоком уровне [43, с. 34]. К 1970 г. процесс вовлечения женщин в общественное производство был практически завершен. Роль женщины в развитии экономики республики и социальной сферы была очень высока, а в таких отраслях, как торговля и общественное питание, здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение, народное образование, женщины составляли абсолютное большинство.

По данным переписи 1970 г. 87,3% женщин республики в возрасте от 16 до 49 лет были заняты в общественном производстве, а в наиболее фертильном возрасте (20–29 лет) – 91,3%. В сельской местности была достигнута почти полная занятость женщин в возрасте от 20 до 29 лет (96,1 от общей численности этой возрастной группы), в городах этот показатель был несколько меньше (89,5%), в основном за счет учащейся молодежи [37, л. 1.]

Исключительно высокий уровень занятости женщин трудоспособного возраста в общественном производстве затруднял сочетание женщиной производственной и репродуктивной функций. Уравняв права женщин с правами мужчин в труде, общество поставило ее в сложную ситуацию, выход из которой большинство женщин видело в сокращении семейных функций, и, прежде всего, в снижении рождаемости. Большинство женщин в городах ограничивалось одним-двумя детьми, в то время как для простого воспроизводства населения на замужнюю женщину в среднем должно приходиться двое-трое детей.

Таким образом, центральной и наиболее сложной проблемой демографии в рассматриваемый период были низкая рождаемость и малодетность. Сложность состояла в том, что репродуктивные интересы общества и личности (семьи) в современных условиях не всегда совпадают. Общество не может обеспечить свое существование без большей доли в своем составе семей с тремя и более детьми, в то время как большинство семей уже не испытывает потребности в таком числе детей [4, с. 198].

Очевидно, что противоречие между гетерогенной и общественными функциями женщины должно было преодолеваться при широкой поддержке государства. В области демографической политики принимались опре-

деленные меры, однако в тот период государственная демографическая политика, которая учитывала бы интересы и государства, и граждан еще не была четко определена и находилась в стадии разработки.

В целях стимулирования рождаемости, создания лучших условий для воспитания подрастающего поколения и поддержки семей советским правительством был принят ряд законодательных актов (1963, 1970, 1974 гг.), которыми вводились единовременные и ежемесячные денежные пособия на детей военнослужащих срочной службы, детям из малообеспеченных семей, беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям. Однако размеры государственных пособий были очень малы и ни в коей мере не могли компенсировать семье расходы на содержание и воспитание детей, а потому не внесли видимых изменений в репродуктивное поведение населения и в процесс рождаемости. Для этого нужны были более серьезные экономические стимулы.

Не оспаривая общепризнанный тезис о решающем воздействии социально-экономических условий жизни на рождаемость, отметим, что в вопросе о характере причинно-следственной связи условий жизни с рождаемостью остается много спорного. Например, результаты многих эмпирических исследований подтверждали наличие обратной зависимости между уровнем благосостояния и рождаемостью, уровнем образования и рождаемостью – наиболее обеспеченные и образованные женщины не только фактически имели, но и были намерены иметь меньше детей, чем менее обеспеченные и образованные [3, с. 101–103].

Малодетность, по мнению ведущих демографов, является проблемой современной культуры и в целом современной цивилизации [4, с. 205]. Социальные нормы многодетности, характерные для аграрного типа производства с использованием ручного труда, с развитием индивидуального промышленного труда вне семьи, с индивидуальной заработной платой, независимой от числа детей и вообще от наличия семьи (первоначально этот процесс происходит в городах), вели к отмиранию производственной функции семьи. При индустриальном обществе семья переставала быть производственной ячейкой, а ее работающие члены получали экономическую независимость от семьи. В результате дети утрачивали смысл в качестве рабочей силы и трудовых ресурсов для семьи.

Образ жизни семей и функции современной семьи также претерпевали серьезные изменения. Вместе с ростом жизненного уровня населения возрастала потребительская функция семьи. Развитие внесемейных ориентаций и интересов у обоих супругов оказывали влияние как на снижение детности, так и на уменьшение прочности брака. Потребность в детях все больше становилась социально-психологической и моральной потребностью [4, с. 183; 38, с.165].

Смертность. Одним из показателей демографических процессов является смертность. Уровень смертности оказывает серьезное влияние не только на прирост населения, но и на характер его воспроизводства.

Уровень смертности зависит от множества факторов, среди которых решающую роль играют социально-экономические: жизненный уровень, состояние окружающей среды, качество здравоохранения, санитарная культура населения и др. Смертность зависит и от ряда демографических факторов, прежде всего, от возрастно-половой структуры. Все они в той или иной степени оказывают влияние на тенденции смертности. Данные о динамике смертности за двадцать лет представлены в табл. 10.

Таблица 10

Динамика смертности населения Коми АССР в 1960–1979 гг. [7, л. 7; 8, л. 7; 9, л. 5; 13, л. 7; 14, л. 57 об.; 15, л. 7; 16, л. 7; 17, л. 4; 19, л. 4; 22, л. 7; 23, л. 7; 24, л. 7; 25, л. 7; 26, л. 1; 27, л. 1; 28, л. 1; 29, л. 1; 33, л. 4]

Годы	Число умерших, чел.	В том числе		ОКС,%	В том числе	
		Город	Село		Город	Село
1960	5 010	2 314	2 696	6,0	4,6	8,3
1961	5 076	2 348	2 728	5,9	4,5	8,0
1962	5 164	2 354	2 810	5,9	4,5	8,1
1963	5 231	2 449	2 782	5,9	4,5	7,9
1964	5 264	2 529	2 735	5,6	4,4	7,5
1965	5 241	2 608	2 633	5,5	4,3	7,4
1966	5 533	2 785	2 748	5,8	4,8	7,4
1967	5 431	2 782	2 649	5,7	4,8	7,1
1968	5 617	2 867	2 750	5,9	4,9	7,5
1969	5 873	3 100	2 773	6,1	5,2	7,7
1970	6 276	3 171	3 105	6,5	5,3	8,4
1971	6 299	3 269	3 030	6,5	5,3	8,4
1972	6 548	3 491	3 057	6,7	5,6	8,9
1973	6 761	3 594	3 167	6,8	5,6	9,0
1974	6 805	3 687	3 118	6,7	5,6	8,9
1975	7 284	4 009	3 275	7,1	5,8	9,7
1976	7 896	4 539	3 357	7,5	6,2	10,4
1977	8 129	4 775	3 354	7,6	6,4	10,7
1978	8 423	4 985	3 438	7,8	6,5	11,5
1979	8 985	5 398	3 587	8,0	6,8	11,1

До середины 1950-х гг. уровень смертности в Коми АССР был намного выше, чем в среднем по СССР и России. С 1955 г. в республике начинается резкое снижение уровня смертности. В первой половине 1960-х гг. абсолютные и относительные показатели смертности населения республики стабилизировались. На протяжении шестидесятих годов наблюдаемый уровень смертности в Коми АССР стал ниже, чем в СССР, РСФСР, и был одним из самых низких (после Мурманской области) в Северном регионе. Так, в 1960 г. ОКС в СССР равнялся 7,1‰, в РСФСР – 7,4, в Коми АССР – 6,0; в 1970 г. – соответственно 8,2, 8,7, 6,5 [44, с. 29].

Наиболее низкий уровень смертности в республике в анализируемый период зафиксирован в 1965 г. (5,5‰). Однако в последующие годы наблюдается тенденция постепенного увеличения показателей смертности как за счет изменения возрастно-полового состава населения (снижение числа детей в возрасте до 10 лет и увеличение численности лиц пенсионного возраста), так и за счет роста повозрастной ее интенсивности, особенно мужского населения в трудоспособных возрастах. ОКС смертности вновь стал увеличиваться и достиг в 1970 г. 6,5‰.

В 1970-е гг. смертность населения Коми АССР существенно увеличилась. Число умерших в 1979 г. по сравнению с 1970 г. выросло на 43,2%, в то время как численность населения республики за этот период увеличилась только на 16%. ОКС увеличился на 23% и достиг в 1979 г. 8,0‰ (в городах – 6,8, в селах – 11,1) [36, л. 24]. Следует отметить, что повышение ОКС в 1970-е гг. было характерно для всей территории СССР.

На величину показателей смертности большое влияние оказывает возрастная структура населения. Одной из причин постепенного повышения уровня смертности в республике в 1970-е гг. являлось демографическое старение населения, которое, в свою очередь, было следствием снижения уровня рождаемости. Иначе говоря, увеличение удельного веса пожилых людей в составе населения влияло на повышение грубого показателя смертности [3, с. 10]. За 1970–1979 гг. доля лиц в возрасте 60 лет старше в составе населения республики увеличилась с 4,4 до 5,9%.

Сравнительный анализ ОКС указывает на существенные различия уровня смертности в различных типах поселений. Смертность сельского населения в рассматриваемый период была в среднем в 1,7 раза выше, чем городского. В 1970 г. во всех сельских районах, кроме Удорского и Печорского, уровень смертности был выше, чем в среднем по республике, наибольший – в Сысольском (10,7‰), Корткеросском (10,0), Сыктывдинском (9,8) районах. В городах республиканского подчинения, за исключением Сыктывкара, ОКС был ниже среднереспубликанского уровня, в столице республики – равен ему [36, л. 28].

В 1979 г. только в двух районах (Корткеросском и Удорском) ОКС по сравнению с 1970 г. снизился, на остальных территориях, включая и городские поселения, наблюдалось увеличение уровня смертности. Как и в прежние годы, показатели ОКС в городских и сельских поселениях были сильно дифференцированы. Так, ОКС в Сысольском районе составлял 14,2‰, в г. Воркуте – 5,0‰. Самые высокие значения ОКС в 1979 г. зафиксированы в Сысольском, Прилузском и Сыктывдинском районах, низкие – в Усинском, Вуктыльском и Удорском, т.е. в районах нового промышленного освоения, где в структуре населения преобладали лица активного трудоспособного возраста. В городах повсеместно уровень смертности был ниже, чем в среднем по республике [32, л. 19; 36, л. 28].

Несмотря на простоту расчета и наглядность, общий показатель смертности в силу своей усредненности дает сглаживающую картину изучаемого явления. Наилучшими показателями для характеристики уровня смертности и ее динамики являются половозрастные коэффициенты смертности и данные о возрастном составе умерших. Их рассмотрение в динамике позволяет оценить, в какой мере снижение (или рост) смертности затронуло те или иные возрастные группы.

Таблица 11

Возрастной состав умерших в 1960 и 1979 гг., % [14, л. 67; 36, л. 25]

Возраст	1960 г.	1979 г.
Всего умерли	100,0	100,0
В том числе в возрасте до одного года	23,8	5,5
1–9	7,3	2,0
10–19	2,2	2,1
20–29	10,2	7,6
30–39	10,0	9,0
40–49	8,0	16,3
50–59	9,5	17,0
60 лет и старше	29,0	40,5

Сравнительный анализ данных о возрастной смертности за 1960 и 1979 гг. (табл. 11) позволяет сделать ряд выводов. На протяжении рассматриваемого периода в динамику снижения смертности основной вклад внесли детские возраста (0–9 лет), особенно дети в возрасте до одного года. Доля младенческой смертности в составе умерших за двадцать лет уменьшилась в 4,3 раза, детей в возрасте до 10 лет – в 3,7 раза. В молодых возрастных группах снижение смертности было не столь интенсивным. Неблагоприятные изменения произошли в динамике смертности населения в возрасте от 40 до 59 лет. Удельный вес этих возрастных групп в совокупности умерших вырос более чем в 2 раза. Увеличение интенсивности смерти в возрастных группах старше 60 лет воспринимается как вполне закономерное явление. Однако тот факт, что почти половина умерших в 1979 г. – лица трудоспособного возраста, выглядит тревожным.

Важное значение в анализе уровня смертности имеют не только повозрастные различия, но и различия в уровне смертности по полу.

Данные табл. 12 свидетельствуют о том, что в смертности мужского и женского населения имелись определенные особенности. Смертность мужчин была выше смертности женщин во всех возрастных группах, кроме старших.

Таблица 12

Половозрастные коэффициенты смертности населения Коми АССР, ‰ [44, с. 32–33; 50, с. 53]

Возраст	1959 г.			1970 г.			1980 г.		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
0	63,2	33,2	48,2	34,3	25,3	29,8	6,5	5,7	6,1
1–4	3,8	3,3	3,5	1,9	1,5	1,7			
5–9	1,6	0,9	1,3	1,1	0,4	0,7			
10–14	1,0	1,1	1,1	0,6	0,4	0,5	0,7	0,2	0,5
15–19	2,3	1,2	1,7	2,1	0,7	1,4	2,0	0,8	1,4
20–29	2,9	1,3	2,1	3,5	1,3	2,3	4,4	1,0	2,7
30–39	4,3	2,0	3,2	6,7	2,0	4,4	7,2	2,0	4,6
40–49	7,2	3,2	5,2	10,1	3,9	7,0	13,6	4,9	9,2
50–59	15,2	6,9	11,1	19,1	8,4	13,8	26,4	11,0	18,7
60 лет и старше	54,3	31,9	43,1	60,2	38,6	49,4	71,7	41,9	56,8

Наибольшие различия в уровне смертности между полами приходятся на трудоспособные возраста. Это явление было характерно как для городского, так и сельского населения. При увеличении в течение рассматриваемого периода повозрастных коэффициентов смертности как мужского, так и женского трудоспособного населения, интенсивность роста мужской смертности была значительно выше. Наиболее существенное увеличение мужской смертности в 1960–1970-е гг. произошло в возрастах 30–39 лет (на 67,4%), 40–49 лет (на 88,9%) и 50–59 лет (на 73,7%).

Разница в уровне смертности мужского и женского населения трудоспособного возраста за 20 лет стала более значительной. Так, в 1959 г. в возрасте 20–29 лет мужская смертность превышала женскую в 2,1 раза, в 1980 г. – в 4,4 раза, в возрасте 30–39 лет – соответственно в 2,2 и в 2,6 раза, в возрасте 40–49 лет – в 2,3 и 2,8 раза, в возрасте 50–59 лет – в 2,2 и 2,4 раза. В 1979 г. две трети общей численности умерших мужчин были в трудоспособных возрастах. Это привело к тому, что основная часть мужского населения умирала в трудоспособных возрастах, тогда как женщины – за его пределами (табл. 13). Различия в превышении смертности мужчин над смертностью женщин и разница в средней продолжительности жизни, особенно в трудоспособных возрастах, обусловлены в значительной степени влиянием социальных факторов и образом жизни населения, на которых мы остановимся

Таблица 13 позже.

Распределение умерших по возрасту и полу в Коми АССР, ‰ к общему числу умерших [48, с. 67]

Возраст, лет	Мужчины		Женщины	
	1970 г.	1979 г.	1970 г.	1979 г.
0–14	12,1	8,2	10,7	7,9
15–59	62,6	66,5	30,7	31,4
60 и старше	25,3	25,3	58,6	60,7

Существовала определенная дифференциация в смертности городского и сельского населения. Смертность сельского населения значительно превышала смертность городского во всех возрастах. Показатели смертности сельских женщин были существенно выше аналогичных показателей у горожанок [44, с. 32–33].

Одним из демографических показателей, наиболее наглядно отражающих уровень развития страны и происходящие в ней социально-экономические изменения, является младенческая смертность. До середины 1950-х гг. высокая младенческая смертность являлась одной из основных причин повышенной смертности населения Коми АССР.

В течение рассматриваемого периода смертность детей в возрасте до одного года снижалась. Значительную роль здесь сыграли развитие здравоохранения, рост общей гигиенической и санитарной культуры населения, улучшение материально-бытовых условий жизни. Но если в шестидесятые годы темпы снижения младенческой смертности были стремительными (в 1960–1969 гг. коэффициент младенческой смертности сократился на 35,2%), то в семидесятых – они замедлились (в 1970–1979 гг. – на 9,8%), а в 1973–1975 гг. имело место даже незначительное повышение коэффициента младенческой смертности (табл. 14).

Неуклонно сокращался и удельный вес детей, умерших в возрасте до одного года, в общей смертности населения. Если в 1959 г. доля младенческой смертности в совокупности умерших составляла 29,9, то в 1970 г. – 7,2, в 1979 г. – 5,3%. Именно резкое снижение младенческой смертности оказало решающее влияние на положительную динамику показателей общей смертности населения республики в анализируемый период.

Таблица 14

Динамика младенческой смертности в Коми АССР в 1960–1979 гг. [7, л. 7; 8, л. 7; 9, л. 5; 13, л. 7; 14, л. 57 об.; 15, л. 7; 16, л. 7; 17, л. 4; 19, л. 4; 22, л. 7; 23, л. 7; 24, л. 7; 25, л. 7; 26, л. 1; 27, л. 1; 28, л. 1; 29, л. 1; 33, л. 4]

Годы	Число умерших детей в возрасте до одного года, чел.	В том числе		Общий коэффициент мла- денческой смертности, ‰	В том числе	
		Город	Село		Город	Село
1960	1 192	550	642	46,6	38,7	56,5
1961	1 117	505	612	44,7	36,3	55,3
1962	1 051	479	572	45,3	37,7	54,5
1963	1 031	441	590	47,6	38,0	58,7
1964	925	436	489	45,3	38,2	53,8
1965	732	335	397	37,6	38,6	49,2
1966	680	317	363	38,3	30,6	49,7
1967	572	297	275	34,0	29,4	40,9
1968	574	276	298	35,4	28,0	46,8
1969	491	266	225	30,2	25,6	38,2
1970	453	251	202	27,5	24,0	33,6
1971	464	283	181	27,2	25,4	30,6
1972	473	272	201	26,8	23,2	33,7
1973	489	270	219	27,4	22,7	36,8
1974	524	304	220	28,5	25,1	35,0
1975	520	287	233	27,5	22,3	38,7
1976	503	284	219	26,0	21,1	37,1
1977	507	328	179	25,9	24,0	30,4
1978	500	322	178	24,9	22,8	30,0
1979	497	312	185	24,8	22,3	30,8

Статистические материалы свидетельствуют о широкой дифференциации показателей младенческой смертности в различных типах поселений. Уровень младенческой смертности в сельских поселениях республики на протяжении всего рассматриваемого периода был примерно в 1,5 раза выше, чем в городских. В сельских районах показатели смертности детей в возрасте до одного года оставались очень высокими. Так, в 1965 г. общий коэффициент младенческой смертности в Коми АССР составил 37,6‰, в то время как в Корткеросском районе – 63,4, Усть-Куломском – 57,0, Сысольском – 49,1‰ [14, л. 69].

В 1979 г. по сравнению с 1970 г. уровень младенческой смертности снизился во всех городах республиканского подчинения и семи сельских районах, увеличился – в Сысольском, Койгородском, Печорском районах. Сложное положение с младенческой смертностью в 1979 г. наблюдалось в Ижемском и Троицко-Печорском районах, где коэффициент младенческой смертности был больше 50‰. Стабильно высокая младенческая смертность наблюдалась также в Прилузском, Сыктывдинском, Усть-Куломском районах. Наиболее благоприятные показатели были в Койгородском, Вуктыльском, Печорском, Удорском районах.

Максимальные значения смертности детей первого года жизни в 1970 и 1979 гг. зафиксированы в Ижемском, минимальные – в Койгородском районах. Из городов республиканского подчинения только в Сыктывкаре коэффициент младенческой смертности в 1970 и 1979 гг. превышал средний по Коми АССР уровень [32, л. 19 об.].

Необходимо отметить, что показатель смертности детей в возрасте до одного года не имел стабильности и испытывал в разные годы значительные колебания в пределах одного и того же административно-территориального образования. Так, в 1970 г. в Троицко-Печорском районе коэффициент младенческой смертности был одним из самых низких в республике (16,9‰), а в 1978 г. – одним из самых высоких (51,9‰), притом, что в предыдущем году он составлял там 18,1‰. В Усть-Цилемском районе, напротив, в 1970 г. уровень младенческой смертности был одним из самых высоких (60,9‰), а в 1978 г. – одним из самых низких (18,1‰).

В целом за 1960–1979 гг. коэффициент младенческой смертности в республике снизился на 46,8% и составил в 1979 г. 24,8‰. Однако при значительных успехах, достигнутых в сокращении детской смертности ее уровень в республике оставался очень высоким и существенно превышал аналогичные показатели по СССР и РСФСР и был одним из самых больших (после Карельской АССР) в Северном регионе [14, л. 59].

Сокращение общей смертности обуславливает увеличение средней продолжительности жизни людей, которая в соответствии с рекомендациями Всемирной Организации Здравоохранения, является характеристикой уровня качества жизни населения, состояния его здоровья.

В послевоенный период в Коми АССР средняя продолжительность жизни населения постепенно увеличивалась и составила в 1969–1970 гг. 67 лет (в городах – 68,0, в селах – 65,5). Но в семидесятые годы средняя продолжительность жизни в республике существенно уменьшилась как в городских, так и сельских поселениях, и составила в 1979 г. 64,7 лет.

**Динамика средней продолжительности предстоящей жизни населения
Коми АССР в 1959–1979 гг., лет [50, с. 56]**

Население	1959 г.			1970 г.			1979 г.		
	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.
Все население	66,1	61,6	70,7	67,0	61,2	72,0	64,7	58,6	70,6
Городское	68,3	63,6	73,1	68,0	62,2	73,1	65,5	59,6	71,1
Сельское	63,8	59,2	68,6	65,5	59,9	70,4	62,6	56,5	68,9

Средняя продолжительность жизни женщин в Коми АССР, как и по стране в целом, была выше средней продолжительности жизни мужчин (табл. 15). Надо сказать, что указанный факт имеет распространение во всех странах, где ведется статистический учет. Драматичность ситуации заключалась в том, что отставание мужчин от женщин по продолжительности жизни увеличилось с 9 лет в 1959 г. до 12 лет в 1979 г. Основными причинами, оказывавшими влияние на различия показателей средней продолжительности жизни мужчин и женщин, стали (помимо биологических, заключавшихся в большей устойчивости и жизнеспособности женского организма) рост заболеваемости и смертности мужчин от болезней органов пищеварения и дыхания, несчастных случаев, отравлений и травм производственного и бытового характера. В 1978–1979 гг. при предполагаемой средней продолжительности мужской жизни в 58,6 лет вероятность мужчин дожить до пенсии была очень мала [48, с. 68].

Динамика смертности и средней продолжительности жизни в значительной степени зависит от причин смертности, от сочетания эндогенных и экзогенных факторов. В табл. 16 представлены наиболее частые причины, повлекшие смерть людей. В Коми АССР сложился тип смертности, характерный для населения всей страны. Он характеризовался преобладанием среди причин смерти сердечно-сосудистых заболеваний, новообразований, несчастных случаев, отравлений, травм и некоторых заболеваний неинфекционного (эндогенного) характера. Эти группы заболеваний являются преобладающими причинами смертности населения экономически развитых стран [4, с. 89–90].

Таблица 16

**Смертность населения Коми АССР от отдельных причин смерти, % к итогу
[10, л. 62–63; 32, л. 37–39; 36, л. 25]**

Причины смерти	1962 г.*	1970 г.	1979 г.
Умерших от всех причин	100,0	100,0	100,0
От инфекционных и паразитарных болезней, в том числе туберкулеза	5,0	2,5	2,0
От новообразований, в том числе злокачественных	11,8	12,2	11,5
От болезней органов дыхания, в том числе пневмонии	12,7	10,5	7,8
От болезней системы кровообращения	25,9	36,3	41,7
От болезней органов пищеварения	0,5	3,3	2,6
От болезней новорожденных и врожденных пороков развития	–	0,9	2,2
От несчастных случаев, отравлений, травм различного характера	22,0	28,9	29,4
Прочих причин	22,1	5,4	2,2

* Без детей в возрасте до одного года.

Уровень смертности населения Коми АССР в рассматриваемый период определялся четырьмя основными группами заболеваний: болезнями системы кровообращения (сердечно-сосудистыми); злокачественными новообразованиями; несчастными случаями, отравлениями, травмами; болезнями органов дыхания. Численность и удельный вес умерших от указанных причин в республике год от года возрастали. Если в 1962 г. их доля в совокупности умерших составляла 72,4, то в 1970 г. – 87,9, а в 1979 г. – 90,4%. В 1979 г. по сравнению с 1970 г. показатель смертности в расчете на 10 тыс. чел. населения от болезней системы кровообращения вырос на 42%, новообразований – на 16%, от несчастных случаев, отравлений и травм – на 26%, снизился (на 6%) – от болезней органов дыхания.

Болезни сердца и сосудов прочно занимали первое место в структуре причин смертности. В 1979 г. на их долю приходилось 41,7% от общего числа умерших. На протяжении всего исследуемого периода в структуре смертности в городах и сельской местности второе место занимали несчастные случаи, отравления и травмы,

а среди трудоспособного контингента они являлись главными причинами смерти. Смертность от внешних причин (не связанных со здоровьем) составляла более половины случаев смерти в трудоспособных возрастах [40, с. 73]. Мужская смертность превышала женскую по таким заболеваниям, как хронические заболевания легких, травмы, отравления, острый инфаркт миокарда. Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний среди женщин была выше, чем среди мужчин [11, л. 87].

В рассматриваемый период благодаря развитию медицины и медицинского обслуживания, плановой иммунизации и вакцинации детей в республике происходило снижение детской и младенческой смертности от инфекционных болезней, но по всем другим заболеваниям смертность увеличивалась. Основными причинами смерти детей в возрасте до одного года оставались болезни органов дыхания, врожденные аномалии, некоторые причины перинатальной смерти (на 0–27-м дне жизни). Так, в 1978 г. из совокупности умерших младенцев умерли: от болезней органов дыхания – 47,0%, в том числе от пневмонии – 30,6%, от некоторых причин перинатальной смерти, в том числе от родовых травм и затрудненных родов – 21,6%, врожденных аномалий – 10,6%, инфекционных и паразитарных болезней – 9,6%, от несчастных случаев – 6,2%, от других болезней – 5,0% [32, л. 40].

Необходимо обратить внимание на заболеваемость и смертность населения от факторов, связанных с его общей и санитарной культурой. В отличие от периода интенсивного снижения смертности от инфекционных и других острых заболеваний, когда роль лечебно-профилактических и санитарно-гигиенических мероприятий была решающей, в рассматриваемый период уровень заболеваемости и смертности зависел не только от деятельности учреждений здравоохранения и влияния внешней среды, но в большей степени от социально-гигиенической культуры поведения самого населения, а именно, от отношения людей к своему здоровью, соблюдения гигиены в быту и труде, степени распространенности вредных привычек и т.п. К факторам, стимулирующим рост заболеваемости и смертности, относятся алкоголизм, курение, неправильное питание, малоподвижный образ жизни и др. [4, с. 89–90].

Одной из бед населения было распространение пьянства, и как следствие – повышенная смертность населения, преимущественно мужчин, от хронического алкоголизма, травматизма, отравлений. Государство, декларирувавшее на словах борьбу с пьянством, фактически способствовало алкоголизации населения. В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. В 1972 г. постановлением Совета Министров РСФСР от 16 июня «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» предусматривались сокращение производства и потребления крепких спиртных напитков и увеличение производства виноградных вин и пива. Тогда же, под лозунгом борьбы с пьянством, были значительно (почти в 2 раза) повышены цены на алкогольную продукцию.

Между тем производство водки и ликероводочных изделий увеличивалось. В 1979 г. только на предприятиях министерства пищевой промышленности Коми АССР по сравнению с 1975 г. оно возросло на 68%. Из года в год увеличивалась продажа алкогольных напитков на душу населения. В 1979 г. в среднем на одного жителя республики, включая детей, приходилось 44,4 литра вино-водочных изделий. В общем объеме товарооборота продовольственных товаров доля вино-водочных изделий в 1979 г. составляла 33,8%, а в торговых организациях Усть-Куломского района она занимала 47,8, Ижемского – 46,1, Прилузского – 44,0%. С ростом продажи и потребления вино-водочных изделий росла численность больных алкогольным психозом и хроническим алкоголизмом. По данным республиканского наркологического диспансера в конце 1979 г. на учете стояло 18,8 тыс. больных хроническим алкоголизмом (рост по отношению к 1975 г. – 72%) [36, л. 2–4].

По данным Всемирной Организации Здравоохранения показатель смертности среди лиц, злоупотребляющих алкоголем, в 2–4 раза превышает таковую среди населения в целом. Материалы выборочных исследований показали, что наиболее высокий уровень потребления алкоголя, особенно среди мужчин, приходится на возраст от 30 до 49 лет (именно в этом возрасте отмечается самый высокий уровень смертности мужчин от несчастных случаев, отравлений, травм, который в несколько раз превышает смертность от этих причин среди женщин). В сельской местности смертность мужчин от травм, несчастных случаев и отравлений, не связанных с производством, в большинстве случаев была следствием алкогольного опьянения. Данные статистики свидетельствуют о том, что со злоупотреблением алкоголем зачастую связаны самоубийства [2, с. 124].

В структуре причин смертности от несчастных случаев значительная часть приходилась на транспортный травматизм, причем от 30 до 50% всех случаев транспортного травматизма со смертельным исходом также связано с алкогольным опьянением. Так, в 1979 г. в дорожно-транспортных происшествиях на дорогах республики погибло 172 чел., в том числе 61 – в результате аварий, совершенных нетрезвыми водителями [36, л. 5].

В 1980 г. от злоупотребления алкоголем умерли 458 жителей республики, в том числе 427 – от острого алкогольного опьянения или случайного отравления алкоголем. Удельный вес умерших от алкоголя составил 5,0% от совокупности умерших за год (в городах – 4,3%, в селе – 6,1%) [40, с. 72]. Таким образом, данные статистики свидетельствуют, что наиболее неблагоприятным социально-гигиеническим фактором высокой смертности взрослого населения являлось злоупотребление спиртными напитками. Пьянство отрицательно сказывалось на устойчивости семьи и брака, здоровье потомства.

В улучшении здоровья населения и снижении его смертности особо важную роль играло здравоохранение, поскольку его качество относительно легче улучшить в более короткие сроки, чем условия жизни, состояние окружающей среды или санитарную культуру населения. Отдавая должное успехам советского здравоохранения, развитие которого способствовало сокращению смертности населения и увеличению средней продолжительности жизни, следует обратить внимание на то обстоятельство, что существовавшая структура учреждений здравоохранения и качество здравоохранения, то есть доступность квалифицированной медицинской помощи, уровень обеспеченности населения совершенными медикаментами и т.п., не соответствовали требованиям времени.

Проходившая в 1963 г. перепись медицинских учреждений показала, что недокомплект врачей в Коми АССР составлял 35%, среднего медперсонала – 15,6%. В республике не было ни одного города или района, где была полная обеспеченность медицинским персоналом. На 10 тыс. чел. населения в республике приходилось 20 врачей и 75 чел. среднего медперсонала (в городской местности – 25 врачей, в сельской – 12, среднего медперсонала – соответственно 83 и 56), больничных коек – 123 (в городской местности – 137, в сельской – 100) [5, л. 108].

Крайне низким были обеспечение медучреждений медицинским оборудованием и их благоустройство: 61% зданий медучреждений требовали капитального ремонта, только 30-40% имели водопровод, 25-30% – канализацию, 33-46% – центральное отопление. Из-за отсутствия медперсонала, помещений и оборудования в республике в 1963 г. не работало 33 медучреждения. Даже столица республики г. Сыктывкар не имела своей городской больницы, а укомплектованность персоналом медицинских учреждений города составляла 57% [5, л. 108].

Сохранялась сильная диспропорция в обеспеченности средствами здравоохранения между городом и селом. Для сельских жителей медицинское обслуживание оставалось значительно менее доступным, чем для горожан. Например, в Сыктывдинском районе на каждые 10 тыс. жителей приходилось только семи врачей, Сясьском – 8. Сложная обстановка наблюдалась в Усть-Куломском, Ижмо-Цилемском, Княжпогостском районах, где было занято только 51-55% штатных ставок медицинского персонала [5, л. 104-105].

В последующие годы материально-техническая база здравоохранения совершенствовалась, значительно увеличилась численность врачей и среднего медицинского персонала, повысилась их профессиональная подготовка (табл. 17). За 1960-1979 гг. число врачей всех специальностей в республике увеличилось в 2,6 раза, среднего медицинского персонала – в 2,4 раза, больничных коек – на 63,3%. (табл. 17). Если в 1960 г. на 10 тыс. населения приходилось 18 врачей, то в 1979 г. – 35, среднего медицинского персонала – соответственно 80 и 139.

Таблица 17

Медицинские учреждения и медицинские кадры Коми АССР в 1960-1979 гг.

[41, с.154, 156; 42, с. 92, 94; 5, л. 93-104; 18, л. 31-32; 30, л. 24-26]

Медицинские учреждения и кадры	1960 г.	1970 г.		1979 г.			
	Всего	Всего	Гор.	Сел.	Всего	Гор.	Сел.
Больницы (стационарное медицинское обслуживание)	171	149*	65	84	136*	66	70
Больничных коек во всех врачебных стационарах	8800	12942	9922	3020	14369	11544	2825
Врачебные амбулаторно-поликлинические учреждения	255	209	216	83	196	117	79
Фельдшерские здравпункты	477	202	202	–	232	231	1
Фельдшерско-акушерские пункты		466	70	396	430	28	402
Число женских и детских консультаций	62	94	н/д	н/д	99	н/д	н/д
Санаториев	6	6	н/д	н/д	5	н/д	н/д
Число мест в санаториях	570	538	н/д	н/д	385	н/д	н/д
Врачи всех специальностей	1510	2639	2299	340	3947	3560	387
Врачей (без стоматологов)	1375	2357	2078	279	3688	3329	359
Врачи-стоматологи	135	282	221	61	259	231	28
Средний медицинский персонал	6586	11782	9669	2113	15530	13378	2152

* Сокращение числа медицинских учреждений произошло, главным образом, за счет их укрупнения.

В 1960-1970-е гг., когда на первый план в структуре причин смерти вышли болезни эндогенной этиологии, увеличивалась численность людей пожилого возраста, которое нуждалось в усиленной медицинской помощи, наблюдались неблагоприятные тенденции в смертности населения, необходимость дальнейшего совершенствования здравоохранения была очевидной. В тенденциях здоровья населения возникли новые проблемы, вызванные стремительными процессами урбанизации. Технический прогресс менял условия жизни людей, состояние окружающей среды. Негативное влияние на общественное здоровье оказывали химизация, радиация, автомобилизация,

ухудшение экологии, убыстрение ритма жизни, интенсификация труда, информационные нервно-психические перегрузки и др. В новых условиях деятельность учреждений здравоохранения должна была направляться на улучшение здоровья, увеличение продолжительности жизни и периода трудовой активности населения [2, с. 10].

Между тем материально-техническая база здравоохранения Коми АССР развивалась медленными темпами и продолжала оставаться одной из самых слабых в Северном регионе. В 1979 г. по сравнению с 1970 г. при общем росте количества больничных коек, в расчете на 10 тыс. жителей республики их число уменьшилось с 134 до 128. Ухудшилась стоматологическая помощь жителям республики. Если в 1970 г. один зубной врач обслуживал (условно) 3,4 тыс. чел. (в городе – 2,7, селе – 6,0), то в 1979 г. – 4,3 тыс. чел. (в городе – 3,5, селе – 11,6). Низкая обеспеченность профилактическими учреждениями здравоохранения являлась одной из причин заболеваемости с утратой трудоспособности взрослого населения. Медицинское обслуживание детей республики и насыщенность квалифицированными медицинскими кадрами также отставали от общероссийского уровня. В 1979 г. на 10 тыс. детей (в возрасте от 0 до 14 лет) приходилось 16 врачей педиатров (в РСФСР – 20) [36, л. 75].

Смертность является важнейшим критерием здоровья населения, а снижение показателей смертности – одной из положительных характеристик при оценке течения демографических процессов. Быстрое снижение смертности во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. осуществлялось благодаря развитию сети бесплатной квалифицированной медицинской помощи, внедрению новых медицинских препаратов, росту числа и профессионализма медицинских кадров, осуществлению комплекса мероприятий по охране материнства и детства. Наибольшие успехи достигнуты в снижении младенческой смертности.

Показатели смертности населения, стабилизировавшиеся к 1970 г., в течение 1970-х гг. вновь стали увеличиваться, что говорило об ухудшении состояния общественного здоровья. Резервы социально-экономического, культурного и медицинского характера, направленные на борьбу со смертностью экзогенного характера, были исчерпаны и уже не могли влиять на дальнейшее снижение смертности. Необходим был переход на более высокий уровень здравоохранения, которое могло бы бороться не только с экзогенными, но и эндогенными причинами смертности людей. Не менее важное значение имело повышение культурного уровня населения, в том числе пересмотр взглядов людей на свое здоровье и образ жизни.

Естественный прирост. Подобная динамика рождаемости и смертности (спад рождаемости и рост смертности) отразилась на естественном приросте населения в 1960–1970-е гг. Если в послевоенный период и до конца 1950-х гг. абсолютные показатели естественного прироста год от года росли, что было связано в значительной степени с быстрыми темпами роста численности населения как за счет высокой рождаемости, так и за счет большого миграционного прироста, то с 1960 г. в республике обозначилась тенденция к снижению естественного прироста. Величина естественного прироста стала уменьшаться с незначительными колебаниями в сторону увеличения в отдельные годы, которые не носили принципиального характера. Об этом свидетельствуют абсолютные показатели и коэффициенты естественного прироста (табл. 18).

Таблица 18

Динамика естественного прироста населения Коми АССР в 1960–1979 гг. [7, л. 7; 8, л. 7; 9, л. 5; 13, л. 7; 14, л. 57 об.; 15, л. 7; 16, л. 7; 17, л. 4; 19, л. 4; 22, л. 7; 23, л. 7; 24, л. 7; 25, л. 7; 26, л. 1; 27, л. 1; 28, л. 1; 29, л. 1; 33, л. 4]

Годы	Естественный прирост, чел.	В том числе		Коэффициент естественного прироста, ‰	В том числе	
		Город	Село		Город	Село
1960	20 568	11 900	8 668	24,9	23,9	26,3
1961	19 897	11 550	8 347	23,5	23,0	24,6
1962	18 040	10 352	7 688	20,7	19,9	22,2
1963	16 433	9 163	7 270	18,4	17,1	20,6
1964	15 169	8 872	6 297	16,6	16,2	17,3
1965	13 715	8 271	5 444	14,7	14,7	14,7
1966	12 211	7 659	4 552	12,9	13,4	12,5
1967	11 408	7 332	4 076	12,0	12,6	11,1
1968	10 620	7 007	3 613	11,1	11,9	9,7
1969	10 404	7 282	3 122	10,9	12,4	8,5
1970	10 186	7 288	2 898	10,6	12,2	7,9
1971	10 759	7 869	2 890	11,0	12,9	8,0
1972	11 121	8 215	2 906	11,3	13,0	8,2
1973	11 101	8 314	2 787	11,1	12,9	8,0
1974	11 611	8 441	3 170	11,5	12,7	9,1
1975	11 615	8 867	2 748	11,3	13,0	8,1
1976	11 486	8 933	2 553	10,9	12,2	8,0
1977	11 430	8 894	2 536	10,7	11,9	7,9
1978	11 660	9 167	2 493	10,8	12,0	8,0
1979	11 031	8 602	2 429	9,8	10,8	7,5

Необходимо отметить, что высокий естественный прирост в послевоенный период, особенно во второй половине 1950-х гг., определялся быстрым снижением показателей смертности, особенно детской. В 1960–1970-е гг. на снижение темпов естественного прироста большое влияние оказало сокращение рождаемости, т.е. с 1960 г. определяющим в естественном приросте населения республики становится показатель рождаемости. Роль регулятора темпов воспроизводства населения перешла от смертности к рождаемости. Если прежде при стабильно высоком уровне рождаемости именно колебания уровня смертности определяли прирост населения, то при новом, современном типе воспроизводства характерной чертой которого является относительно низкий, достаточно стабильный уровень смертности, уровень естественного прироста в значительной степени определяет колебание уровня рождаемости [44, с. 35].

К сожалению, показатель рождаемости в рассматриваемый период имел устойчивую тенденцию к снижению. Особенно высокими темпы снижения естественного прироста были в 1960–1966 гг., что объясняется, в первую очередь, низкой рождаемостью, поскольку смертность в этот период еще имела тенденцию к снижению. Абсолютный прирост за семь лет снизился в 1,7 раза. Общий коэффициент естественного прироста упал с 24,9 до 12,9‰, при этом в городской местности – с 23,9 до 13,4, в сельской – соответственно с 26,3 до 12,5. Снижение естественного прироста в первой половине 1960-х гг. отмечено во всех городах и районах республики. Так, в 1965 г. естественный прирост в Сысольском районе составлял 9,3‰, Сыктывдинском – 10,6, Княжпогостском – 11,8 [14, л. 57].

Несмотря на ухудшение процесса воспроизводства населения в 1960-е гг., республика продолжала оставаться районом относительно высоких показателей естественного движения населения. Естественный прирост в Коми АССР был выше, чем в целом по стране, России и большинству областей Европейского Севера (кроме Мурманской области) в силу более благоприятной возрастной структуры населения. В 1960 г. коэффициент естественного прироста в СССР равнялся 17,8‰, в России – 15,8, в Коми – 24,9; в 1970 г. – соответственно – 9,2, 5,9, 10,6 [44, с. 35].

С 1967 г. на фоне стабилизации ОКР на уровне 17–18‰, начинают расти показатели смертности населения, что повлекло за собой дальнейшее уменьшение естественного прироста. Самый низкий показатель естественного прироста в республике был отмечен в 1970 г. (10,2 тыс. чел.), а коэффициент естественного прироста – в 1979 г. (9,8‰).

В 1970-е гг. абсолютная величина естественного прироста в городской местности имела слабую тенденцию к повышению, в то время как в сельской – к понижению. Показатель коэффициента естественного прироста в республике в семидесятые годы был достаточно стабильным (10–11‰), с незначительным повышением своих значений с 1971 по 1975 г., и слабой тенденцией к сокращению во второй половине 1970-х гг. Подобная динамика коэффициента естественного прироста была характерна для городской и сельской местностей.

Анализ естественного прироста по общему коэффициенту естественного прироста указывает на существенные различия в процессе воспроизводства у городского и сельского населения республики. На отдельных временных отрезках коэффициент естественного прироста имел разные тенденции: в послевоенные годы значение коэффициента естественного прироста у городского населения превышало аналогичный показатель у сельского населения; в 1959–1964 гг. он стал выше на селе; в 1965 г. значения естественного прироста в городе и селе сравнялись, а с 1966 г. и до конца 1970-х гг. коэффициент естественного прироста вновь стал выше у горожан. При этом коэффициент естественного прироста горожан был значительно выше, чем у селян, что объясняется более благоприятной демографической ситуацией в городских поселениях (сбалансированным возрастнополовым составом населения, более низким, по сравнению с селом, уровнем смертности и т.д.).

Однако демографические процессы в республике были не столь однозначны. Подтверждением этому является анализ данных в разрезе городов и районов. Так, показатель естественного прироста в 1979 г. по сравнению с 1970 г. вырос в 10 сельских районах и городах Сыктывкаре и Ухте, но понизился в городах Воркуте, Инте, Сосногорске и пяти сельских районах [32, л. 16].

Как правило, в городах республики коэффициенты естественного прироста были достаточно высокими и превышали аналогичные среднереспубликанские показатели, а в административных районах они имели существенные различия. Так, в 1979 г. в Усть-Куломском, Корткеросском, Печорском, более других – в Усинском (14,4‰) и Вуктыльском (14,9‰) районах коэффициент естественного прироста был выше, чем в целом по Коми АССР, в остальных районах – ниже, особенно в Прилузском (4,6‰) и Сысольском (5,6‰) [32, л. 20].

В целом за 1960–1970-е гг. абсолютные показатели естественного прироста населения Коми АССР снизились с 20,6 тыс. в 1960 г. до 11,0 тыс. чел. в 1979 г., или в 1,9 раза, коэффициент естественного прироста – с 24,9 до 9,8‰, или на 60,6%. В сельской местности снижение естественного прироста происходило более быстрыми темпами, чем в городской – с 8,7 тыс. в 1960 г. до 2,4 тыс. чел. в 1979 г., или в 3,6 раза, коэффициент естественного прироста – с 26,3 до 7,5‰, или на 71,5%.

Главным источником формирования населения республики в 1960–1970-е гг. становится, в отличие от предыдущих десятилетий, естественный прирост. За 1960–1979 гг. естественный прирост населения Коми АССР

составил 260,6 тыс. чел. Основной вклад в процесс воспроизводства внесло городское население, на долю которого приходилось 67,6% общего естественного прироста. При этом удельный вес горожан в естественном приросте населения республики повышался (в 1960–1969 гг. он составлял 60,1%, в 1970–1979 гг. – 75,5%), сельского населения, напротив, понижался (соответственно 39,9 и 24,5%).

Заключение. На 1960–1970-е гг. приходится важный этап демографического развития. В республике он характеризуется значительным снижением рождаемости в середине 1960-х гг., что объясняется вступлением в брачный возраст тех, кто родился в военные годы. С 1969 г. рождаемость стабилизировалась на уровне 17-18%. В целом это является выражением общей тенденции перехода к новому типу воспроизводства населения. Средний размер семьи в республике (как и число детей в ней) снижался как в городской, так и сельской местности, но темпы снижения в селе были выше, чем в городах.

Анализ динамики и структуры уровня рождаемости позволяет говорить о расширенном воспроизводстве населения Коми АССР до 1970 г. В последующие годы рождаемость в республике перестает обеспечивать простое воспроизводство населения. Наблюдавшееся в 1970-е гг. повышение ОКР было кратковременным и незначительным и никаких существенных изменений в тенденциях рождаемости не произошло.

За 1959–1979 гг. СКР в Коми АССР уменьшился на 40,7% и составил в 1979 г. 1,98 ребенка, что не обеспечивало даже простого замещения поколений. Произошло это за счет значительного снижения рождаемости в городской местности, уровень рождаемости в сельской местности еще обеспечивал расширенное воспроизводство населения.

Основными факторами снижения рождаемости в республике были: сокращение доли сельского населения, вовлечение женщин в общественное производство, изменения в возрастнополовом составе населения, ослабление института брака, снижение репродуктивных установок населения. Анализ статических данных показывает, что снижение рождаемости происходило в основном в результате снижения плодовитости женщин, особенно в возрастных группах старше 30 лет.

С середины 1960-х гг. вновь становится актуальной проблема выбора наиболее эффективных путей снижения смертности. После десятилетнего периода значительного снижения уровня смертности с 1966 г. в Коми АССР наблюдается тенденция постепенного увеличения показателей смертности, как за счет изменения возрастнополового состава населения (снижение числа детей в возрасте до 10 лет и увеличение численности лиц пенсионного возраста), так и за счет роста повозрастной ее интенсивности, особенно мужского населения в трудоспособных возрастах. С 1971 г. начинается увеличение показателей младенческой смертности. ОКС населения республики за 1965–1979 гг. вырос на 45,5%. Следует отметить, что повышение уровня смертности в Коми АССР произошло в тех же возрастных группах, что и по стране в целом.

Несмотря на снижение рождаемости, ОКР в Коми АССР был выше ОКС, что обеспечивало положительные значения естественного прироста в исследуемый период. При этом ежегодный естественный прирост населения уменьшался, за исключением 1971–1975 гг., когда коэффициенты естественного прироста незначительно подросли. За 1960–1979 гг. население Коми АССР выросло за счет естественного прироста на 260 тыс. чел. С 1960-х гг., в отличие от предыдущих десятилетий, население республики увеличивалось в подавляющей степени за счет естественного прироста.

Таким образом, демографическая ситуация в республике и в стране в целом в 1960–1970-х гг. стала осложняться. Течение некоторых демографических процессов уже в середине 1960-х гг. вызывало озабоченность. К началу 1980-х гг. рождаемость опустилась ниже уровня, необходимого для замещения поколений. Разводимость выросла до уровня опасного для самого понятия «институт семьи». Средняя продолжительность жизни населения республики, достигнув в 1970 г. 67 лет, стала снижаться за счет повышенной смертности трудоспособных возрастов, особенно мужчин. Уровень средней продолжительности жизни в конце 1970-х гг. (64,7 лет) уступал уровню, достигнутому во многих экономически развитых странах. Первостепенное значение в улучшении демографической ситуации приобретала активная демографическая политика государства по усилению воздействия социально-экономических факторов, направленных на повышение рождаемости, снижение смертности и укрепление здоровья населения.

Источники и литература

1. Бедный М.С. Демографические факторы здоровья. М., 1984. 244 с.
2. Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979. 223 с.
3. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1976. 247 с.
4. Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. М., 1987. 206 с.
5. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф.р.140. Оп. 2. Д. 1963.
6. НАРК. Ф.р.140. Оп. 2. Д. 5914.
7. НАРК. Ф.р. 140. Оп. 2. Д. 5932.
8. НАРК. Ф.р. 140. Оп. 2. Д. 5943.
9. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 6931.

10. НАРК. Ф.р. 140. Оп. 2. Д. 6932.
11. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 6961.
12. НАРК. Ф.р.140. Оп. 2. Д. 6966.
13. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 8401.
14. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 8404.
15. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 8407.
16. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 8411.
17. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 8415.
18. НАРК. Ф.р. 140. Оп. 2. Д. 9914.
19. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 9918.
20. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 10021.
21. НАРК. Ф.р. 140. Оп. 2. Д. 10082.
22. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 10446.
23. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 10911.
24. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 11503.
25. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 12041.
26. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 12534.
27. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 13098.
28. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 13644.
29. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 14275.
30. НАРК. Ф.р. 140. Оп. 4. Д. 478.
31. НАРК. Ф. 140. Оп. 4. Д. 479.
32. НАРК. Ф. 140. Оп. 4. Д. 483.
33. НАРК. Ф. 140. Оп. 4. Д. 486.
34. НАРК. Ф. 140. Оп. 4. Д. 691.
35. НАРК. Ф. 140. Оп. 4. Д. 740.
36. НАРК. Ф. 140. Оп. 4. Д. 1319.
37. НАРК. Ф. 140. Оп. 5. Д. 103.
38. Демографические проблемы семьи. М., 1978. 207 с.
39. Демографическая ситуация в СССР. Сб. статей. М.: Статистика, 1976. С. 8.
40. Естественное движение населения в Коми ССР. Стат. сборник. Сыктывкар, 1991. 113 с.
41. Коми АССР за 50 лет. Стат. сборник. Сыктывкар, 1971. 234 с.
42. Коми АССР 60 лет. Стат. сборник. Сыктывкар, 1981. 103 с.
43. Подоплелов В. Проблемы воспроизводства населения, формирования трудовых ресурсов и их рационального использования. Сыктывкар. 1972. 62 с. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР. Вып. 3).
44. Подоплелов В.П., Таскаев А.И., Косенко И.К. Население Европейского Севера СССР. (Смертность и продолжительность жизни по данным переписей 1959–1970 гг.). Сыктывкар, 1974. 450 с.
45. Региональная демография. Вып. 1: Избранные статьи В.П. Подоплелова. Сыктывкар, 2003. 82 с.
46. Республика Коми к 80-летию государственности. Стат. сб. Сыктывкар, 2001. 159 с.
47. Социально-демографическая характеристика населения Коми АССР. Стат. сборник. Сыктывкар, 1990. 62 с.
48. Фаузер В.В. Проблемы формирования населения Республики Коми. М., 1993. 92 с.
49. Фаузер В., Парначев А. Сельское население Северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. Сыктывкар, 1998. 174 с.
50. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. 123 с.
51. Этнодемографические процессы на севере Евразии. Сб. науч. трудов. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. 172 с.

Основные тенденции воспроизводства населения Западной Сибири в послевоенные годы**

Первое послевоенное пятилетие стало периодом нового демографического кризиса в истории России. Вместе с тем уже к началу 1950-х гг. произошла стабилизация протекавших в стране процессов. Цель данной статьи – выявить основные факторы, оказывавшие влияние на воспроизводство населения. Основная задача – определить значение второй половины 1940-х гг. для процесса демографической модернизации страны.

Хронологические рамки исследования – первое послевоенное пятилетие (1946–1950 гг.). Территориальные рамки охватывают Западно-Сибирский регион в его современных административно-территориальных границах, включающих Алтайский край, Республику Алтай, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую и Томскую области.

Основным источником для исследования послужили документы текущего учета естественного движения населения. Их первичным сбором в городах занимались загсы, а в сельской местности – сельсоветы. Затем их данные направлялись в региональные статистические учреждения, после чего в уже обработанном виде отсылались в отдел демографии ЦСУ СССР. В документах текущего учета населения содержатся данные о качественных и количественных характеристиках рождаемости и смертности, что позволяет охарактеризовать процессы воспроизводства населения.

Одним из основных факторов, определявших смертность населения в первые послевоенные годы, являлся голод 1946–1947 гг. В Западной Сибири он не приобрел характер бедствия, как в некоторых районах Советского Союза. Поэтому уровень смертности в регионе был ниже, чем в целом по стране (табл. 1). Послевоенный голод в Западной Сибири начался в конце 1946 г., достиг пика весной 1947 г. и отступил вместе с приходом лета. Если голод начался в конце 1946 г. и завершился летом 1947 г., то демографическая подсистема общества в силу инерционности происходящих в ней процессов стабилизировалась только к 1949 г.

Таблица 1

Динамика воспроизводства населения СССР, РСФСР и Западной Сибири (на 1000 чел. населения)

Годы	Смертность			Рождаемость			Естественный прирост		
	СССР	РСФСР	Западная Сибирь	СССР	РСФСР	Западная Сибирь	СССР	РСФСР	Западная Сибирь
1946	15,8	12,3	10,3	28,5	26,0	26,6	12,7	13,6	16,3
1947	20,3	17,0	14,1	29,6	27,5	31,2	9,3	10,5	17,1
1948	13,6	13,1	12,6	26,4	25,2	29,3	12,9	12,1	16,7
1949	12,6	11,7	11,5	31,0	30,5	33,4	18,4	18,8	21,9
1950	11,7	11,5	11,9	28,8	27,8	32,8	17,2	16,3	20,9

Источники: *Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1991. С. 71. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьков Т.Л. Демографическая история России: 1926–1959 гг. М., 1998. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html (дата обращения 24.06.2014); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49, 50, 106, 107, 150–152, 195; 194. Д. 696. Л. 52, 53, 110, 111, 157–159, 198, 199; Д. 758. Л. 18, 40, 58–59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58–59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60–61, 77; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 10–10 об., 30–30 об.; Д. 7406 А. Л. 8–8 об.; Д. 7412 А. Л. 15а–15а об.; Д. 7429. Л. 91–91 об., 99–99 об.; Д. 7430. Л. 3–3 об., 28–28 об., 70–70 об.; Д. 7448. Л. 39–39 об., 52–52 об., 81–81 об.; Д. 7464. Л. 45–45 об., 89–89 об., 115–115 об.*

Значительный интерес представляет вопрос о «цене» голода. Оценка численности жертв голода в РСФСР до сих пор является дискуссионным вопросом. Сколько людей умерло в результате роста смертности на территории Западной Сибири? Если предположить, что в 1947–1948 гг. не было бы кризиса, и коэффициент смертности оставался равен показателям 1946 г. – 10,3‰ (а не 14,1‰ как в 1947 г. и не 12,6‰ как в 1948 г.), то по данным ЦСУ в регионе умерло бы на 50 тыс. чел. меньше. Внося поправку на возможный недоучет смертей, порядка 55–60 тыс. чел.

Голод 1947 г. изменил возрастную структуру смертности, «помолодевшую» под действием экзогенных факторов. Данные табл. 2 указывают на заметный рост смертности в детской возрастной группе. В 1946 г. в Западной Сибири дети до 16 лет составляли порядка 36,5% умерших, а в 1947 г. – уже 47,0%. Высокая смертность среди детей определила уменьшение доли других возрастов в структуре смертности. Однако фактически рост смертности происходил во всех возрастных группах. Среди лиц трудоспособного возраста и в старшей возрастной группе, смертность хотя и повысилась, но не столь значительно, как среди детей.

* Лапердин Вячеслав Борисович (Новосибирск) – младший научный сотрудник Института истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: laperdin2011@mail.ru.

** Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-01-00109).

**Половозрастной состав умерших в Западной Сибири
в 1946–1947 гг., %**

Таблица 2

Возраст, лет	1946 г.			1947 г.		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Моложе 1 года	19,9	18,4	19,2	28,7	27,9	28,3
0–4	28,8	27,6	28,2	40,8	40,7	40,7
5–9	5,1	4,8	4,9	3,8	3,8	3,8
10–14	2,4	2,3	2,3	2,1	1,8	2,0
15–19	4,0	3,8	3,9	3,1	2,9	3,0
20–24	4,1	4,4	4,3	3,8	3,7	3,7
25–29	3,2	3,1	3,1	2,6	2,6	2,6
30–34	4,2	4,2	4,1	3,3	3,0	3,2
35–39	4,9	4,1	4,5	3,9	3,2	3,5
40–44	5,2	3,8	4,7	4,4	3,3	3,9
45–49	4,8	3,9	4,3	3,9	3,1	3,5
50–54	5,2	3,2	4,3	4,4	2,9	3,8
55–59	5,1	4,2	4,8	4,3	3,3	3,8
>60	21,9	29,5	25,5	18,9	25,2	21,9
Неизвестного возраста	1,1	1,1	1,1	0,7	0,5	0,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источники: ГА РФ. Ф. А–374. Оп. 11. Д. 461. Л. 1–1 об., 26–26 об., 47–47 об., 67–68 об.; Д. 567. Л. 1–1 об., 22–22 об., 45–46 об., 66–66 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401. Л. 24–24 об.; Д. 7406 А. Л. 15–15 об.; Д. 7412 А. Л. 23–23 об., 83–83 об.

В послевоенные годы наблюдалось увеличение рождаемости по сравнению с периодом войны. В результате возвращения домой из армии мужчин был запущен механизм компенсаторного роста, который должен был способствовать увеличению населения и стабилизации демографической подсистемы общества. Показатели рождаемости не достигли довоенного уровня вследствие высоких демографических потерь, которые понесла страна в Великой Отечественной войне.

Уровень рождаемости в Западной Сибири был выше, чем в целом по Советскому Союзу (табл. 1). По всей видимости, это связано с тем, что тыловые районы не понесли столь ощутимых людских потерь, как западные области страны, оккупированные немецкими войсками. Кроме того, уровень рождаемости в сельской местности Западной Сибири был выше, чем в городах [1]. Однако, как показывают современные исследования, в городских поселениях РСФСР компенсаторный рост был выражен сильнее, чем в сельской местности, по причине меньших демографических

потерь и миграции молодежи в промышленные центры [2]. В то же время в целом по СССР рождаемость в сельской местности превышала городские показатели за счет республик Кавказа и Средней Азии. В Западной Сибири наблюдалась аналогичная ситуация. Это объясняется не только сохранявшейся репродуктивной установкой на многодетные семьи, но и меньшими демографическими потерями, которые понесли тыловые районы во время войны.

Голод 1946–1947 гг. вызвал уменьшение рождаемости в СССР в 1948 г. В Западной Сибири голод не получил широкого распространения, но и здесь рождаемость в 1948 г. не достигла уровня предыдущего года. Таким образом, в послевоенные годы развивались две разнонаправленные тенденции, характеризовавшие рождаемость населения: ее увеличение в результате компенсаторного роста и снижение в 1948 г. по причине голода. В 1949 г. рождаемость достигла пика за весь послевоенный период. Начиная с 1950 г. возобладала тенденция ее сокращения, что связано с иссяканием компенсаторной волны.

Одним из основных факторов, определявших рождаемость, являлась дестабилизация брачно-семейных отношений. Вследствие половозрастного дисбаланса женщины испытывали острую конкуренцию на брачном рынке, в то время как у мужчин был переизбыток брачных партнерш. Холостые мужчины имели преимущество перед незамужними женщинами и могли пользоваться правом выбора. Это вызвало рост численности юридически неоформленных браков и расстройство процесса образования новых семей, а также ослабление уже созданных. В послевоенные годы широкое распространение получили расторжения браков и заключение новых, зачастую юридически не оформленных.

Динамика увеличения разводов прослеживалась на территории всего РСФСР, где в 1946 г. было зарегистрировано 7,9 разводов на 1000 браков, в 1947 г. – 17,5; в 1948 г. – 25,8; в 1949 г. – 34,2; в 1950 г. – 40,7 [3]. В Западной Сибири уровень разводимости был значительно ниже. В 1946 г. на 1000 браков пришлось 3,5 развода, в 1947 г. – 4,3; в 1948 г. – 6,1; в 1949 г. – 9,4; в 1950 г. – 13,8 [4]. Это можно объяснить различными причинами, как более крепкими брачно-семейными отношениями, так и ростом числа незарегистрированных браков. Второй вариант более вероятен, так как в Сибири не было никаких видимых предпосылок для повышения устойчивости брака.

Как правило, рождение ребенка происходит в семье, даже если брак родителей юридически не оформлен. Поэтому разводы приводят к потерям в рождаемости [5]. Это характерно для «стабильных» обществ, не испытывающих кризисных явлений. В послевоенные годы разводы, наоборот, стимулировали рождаемость за счет вступления мужчин в повторные браки и появления в них новых детей. С другой стороны, такая ситуация приводила к тому, что разведенная женщина оставалась без мужа и ее репродуктивный потенциал полностью не использовался. Но в условиях перехода к малой семье, состоящей из 1–2 детей, влияние показателей разводимости на рождаемость снижается [6]. Поэтому, если у разведенной женщины уже был ребенок, то дефицит рождае-

мости в результате распада семьи не был столь ощутимым, как в обществе с традиционными репродуктивными установками.

Особенностью компенсаторного периода в СССР было то, что он выражался не в увеличении численности семьи, которая в послевоенные годы, наоборот, сокращалась, а в росте внебрачной рождаемости, возникшей вследствие ослабления брачно-семейных связей (несмотря на попытки государства укрепить институт брака и принятие Указа от 8 июля 1944 г.). По данным ЦСУ в 1946–1950 гг. вне брака было рождено в Алтайском крае, Кемеровской и Новосибирской областях 20–25% детей [7]. В РСФСР после войны внебрачная рождаемость составляла около 25% всех рождений [8]. Внебрачная рождаемость способствовала более полной реализации репродуктивного потенциала населения и являлась одним из факторов повышения уровня рождаемости.

В послевоенные годы произошло ослабление связи рождаемости и брачности. Многие дети появлялись на свет у не состоявших в официальном браке родителей. Падение семейных ценностей не смогло изменить традиционного взгляда на семью и брак. Вышеописанная картина была характерна в основном для второй половины 1940-х гг. Уже в 1950-е гг. семейные узы вновь окрепли, на что указывает сокращение внебрачной рождаемости. Вместе с преодолением диспропорции полов в наиболее активных брачных возрастах и появлением на брачном рынке поколения, рожденного в 1930-е гг., брачно-семейные отношения стабилизировались.

Многие демографические процессы, характерные для всего СССР, были присущи и населению Западной Сибири. Это преодоление последствий Великой Отечественной войны, дестабилизация брачно-семейных отношений, возникшая вследствие половозрастного дисбаланса населения, компенсаторный рост рождаемости, кризис смертности, вызванный голодом 1946–1947 гг. Несмотря на общность протекавших процессов, Западная Сибирь обладала рядом особенностей. Компенсаторный рост здесь был выражен сильнее и происходил в первую очередь в сельской местности, в то время как в целом для РСФСР было характерно превышение показателей рождаемости городских жителей над сельскими. В то же время голод 1946–1947 гг. не имел столь сильных негативных последствий, как в ряде регионов страны. Западная Сибирь в меньшей степени пострадала от послевоенного кризиса потребления. Поэтому снижение естественного роста произошло в основном за счет уменьшения рождаемости в 1948 г., а не роста смертности в 1947 г., как это было в большинстве областей СССР (табл. 1).

Значение второй половины 1940-х гг. для процесса демографической модернизации страны состоит в том, что это было время последнего демографического кризиса в советской истории, приведшего к заметному всплеску смертности. Последующие кризисы не были связаны со столь значительным всплеском смертности. Восстановительные процессы в первые годы после окончания Великой Отечественной войны были затруднены вследствие голода. Они развивались в основном в сфере рождаемости, которая увеличилась по сравнению с периодом войны. Однако компенсаторный рост был замедлен по причине половозрастного дисбаланса, снижения рождаемости в 1948 г. и уменьшения эффективной рождаемости во время голода 1946–1947 гг. В то же время показатели смертности оставались на высоком уровне. Это препятствовало нормальному процессу воспроизводства населения и его естественному росту. К 1949 г. кризис был преодолен, демографическая подсистема общества стабилизировалась. Наступил этап демографического развития, характеризующийся устойчивыми восстановительными процессами, происходившими не только в сфере рождаемости, но и смертности населения, что позволило в основном преодолеть последствия Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Лапердин В.Б. Компенсаторный период рождаемости населения Западной Сибири в послевоенные годы (1946–1950 гг.) // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. трудов. Новосибирск, 2013. Вып. 3. С. 164.
2. Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Демографические последствия Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Война 1941–1945 гг.: Современные подходы. М., 2005. С. 540.
3. Там же. С. 546.
4. Подсчитано по: Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49, 50, 106, 107, 150–152, 194, 195; Д. 696. Л. 52, 53, 110, 111, 157–159, 198, 199; Д. 758. Л. 18, 40, 58–59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58–59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60–61, 77; Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 10 об., 30 об.; Д. 7406 А. Л. 8 об.; Д. 7412 А. Л. 15 а об.; Д. 7429 Л. 91 об., 99 об.; Д. 7430 Л. 3 об., 28 об., 70 об.; Д. 7448 Л. 39 об., 52 об., 81 об.; Д. 7464 Л. 45 об., 89 об., 115 об.
5. Волков А.Г. Семья – объект демографии. М., 1986. С. 149.
6. Араловец Н.А. Детность городской российской семьи. 1946–1959 гг. // Проблемы исторической географии и демографии России. М., 2007. Вып. I. С. 338.
7. Подсчитано по: Государственный архив Алтайского края. Ф. 718. Оп. 43. Д. 14. Л. 38 об., 39 об.; Д. 18. Л. 10 об., 53 об.; Д. 20. Л. 31 об., 54 об.; Д. 24. Л. 40 об., 62 об.; Государственный архив Кемеровской области. Ф. 304. Оп. 1. Д. 52. Л. 204 об., 208 об.; Д. 114. Л. 34 об., 38 об.; Д. 115. Л. 89 об., 90 об.; Д. 116. Л. 91 об., 92 об.; Д. 117. Л. 72 об., 73 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 14 об., 35 об.; Д. 7406 А. Л. 13 об.; Д. 7412 А. Л. 19 об.; Д. 7429. Л. 93 об., 100 об.; Д. 7429. Л. 1 об.; Д. 7430. Л. 6 об., 31 об.; Д. 7448. Л. 37 об., 49 об., 77 об.; Д. 7464. Л. 52 об., 92 об., 118 об.
8. Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 45.

Процесс строительства закрытых городов на Урале и их заселение жителями**

С начала своего основания закрытые города атомной промышленности были не похожими на другие города Советского Союза: контрольно-пропускная система, колючая проволока по всему периметру вокруг них, строгий режим сохранения государственной тайны для всех жителей. Такие города не были обозначены на географических картах, ни один дорожный знак не указывал направление проезда к ним. Во внутрь закрытых городов иногородним гражданам можно было попасть только по специальным разрешениям, после проверки анкетных данных органами государственной безопасности.

Процесс строительства закрытых городов на Урале как населенных пунктов происходил первоначально без четко определенной стратегии и без генеральных планов. История уральских атомных городов начиналась с принятия Советом Народных Комиссаров СССР постановлений № 3007-892сс и № 3008-893сс от 1 декабря 1945 г. [1] о строительстве заводов № 813 и № 817***. Одновременно со строительством этих заводов было запланировано строительство жилых поселков. Так, для завода № 817 планировалось построить жилой поселок улучшенного типа всего на 1300 работающих с их семьями, а для завода № 813 – жилой поселок улучшенного типа на 1500 работающих с членами их семей [2].

Решение о строительстве третьего предприятия на Урале – завода № 814**** было принято на заседании Спецкомитета 10 июня 1947 г., а 19 июня 1947 г. было подписано Постановление Совета Министров (СМ) СССР № 2140-562сс/оп «Вопросы завода № 814» [3]. В указанном постановлении при заводе № 814 отдельного жилого поселка строить не предусматривалось, так как размещение завода было спроектировано на окраине рабочего поселка Нижняя Тура Исковского района Свердловской области, в котором предполагалось разместить всех его работников.

В первые годы строительства атомных объектов вместе с спецпереселенцами, трудармейцами и вольнонаемными трудились и заключенные исправительно-трудовых лагерей, специально организованных для ускорения их ввода в эксплуатацию и создания инфраструктуры жилых поселков. Заключенные исправительно-трудовых лагерей являлись важной составной частью общей системы строительных организаций и были основной рабочей силой, занятой на возведении жилых поселков. Целые участки будущих улиц, зданий обносили колючей проволокой, как говорили в то время, «делали зону», в которой под охраной стрелков военизированной охраны и работали заключенные.

По замыслу руководителей атомного проекта СССР для эксплуатационного персонала предприятий и научной элиты необходимо было создать в таежной глуши необходимые жилищные условия для того, чтобы они не испытывали социально-бытовых трудностей, а весь свой творческий потенциал направляли на скорейшее создание ядерного оружия. Научные, инженерно-технические работники и рабочие вербовались для отправки на объекты атомной отрасли по всей стране. Набор специалистов и выпускников высших и средних учебных заведений проводился как на добровольной основе, так и по направлениям партийных и комсомольских органов по так называемым путевкам.

СМ СССР обязывал республиканских и областных партийных руководителей отбирать на предприятиях и в учебных заведениях инженерно-технических работников и высококвалифицированных рабочих, выпускников престижных институтов и техникумов по соответствующим разрядам с обеспечением надлежащей секретности [4]. Отбор производился под руководством ответственных работников Центрального Комитета ВКП(б). После проверки анкетных данных сотрудниками Министерства государственной безопасности СССР будущие атомщики направлялись в распоряжение Первого главного управления (ПГУ) при СМ СССР*****. Работников на вспомогательные и неквалифицированные работы набирали в близлежащих населенных пунктах.

Несмотря на то, что СМ СССР жестко ставил вопрос об ответственности руководителей ПГУ и директоров заводов в обеспечении надлежащими жилищными и культурно-бытовыми условиями прибывающих работников

---

* **Кузнецов Виктор Николаевич** (Екатеринбург) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, jurist-istor@mail.ru.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-11 66008.

*** Завод № 813 по обогащению урана-235 газодиффузионным методом расположен в г. Новоуральске (Свердловск-44) Свердловской области. Завод № 817 по обогащению плутония-239 в уран-графитовом реакторе расположен в г. Озерске (Челябинск-40) Челябинской области.

**** Завод № 814 по обогащению урана-238 электромагнитным методом расположен в г. Лесном (Свердловск-45) Свердловской области.

***** Первое главное управление при Совете Министров СССР непосредственно осуществляло процесс реализации государственной программы создания ядерного оружия.

и членов их семей, им пришлось переносить в первые годы работы многие жизненные невзгоды, что вызывало справедливые жалобы и нарекания. А самое главное, это ставило под угрозу их успешную работу по пуску и освоению сложного и опасного ядерного производства. Многие работники, несмотря на предупреждения о нехватке жилья, приезжали с семьями и маленькими детьми. Возникали серьезные проблемы с медицинским обслуживанием, обеспечением детскими яслями и садами, школами.

В связи с тем, что у высшего руководства страны на период создания атомной отрасли не было еще четкого представления относительно перспектив ее развития, жилые поселки намечали построить только для эксплуатационного персонала предприятий. Более того, какого-либо опыта создания подобных поселений еще не было.

Что касается десятков тысяч строителей, занятых на сооружении ядерных промышленных объектов и жилых поселков, то их руководители атомного проекта рассматривали в качестве временных жителей. Они должны были построить атомные предприятия и поселки для эксплуатационного персонала, а затем покинуть эти запретные места навсегда. Поэтому в первые годы как военные, так и вольнонаемные строители жили в бараках, палатках, щитовых домиках и юртах, или с подселением к местным жителям в соседних населенных пунктах.

Начавшаяся после испытания в СССР атомной бомбы в августе 1949 г. гонка ядерных вооружений, потребовала сооружения все новых и более мощных объектов атомной отрасли, притока больших контингентов работников. На строительство новых мощностей атомных предприятий, а также жилых поселков при них были направлены дополнительные кадры строителей.

В целях сохранения государственной тайны на строительстве и монтаже особо важных объектов в постановлении от 25.09.1948 г. № 3573-1433сс/оп СМ СССР посчитал необходимым привлечь проверенные кадры рабочих, сформированные в военно-строительные батальоны из состава Вооруженных сил СССР. На строительство завода № 817 было направлено 15 тыс. чел., завода № 813 – 10 тыс. чел., завода № 814 – 6 тыс. чел. [5]. Одновременно со строителями на сооружаемые производственные объекты направлялись дополнительные кадры специалистов и ученых. По этой причине появилась необходимость в дополнительном увеличении строительства жилья.

Проекты жилых поселков разрабатывались выездными бригадами специалистов Ленинградского проектного института. В составе этих бригад работали ленинградские архитекторы и проектировщики гражданского строительства. Они занимались преимущественно привязкой домов к местности и решением вопросов, возникающих по ходу строительства на месте. Многие жилые дома, здания культурно-бытового назначения, а также улицы, построенные в закрытых городах, одинаковы и похожи друг на друга. На территориях, отведенных под строительство жилых поселков, чтобы максимально сохранить окружающую природу, деревья вырубались только под фундаменты домов и будущие улицы. На заболоченных участках прокладывались лежневые дороги.

Первая проектная документация по объемам жилищного строительства поселка завода № 817 начала поступать еще в середине 1946 г. не в полной комплектности, что не позволяло развернуть строительные работы в соответствии с утвержденным графиком. Серьезной помехой в выполнении планов строительства было то, что зачастую строителей на основании приказов вышестоящих руководителей переводили с работ в жилых поселках на сооружение производственных объектов. К лету 1948 г. сложилась критическая ситуация с обеспечением жильем работников строящихся атомных городов. Ко времени пуска первого промышленного атомного реактора на заводе (с 1 декабря 1947 г. комбинат) № 817 ввели в эксплуатацию жилые помещения только барачного типа, отдельные брусчатые и щитовые дома.

Проектирование и строительство населенных пунктов при атомных объектах представляли собой довольно сложную проблему. Приходилось учитывать массу различных факторов, нередко далеких от градостроительства и архитектуры. С одной стороны, жилые поселки атомщиков должны были стать настоящими городами, но одновременно функционировать в условиях жесткого режима, строгой изолированности от внешнего мира. Учитывались также экологические факторы и потенциальная вероятность ядерной бомбардировки. Ведь было известно, что в случае войны закрытые города, атомный комплекс подверглись бы ракетно-ядерной атаке одними из первых в стране.

Процесс строительства жилья на объектах атомной промышленности вызывала определенное беспокойство у партийных органов Челябинской и Свердловской областей. Так, на закрытом заседании бюро Челябинского обкома ВКП(б) 18 июня 1948 г. был обсужден вопрос «О ходе жилищного и социально-бытового строительства на комбинате № 817». Бюро Свердловского обкома ВКП(б) на своем закрытом заседании также заслушало руководителей строительства о состоянии жилищного строительства на заводе № 814 [6]. Активное вмешательство областных комитетов партии в ускорение темпов жилищного строительства принесло определенные положительные результаты. Так, на 1 сентября 1948 г. на стройплощадке комбината № 817 строители ввели в эксплуатацию 22627 м² жилплощади, а на заводе № 813 – около 15000 м². При этом качество строительства жилья и объектов соцкультбыта оставалось низким.

Численность населения жилых поселков предприятий атомной промышленности на Урале

№ завода	Количество жителей на 20.12.1952 г., чел.	Планировалось количество жителей на конец 1953 г., чел.
817	31 200	34 700
813	21 972	34 000
418	10 848	14 588

Источники: Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. 2: Атомная бомба. 1945–1954. Москва; Саров, 2005. Кн. 5. С. 778.

пункты при заводах Министерства среднего машиностроения СССР были преобразованы в города областного подчинения и рабочие поселки. Населенный пункт комбината № 813 был преобразован в город областного подчинения Ново-Уральск (ныне – г. Новоуральск), населенный пункт комбината № 817 – в город областного подчинения Озерск, населенный пункт завода № 418 (до 13 октября 1951 г. завод № 814) – в город областного подчинения Лесной, населенный пункт завода № 933 – в рабочий поселок Трехгорный. Строительство еще одного закрытого города на Урале – Снежинска (Челябинск-70) – началось в 1955 г.

Установленные официальные наименования закрытые города носили до середины 1960-х гг., после чего, вплоть до января 1994 г., атомные города с целью обеспечения режима сохранения государственной тайны именовались по нумерации почтовых отделений, закрепленных за этими населенными пунктами: Челябинск-40, Челябинск-70, Свердловск-44 и Свердловск-45, Златоуст-36.

Законом РФ «О закрытом административно-территориальном образовании» от 14 июля 1992 г. № 3297-1 десяти закрытым городам Минатома России был установлен статус закрытого административно-территориального образования (ЗАТО), а Распоряжением правительства РФ от 04.01.1994 г. № 3-р населенным пунктам, расположенным в закрытых административно-территориальных образованиях были восстановлены ранее установленные географические названия: Озерск, Новоуральск, Лесной, Трехгорный и Снежинск.

Таблица 2

Численность населения закрытых городов Урала, тыс. чел.

Наименование ЗАТО	Численность населения на 01.01.1997 г.	Численность населения на 01.01.2001 г.	Численность населения на 01.01.2013 г.
Лесной (Свердловская область)	54,5	54,5	52,2
Новоуральск (Свердловская область)	94,8	94,3	84,4
Озерск (Челябинская область)	87,9	87,3	80,7
Снежинск (Челябинская область)	47,7	48,6	49,2
Трехгорный (Челябинская область)	30,9	31,0	33,0

Источники: Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 1997 г. М., 1997; Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2001 г. М., 2001; Сайты администраций городских округов Озерск, Новоуральск, Лесной, Трехгорный и Снежинск.

Таким образом, вместо изначально намеченных небольших жилых поселков при заводах, в ранее глухой необжитой людьми местности, стали со временем формироваться целые города атомщиков, население которых к концу 1990-х гг. насчитывало от 30 до 95 тыс. чел. Необходимо отметить, что в США также создавались подобные нашим «закрытые города», такие как Оак Ридж (Ок-Ридж), Лос Аламос, Канзас Сити, Айкен, Денвер и др.

В настоящее время на Урале закрытые города Росатома составляют обособленный и замкнутый ядерно-оружейный комплекс, объединивший в себе самые современные теоретические, конструкторские и производственные составляющие от обогащения и производства урана-235 и плутония-239 до сборки ядерных боеприпасов. Атомные города создавались в условиях режима строгой секретности как элитарные, изолированные от внешнего мира поселения: в них высок уровень производственной и социокультурной инфраструктуры. За десятилетия изолированной жизни в каждом из поселений сформировались свой микроклимат, особая ментальность населения.

Создание таких закрытых городов было оправданным, что позволило сохранить военно-стратегический паритет и не допустить третьей мировой войны. Задачи по созданию ответственного ядерного оружия и его совершенствованию и в настоящее время решаются на высоком научно-техническом уровне.

В настоящее время ЗАТО продолжают быть крупнейшими в России центрами передовых научных исследований и высоких технологий как в военной, так и в гражданской областях науки и техники, принимается комплекс государственных мер по сохранению научно-производственного и интеллектуального потенциала, сосредоточенного на предприятиях атомной отрасли, и созданию на базе ЗАТО наукоградов и техноградов как базовых элементов современной инновационной экономики.

Источники и литература

1. Атомный проект СССР. Документы и материалы / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Москва; Саров, 2000. Т. 2: Атомная бомба. 1941–1954. Кн.2. С. 73, 74, 83–85, 192–197, 202–207.
2. Там же. С. 196, 206.
3. Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Москва; Саров, 2002. Кн. 3. С. 213–214.
4. Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Москва; Саров, 2003. Кн. 4. С. 186–188.
5. Там же. С. 156–158.
6. Кузнецов В.Н. Общественно-политическая жизнь в закрытых городах Урала. Первое десятилетие. Екатеринбург, 2003. С. 46.

Из истории создания системы льгот для дальневосточников

Промышленное освоение Дальнего Востока всегда осложнялось нехваткой рабочих рук и капиталов. Проблемой заселения, закрепления в крае населения было озабочено российское правительство еще с середины XIX в. [1]. Восстановление и развитие дальневосточной промышленности и транспорта в 20-е гг. XX в. периодически осложнялось оттоком квалифицированных рабочих в центральные районы страны. В отчетах Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) постоянно говорилось о значительной утечке квалифицированных кадров: «... Часто старые квалифицированные рабочие уходят с завода, или уезжают в другие города Союза, не получая ... – удовлетворения самых элементарных требований по улучшению их бытового и культурного положения» [2, с. 127]. Государственное переселение в форме организационного набора рабочих для промышленных предприятий и сельскохозяйственное переселение на десятилетия стали для советской России процессом регулирования численности населения в слабо обжитых районах страны, одним из действенных инструментов государства в планах индустриального освоения Дальневосточного региона. Форсированный переход к государственному социализму потребовал жесткой регламентации жизни и деятельности населения, распределения рабочей силы, ограничения свободы перемещения и возможности выбора места работы; с 1932 г., с введением паспортов и прописки, население закреплялось за местом проживания, зачастую и местом работы. На Дальнем Востоке этим задачам служила система льгот, которая в планах правительства должна была не только привлечь население в необжитые районы, но и закрепить их на новом месте жительства.

В 1930-е гг. была разработана система льгот для переселяемого населения и приняты постановления новой власти. В декабре 1933 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О льготах для населения Дальневосточного края» [3, с. 98–99], где, в частности, повышалась заработная плата рабочим и служащим региона, предусматривались льготы для крестьян. В годы Великой Отечественной войны вышло постановление «О прекращении начисления процентных надбавок к заработной плате рабочим и служащим и предоставления им льгот, связанных с работой в отдаленных местностях» (3 октября 1942 г.) [4, с. 204], которым ликвидировалось большинство льгот, особенно их денежное выражение. В послевоенный период вновь встал вопрос о восстановлении промышленного производства в регионе, о заселении, в частности, вновь образованной Сахалинской области. Правительство возвращается к испытанным временем мерам – системе льгот для населения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г. были восстановлены льготы для работавших в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним, отмененные в 1942 г. [5, с. 114]. Рабочим-дальневосточникам стали выплачивать 10-процентную надбавку к ставкам и окладам по истечении шести месяцев работы, устанавливались районные коэффициенты к заработной плате (1,4 и 2,0), предоставлялись дополнительные отпуска. 25 августа 1946 г. Совет Министров СССР принимает постановление «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» [6, с. 332–334]. Согласно постановлению заработная плата повышалась у 824 тыс. рабочих (или 22% рабочих и служащих) на 20%. Этим же постановлением предусматривалось построить жилые дома: индивидуальные, двух-, трехкомнатные (деревянные и каменные) – 50 650 и 55 тыс. квартир в коммунальных жилых домах. Кроме того, строящиеся в 1946–1947 гг. 50 650 индивидуальных жилых домов должны быть проданы в собственность рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим предприятий и строек по цене 8 тыс. руб. – двухкомнатный деревянный с кухней, 10 тыс. руб. – каменный, трехкомнатный – соответственно 10 и 12 тыс. руб. Для предоставления рабочим возможности приобретения в собственность жилого дома Центральный коммунальный банк обязывался выдавать ссуду в размере 8–12 тыс. руб. сроком погашения в 10–12 лет и с взиманием за пользование ссудой 1% в год. 8 августа 1947 г. выходит постановление «О механизации лесозаготовок, освоении новых лесных районов и создании необходимых условий для закрепления рабочих и инженерно-технических кадров Министерства лесной промышленности» [7, с. 436–444]. Постановлением министерство лесной промышленности СССР обязывалось в лесозаготовительных и сплавных предприятиях в районах Дальнего Востока в 1947–1948 гг. построить 12 600 индивидуальных домов с последующей их продажей рабочим предприятий по той же схеме, что и в постановлении от 25 августа 1946 г.

4 октября 1948 г. вступило в действие постановление Совмина СССР «О развитии рыбной промышленности Дальнего Востока» [8, с. 528], в котором предусматривалось, что «строящиеся индивидуальные дома продаются рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим предприятий рыбной промышленности Дальнего Востока на условиях, установленных постановлением от 25 августа 1946 г.»

* Слабнина Лариса Анатольевна (Владивосток) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

В целом, согласно постановлениям, Министерство трудовых резервов обязано было направить в районы Дальнего Востока на предприятия лесной промышленности в 1949 г. 15 тыс. чел., в 1950 г. – 15 тыс., 20 тыс. – в 1951 г. и 10 тыс. – в 1952 г. Для обеспечения предприятий рыбной промышленности постоянными кадрами Совет Министров СССР обязал Министерство рыбной промышленности восточных районов СССР переселить в 1949–1952 гг. из центральных областей на Сахалин, Курилы, Камчатку и Охотское побережье 18 тыс. семей [9, с. 526].

Следует отметить, что столь радикальные меры в обеспечении работников традиционных отраслей народного хозяйства Дальнего Востока – угольной, рыбной, горнодобывающей – были продиктованы острым недостатком жилья в районах вселения и его техническим и санитарным состоянием. Так, в 1949 г. по комбинату «Приморскуголь» из общего числа строений (1634) 234 были бараки и временки, 1 036 кв. м было приспособлено под жилье временных помещений, почти 5 тыс. рабочих и членов их семей проживали в общежитиях; в Камчатской области на рыбокомбинатах в 1949 г. 44% всей жилой площади приходилось на землянки, 7,1% – утепленные и 0,7% – летние палатки. Огромной была скученность и в таком временном жилье – на одного человека приходилось 3–3,5 кв. м жилой площади [10, с. 83]. Помимо острого недостатка жилой площади огромной была изношенность имеющегося жилого фонда. По «Главморрыбпрому» Хабаровского края более половины общего количества жилплощади представляли здания с износом свыше 50%, 12 650 кв. м – утепленные палатки и строения, подлежащие сносу по ветхости, в землянках и полужемлянках проживало 825 чел., более 500 рабочих занимали утепленные палатки [11, с. 28–29]. Отсутствие достаточных средств для ремонта жилья в годы войны привело к высокому проценту его изношенности. В Комсомольске-на-Амуре большинство домов барачного типа, построенных в 1930-е гг., пришло в негодность; к началу 1946 г. в городе подлежало сносу 48 тыс. кв. м жилья. К специфическим условиям, присущим региону, следует отнести и наличие сезонных рабочих на промышленных предприятиях указанных отраслей промышленности. Приток сезонных рабочих усложнял и без того сложные жилищно-бытовые условия постоянных рабочих. Во время путины, когда численность рыбаков в Амурском бассейне удваивалась, недостаток жилья принимал особо острый характер. Если в январе 1954 г. средняя жилплощадь в Охотском тресте составляла 4,4 кв. м, то в августе этот показатель снижался до 3 кв. м на одного проживающего [12, с. 1].

Переселенцы, выходцы из деревень пополняли ряды рабочих, и большая их часть приезжала на новостройки-гиганты. Так, на строительстве Амурстали и города Комсомольска-на-Амуре было задействовано до 16 тыс. чел., на предприятиях Дальугля – 3480 чел., на Дальзаводе – 1300 чел. [13, с. 114].

Вот как вспоминает Л.А. Качаев, секретарь Центрального райкома ВКП(б), зиму 1932–1933 гг. на строительстве Комсомольска-на-Амуре. В тот год на Дальний Восток планировалось направить около 6 тыс. молодых юношей и девушек для строительства промышленных объектов. «Зимой ожидалось прибытие новых крупных отрядов строителей. Вопрос – где их расселять? Ждать когда появится достаточно новых домов – нельзя было. Строить шалаши ... И скоро 200 шалашей выросло на берегу Амура. Обмазанные глиной, они были лучшим жильем, чем палатки. Но все понимали, что зимой шалаши не спасут от холода. Поэтому сентябрь был объявлен штурмовым месяцем, ... все строили бараки. Но и этого было мало. Еще с лета многие начали копать землянки на берегу и перебираться в них, многие подхватили этот здравый почин. Так родился возле строительной площадки «Копай-город», который был очень нужен» [14, с. 77].

И вновь свидетельство очевидцев тех лет – воспоминания доктора экономических наук А. Нестеренко (г. Владивосток) «Встретил свою знакомую. Спросил, как она поживает. Живем в бараке, на Ивановской, комната – десять квадратиков. Нас четверо. А у тебя тоже не слаще? Хотя ты и кандидат наук. Конечно, – ответил я. – Правда, площадь 12 кв. м. Коммунальная. Система отопления допотопная. На кухне все замерзает. Нас шестеро» [15, с. 131–137]. Шел 1959 год. Жилищный кризис сохранялся на Дальнем Востоке на протяжении многих послевоенных десятилетий.

К числу государственных льгот для рабочих, прибывших на Дальний Восток по оргнабору, предусматривалось строительство частного (индивидуального) дома. Как уже отмечалось, выделялись ссуды на строительство или покупку такого дома. Важно отметить, что в этих же постановлениях имелся пункт, фактически «закреплявший» рабочих за предприятием: «приобретенные жилые дома переходили полностью в личную собственность рабочих, инженерно-технических работников и служащих только по истечении 10 лет работы в данном предприятии после получения дома и погашения всей ссуды. При уходе рабочего с работы по собственному желанию ранее этого срока дом передается предприятию» [16, с. 442]. Несмотря на столь жесткие условия в тяжелое послевоенное десятилетие для большинства переселенцев данные льготы по постройке или покупке частного дома были выходом из кризисных жилищных условий. Жилищные льготы особенно привлекали тех, кто не имел собственного жилья по месту прежнего проживания. Для тех работников, кто имел жилье в местах выхода, согласно постановлению «сохранялась жилая площадь по месту прежнего их жительства на весь период работы на этих предприятиях или организациях (исключая города Хабаровск и Владивосток)».

С ростом общественного, государственного жилищного фонда увеличивалось индивидуальное строительство. На Камчатке в 1940-е гг. до 40% жилья возводилось частными владельцами, в Сахалинской области за 1946–1958 гг. рабочими за свой счет и с помощью кредитов было построено 598 тыс. общей жилой площади, в Приморском крае по кредитованию через Дальневосточный банк в 1950-е гг. введено в эксплуатацию 2096 индивидуальных домов. В целях ускоренного решения жилищной проблемы для прибывшего населения в 1950-е гг. была налажена продажа сборно-щитовых и рубленых домов, комплектов деревянных изделий к шлакоблочным домам. 14 июля 1955 г. вышло постановление Совета Министров «О мерах усиления жилищного строительства в Приморском крае» и через потребкооперацию продано населению Владивостока, Сучана, Артёма, Уссурийска 183 сборно-щитовых и 36 рубленых деревянных домов. С выходом в 1957 г. постановления о разворачивании всех форм жилищного строительства ссуды на индивидуальное строительство увеличились. Однако, несмотря на то значение, которое государство уделяло поддержке индивидуальных застройщиков, те льготы, которые были предоставлены прибывшим на Дальний Восток, индивидуальное строительство не стало тем средством, которое послужило закреплению населения в регионе. Как и госстроительство оно сдерживалось теми же причинами: отсутствием стройматериалов, кадров рабочих-строителей, недостатком денежных средств. Например, по Главкамчатрыбпрому в 1950 г. выделено было ссуд 46% от предусмотренных планом правительства, а окончили строительство за счет этих средств только 29% семей рабочих. Ссуды, получаемые на строительство, не всегда были достаточными для его окончания, у рабочих семей не хватало личных сбережений, сроки строительства затягивались или оно прекращалось. В 1956 г. рабочим Камчатки выделялась ссуда в 7 тыс. руб. с рассрочкой на семь лет, а расходы на строительство дома в 30 кв. м. составляли не менее 35–40 тыс. руб. В этот же год из общей суммы на строительство жилья рыбаками-переселенцами было освоено только 75%. Слаборазвитая стройиндустрия, лесная промышленность сдерживали строительство жилья в целом и отрицательно сказывались на качестве домов частных владельцев; 75% такого жилья строилось из «прочей древесины» – некачественного теса, дощечек товарных ящиков, и т.д. Срок службы таких домов ограничивался 10–15 годами. В районах частных домов зачастую отсутствовали дороги, объекты социально-культурного назначения. До середины 1950-х гг. на Дальнем Востоке только 30% общего количества жилья возводилось индивидуальными застройщиками. В целом, к началу 1960-х гг., несмотря на увеличение темпов и объемов строительства жилья, по обеспеченности населения жильем Дальний Восток уступал общереспубликанским показателям: 5,2 кв. м приходилось на одного дальневосточника, в то время как санитарной нормой жилья считалось 9 кв. м на одного проживающего [17, с. 84–85]. Несмотря на принимаемые правительством решения, большая часть средств на жилье реализовывалась министерствами и ведомствами, которые главное внимание уделяли формированию региональных промышленных комплексов. Создание комплекса необходимых жизненных условий, в том числе жилья, способного не только привлечь рабочую силу в регион, но и закрепить их проживание здесь на многие десятилетия, оставалось на эти же десятилетия делом второстепенным. Жилищные льготы были лишь средством, чаще пропагандистского толка, для привлечения рабочих на промышленные предприятия региона. Наличие большого числа льготников при остром дефиците жилья и минимальном финансировании его строительства затрудняло проведение планов советского правительства в жизнь.

В 1960-е гг. система льгот для дальневосточников дважды была изменена – часть льгот была отменена и вскоре, в связи с резким уменьшением населения в регионе и текучестью кадров на предприятиях, вновь восстановлена. Конечно, не обходилось без волонтаризма, необдуманных и необоснованных решений руководства страны. И здесь уместно было бы привести выдержки из воспоминаний А. Нестеренко, доктора экономических наук: «Октябрь 1959 г. ... У подъезда крайкома КПСС (г. Владивосток) Хрущёв поднял вверх руки и, глядя в небо, что-то говорил первому секретарю крайкома Чернышеву... Один из свидетелей рассказал, что Никита Сергеевич воскликнул: “Товарищи, да Приморский край ничем не отличается от Крыма! Надбавка к заработной плате дальневосточников установлена необоснованно. Это накладно для государства. Ее надо отменить!” И этого оказалось достаточно, что бы сплеча рубануть по самому чувствительному нерву нашей жизни – мгновенно “решил” за всех нас проблему дальневосточного коэффициента. И только после XXIII съезда партии дальневосточный коэффициент был восстановлен» [18, с. 131–137].

Действительно, резко уменьшены были льготы для прибывшего населения, особенно в части надбавок к заработной плате, и «заморожены» льготные выплаты для местного работающего населения указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г. «Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера» и указом от 30 июня 1962 г. «О дополнении статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г.». В связи с отменой дальневосточного коэффициента к заработной плате начался отток населения с Дальнего Востока в районы с более высоким уровнем жизни, что сказалось на развитии промышленности. Негативные последствия были столь существенны, что в 1967 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября «О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера» льготы для на-

селения и вновь прибывавших переселенцев были восстановлены и расширены [19, с. 197–207]. Таким образом, анализ указов вновь подтвердил основную государственную цель переселения на Дальний Восток – привлечь рабочих высокой платой и другими денежными льготами. Решения об улучшении комплекса жизненных условий в регионе продолжали финансироваться по «остаточному принципу», промышленное освоение любой ценой оставалось приоритетной задачей. На наш взгляд, Дальний Восток был регионом, не способным привлечь мигрантов на постоянное место жительства. Отсюда – политика государственных органов власти – насильственное заселение или военизация края, поощрительные меры (система льгот), идеолого-политические («за туманом и за запахом тайги», Бам, Хетагуровское движение 30-х годов). Долгие десятилетия за кадром оставался материальный стимул для постоянного проживания в крае – лучшие жилищные условия и более доступное жилье, достойная система образования, снабжения, медицинского обслуживания. За высокие доходы население соглашалось жить в крае на короткий срок: накопил – выехал. Отток населения, постоянная смена кадров на производстве и сфере услуг рождали психологию временщиков со всеми вытекающими последствиями. Из десятилетия в десятилетие в крае наблюдался жилищный, продовольственный, культурно-информационный кризис. Отставание в уровне жизни населения края от центральных районов страны оставляло за Дальним Востоком право на многие десятилетия оставаться «дальневосточной окраиной страны». И часто в данном определении звучала изрядная доля пренебрежения к региону как к далекой, глухой провинции.

Льготы, которые должны были привлечь население в регион, выполняли свою роль. Для того, чтобы пришлое население осталось осваивать и развивать новые территории, необходимо, в первую очередь, сделать упор на вложение в социальную инфраструктуру, социальное обеспечение. Это должно быть более привлекательным для населения, быть более развитым и доступным, чем в местах выхода переселенцев.

Дальний Восток за последние двадцать лет потерял пятую часть населения, здесь огромная нужда в дополнительных трудовых ресурсах, здесь хватит на всех и земли, и работы. Но жители региона покидают территорию, за короткий период реформ отсюда уехало более 2 млн чел. и отток населения продолжается. За годы советской власти состоялось не только заселение, но и освоение региона – строились заводы, фабрики, флот, армия, города. За эти годы численность Дальнего Востока выросла до 8,1 млн чел. Это был максимум, которого мы достигли к 1991 г. Начиная с 90-х гг. прошлого столетия для восточных регионов России началась история «антизаселения». В настоящее время плотность населения на Дальнем Востоке самая низкая в стране – 1,2 чел. на кв. км, средняя по стране составляет 8,5 чел. Возникает закономерный вопрос – может быть государство не уделяет внимания региону, оставляя его на долгие годы «на задворках империи»? Но нет, краткая хроника планов и итогов их реализации свидетельствует – Дальний Восток традиционно являлся и является объектом приложения усилий государства. Например, три специальные региональные программы – 1987, 1996, 2013 гг. В 1987 г. была принята долговременная государственная программа. За 15 лет планировалось создать экономический потенциал, равный тому, что был накоплен за все годы Советской власти, и если бы программа была реализована, на Дальнем Востоке были бы решены проблемы, накопленные с 1950-х гг. Следует напомнить, что в 1970–1980 гг. до принятия этой специальной программы вложения в развитие региона составляли 8% от общего объема по СССР, но в оборонную и добывающую сектора экономики. Большинство целей программы не были реализованы. В 1996 г. принята программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы». Главная задача – стимулировать экономику на основе разработки и экспорта природных ресурсов. Но и эта программа не была выполнена. И вновь министерство по развитию Дальнего Востока вышло в правительство с проектом государственной программы до 2025 г., однако реализовать программу предстоит в условиях жесткой конкуренции, она является одной из 42 государственных программ.

Источники и литература

1. См. подр.: *Галлямова Л.И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX вв. Владивосток: Дальнаука, 2000.
2. *Кулинич Н.Г.* Динамика роста численности рабочего класса Дальнего Востока РСФСР в 20-е гг. // Третьи Гродековские чтения. Хабаровск, 2001. С. 127.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 6. С. 98–99.
4. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967. М., 1968. Т. 2. С. 204.
5. Сборник важнейших законов и постановлений о труде. М., 1958. С. 114.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 6. С. 332–334.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 6. С. 436–444.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 6. С. 528.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 6. С. 526.
10. РГАЭ. Ф. 8225. Оп. 28. Д. 403. Л. 154; Д. 402. Л. 56; ГАКО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 47. Л. 83.
11. ГАХК. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 206. Л. 28, 29.
12. ГАХК. Ф. 719. Оп. 23. Д. 4 а. Л. 1.

13. История Дальнего Востока СССР. Кн. 7: Советский Дальний Восток в период реконструкции народного хозяйства, победы социализма в СССР (ноябрь 1922 –1937 г.). С. 114.
14. Комсомольск-на-Амуре – рассказы строителей города // Дальний Восток. 1947. № 3. С. 77.
15. *Нестеренко А.* Дальневосточный коэффициент // Дальний Восток. 1989. № 5. С. 131–137.
16. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: 1917–1967. В 5 т. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 3: 1941–1952. С. 332–334, 436–444, 528, 526.
17. *Слабнина Л.А.* Уровень жизни рабочих Дальнего Востока СССР (1946 – начало 60-х годов). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1997. С. 84–85.
18. *Нестеренко А.* Дальневосточный коэффициент // Дальний Восток. 1989. № 5. С. 131–137.
19. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: 1917–1967. В 5 т. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 3: 1941–1952. С. 197–204.

Д.В. Милохин*

Население нетрудоспособного возраста в колхозах Коми АССР в 1940–1950-е гг.**

Количественный состав и качественные характеристики населения колхозной деревни, наряду с уровнем механизации и электрификации производства, составляли важный показатель, предельно лимитирующий возможности развития не только колхозного производства, но всей аграрной социально-экономической сферы СССР. В силу этого органы государственной статистики, а также власти и управления обращали особое внимание на учет всех категорий населения колхозной деревни, и, что особенно важно, на размер их участия в производственной деятельности сельхозартелей.

Впервые в советской историографии демографические характеристики колхозной деревни первой половины 1940-х гг. были представлены в 1962 г. публикацией «Записки об участии колхозников в общественном хозяйстве колхозов за годы Отечественной войны от 13 марта 1946 г.». Записка была составлена в секторе разработки годовых отчетов колхозов организационно-колхозного отдела Народного комиссариата земледелия СССР. Подготовили документ к печати и комментарии к нему известные советские историки-аграрники Ю.В. Арутюнян и В.П. Данилов [1, с. 19–68]. К сожалению, исследования демографических характеристик колхозной деревни последующего периода первых послевоенных лет долгое время отсутствовали. Лишь в 1990-е гг. появляются работы, затрагивающие данный сюжет в контексте описания неблагоприятных тенденций развития колхозного села в 1940–1950-е гг. Так, серьезного внимания заслуживает работа Н.С. Иванова в коллективном сборнике трудов «Судьбы российского крестьянства» [2, с. 416–435]. В ней автор приводит важные показатели, иллюстрирующие демографическую динамику послевоенной колхозной деревни Российского Нечерноземья. В начале 2000-х гг. вышла фундаментальная монография по исторической демографии советской деревни О.М. Вербицкой «Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития» [3]. В данной работе прослеживается динамика демографических показателей колхозной деревни в ключевой период ее существования – 1940–1950-е гг.

Демографические процессы в советской деревне на материалах Европейского Севера России активно и плодотворно изучаются вологодскими исследователями М.А. Безниным [4], Т.М. Димони [5], Н.В. Гилевой [6], Л.В. Изюмовой [7], О.В. Ильиной [8].

В то же время основное внимание как общероссийской, так и региональной историографии по демографии аграрной истории было сфокусировано на описании численности трудоспособных колхозников как ключевого показателя трудовых ресурсов и их участия в производстве, тогда как менее значимым с этой точки зрения категориям населения – лицам пожилого возраста и молодежи – внимания практически не уделялось. Цель данной работы – попытаться восполнить этот пробел на уровне региональной историографии. Необходимо добавить также, что на материалах Коми АССР данная тема в указанных хронологических рамках рассматривается впервые.

Выявленные данные о составе и численности колхозного населения Коми АССР позволяют говорить, что в 1940–1950-е гг. довольно значительную долю сельского населения, а значит и доступного контингента рабочей силы в колхозах, составляли так называемые «нетрудоспособные», то есть лица преклонного возраста (женщины старше 55, мужчины – 60 лет), а также подростки – молодежь в возрасте от 12 до 16 лет.

Необходимо отметить, что формальный статус «нетрудоспособного» не освобождал крестьянина от необходимости вносить личный трудовой вклад в общую производственную деятельность сельхозартели. Известно, что труд в колхозах носил характер принудительного. Крестьяне трудоспособного возраста были обязаны отработать обязательный «годовой минимум» трудодней, формально – в размере не менее 100, в действительности – не менее 200 трудодней, причем в лучшие агротехнические сроки. За невыполнение данного требования они попадали в разряд «лжеколхозников» и «антисоветского элемента». К таким лицам могли быть применены различные варианты административного взыскания: от штрафов и принудительных работ до исключения из колхоза, конфискации индивидуального подсобного хозяйства и ссылки на поселение в отдаленные регионы Союза ССР, прежде всего, в Сибирь.

Молодежь принималась в артели автоматически, по достижении 16-летнего возраста. Официального согласия, выраженного через подачу личного письменного заявления, как это было в конце 1920-х – начале 1930-х гг. – начального периода колхозного строительства, в 1940–1950-е гг. не требовалось. Статус сельского жителя автоматически приравнивался к статусу колхозника. Добровольный выход, а также увольнение из колхоза формально не предусматривались и процедурно в «Примерном уставе сельхозартели» прописаны не были [9, с. 427–433]. Для ограничения свободного передвижения и выбора места жительства по своему усмотрению колхозники были

* **Милохин Дмитрий Владимирович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, dvmilohin@yandex.ru.

** Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

лишены паспортов общегражданского образца, что в условиях действовавшей системы прописки юридически прикрепляло их к земле.

Однако в реальности, задолго до достижения 16 летнего возраста – официального начала «трудоспособности» и полноценного членства в артели – подростки уже с 12 лет (а зачастую и раньше) активно вовлекались в аграрное производство (табл. 1).

Таблица 1

Молодежь в возрасте от 12 до 16 лет в колхозах Коми АССР в 1940–1958 гг.

Показатели	1940 г.	1944 г.	1946 г.	1948 г.	1950 г.	1952 г.	1954 г.	1956 г.	1958 г.
Подростков от 12 до 16 лет, чел.	23564	16776	15467	13599	14505	13608	10782	7241	4945
Их доля среди всего наличного населения, %	9,7	12,6	12,2	11,4	13,6	12,8	10,7	7,2	5,0
Из них принимало трудовое участие в колхозе, чел.	17466	16269	14650	12630	11928	10328	9700	6960	4611
Доля подростков из числа наличных, принимавших трудовое участие в колхозе, %	74,1	97,0	94,7	92,9	82,2	75,9	90,0	96,1	93,3
Ими выработано трудодней, тыс.	Нет св.	1203	950	768	497	379	433	375	236
Доля выработанных трудодней подростками в общем количестве трудодней	–	6,9	6,4	5,5	3,6	3,1	3,2	2,6	1,7

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 412. Л. 4 об.; НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1489. Л. 1; Д. 3852. Л. 2; Д. 3896. Л. 1; Д. 3897. Л. 1, 43 об., 44 об.; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 15.

Анализ табл. 1 показывает, что демографические характеристики данной категории населения колхозов Коми АССР были неблагоприятными. Количество подростков с 1940 по 1958 г., т.е. всего за 18 лет сократилось в 4,7 раза. На столь резкий спад количества молодежи повлиял ряд серьезных факторов. Прежде всего, это были последствия резкого сокращения рождаемости и повышения смертности населения, вызванного Великой Отечественной войной. Действительно, подростки 1950-х гг. – это «дети войны». Кроме того, на сокращение числа подростков повлияла общая неблагоприятная социально-экономическая ситуация в колхозной деревне, вызывавшая определенный социальный пессимизм и массовый исход семей колхозников из деревни под любым предлогом – переход в кадры промышленности, переезд в рабочий населенный пункт, город, уход на службу в армию или отъезд на учебу. Очевидно, что столь резкое сокращение молодежи – будущего деревни – лишило возможность на устойчивое и перспективное развитие всей колхозной системы и в определенной степени подготовило решение о ее демонтаже в 1960-е гг.

В то же время, как показывает вторая строка табл. 1, удельный вес подростков повышался, достигнув пика в 13,6% к 1950 г. Это также является свидетельством оттока рабочих рук из деревни. Именно во второй половине 1940-х гг. наблюдалась массовая вербовка трудоспособных колхозников в лесозаготовительную промышленность, соответственно повышалась доля нетрудоспособных среди всего сельского населения. В последующие годы – в период аграрных реформ 1953–1958 гг. – доля молодежи резко пошла на убыль, став ниже довоенного уже в 1956 г. и практически вдвое ниже к 1958 г. Это объясняется общим демографическим упадком советского колхозного села – резким сокращением всех категорий населения, вызванного неудачными решениями Н.С. Хрущева в области аграрной экономики и всего уклада сельской жизни.

Оставаясь самой тонкой и немногочисленной категорией населения, молодежь активно участвовала в производственной деятельности сельхозартелей. Если в 1940 г. три четверти, или 74,1% молодежи принимало участие в выработке трудодней (специфической формы учета труда, предусмотренной «Уставом сельхозартеля»), то в 1944 г. – уже 97%. Последний показатель является свидетельством сверхмобилизационных возможностей колхозной системы. Практически поголовное привлечение подростков к труду носило выраженный компенсационный характер и было призвано заменить недостаток рабочих рук в колхозе, когда мужчины ушли на фронт. Впоследствии, к 1952 г. данный показатель практически вернулся к довоенному значению, что было, по всей видимости, следствием обратного процесса – частичным восполнением рабочих рук возвращавшимися из армии мужчинами и некоторым ослаблением чрезвычайного военного режима труда в колхозах. Однако во второй половине 1950-х гг. вновь наблюдается рост участия подростков в колхозном труде – к 1956–1958 гг. он снова достигает показателя военных лет. Причиной этому послужил значительный рост материального стимулирования труда в колхозах, поэтапно вводимый в данный период решениями партии и правительства, приведший к значительному росту (в 7,5 раза за шесть лет – с 1952 по 1958 г.) денежной оценки трудодня (табл. 2).

Таблица 2

Средняя денежная оценка трудодня в колхозах Коми АССР в 1940–1958 гг.

Год	1940	1946	1948	1950	1952	1954	1956	1958
Руб.	0,64	1,31	1,18	0,92	0,63	1,86	2,63	4,79

Источники: НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2688. Л. 4 об.; Там же. Д. 3822. Л. 7 об.; Там же. Д. 1441. Л. 38; Там же. Д. 3896. Л. 10 об.; Там же. Д. 3897. Л. 11, 27 об., 51 об.; Там же. Д. 3852. Л. 10; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 44 об., 93; Там же. Д. 1954. Л. 10.

В то же время надо отметить, что, несмотря на то, что доля подростков была значительной, а их трудовая активность высокой – как общий объем выработанных ими трудодней, так и их доля в общем количестве трудо-затрат неуклонно снижалась на протяжении всего рассматриваемого периода. Так, количественный объем трудо-дней сократился с 1944 по 1958 г. в 5 раз, а их массовая доля – в 4 раза (табл. 1).

Ко второй категории нетрудоспособных государственная статистика относила лиц пожилого возраста, как уже было отмечено, женщин старше 55, мужчин – 60 лет. Их количественный состав и трудовое участие пред-ставлены в табл. 3.

Таблица 3

Нетрудоспособные пожилого возраста в колхозах Коми АССР в 1940–1958 гг.

Показатели	1940 г.	1944 г.	1946 г.	1948 г.	1950 г.	1952 г.	1954 г.	1956 г.	1958 г.
Наличных нетрудо-способных (женщин старше 55 и мужчин – 60 лет)	28409	Нет св.	Нет св.	17266	18068	18466	Нет св.	20019	19972
Их доля среди всего на-личного населения, %	15,8	–	–	14,5	16,8	17,4	–	14,0	20,3
Из них принимало тру-довое участие в колхозе, чел.	27452	15766	13289	14375	13490	10447	12000	14044	12344
Доля нетрудоспособ-ных из числа налич-ных, принимавших трудовое участие в колхозе, %	96,6	–	–	83,3	74,7	56,6	–	70,2	61,8
Ими выработано тру-додней, тыс.	Нет св.	1616	1496	1503	1378	1324	1296	1295	1358
Доля выработанных трудодней нетрудоспо-собными в общем ко-личестве трудодней, %	–	9,2	10,1	10,7	10,0	10,6	10,4	8,8	9,5

Источники: НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1489. Л. 1; Оп. 2. Д. 1441. Л. 38; Д. 3852. Л. 2.; Д. 3896. Л. 1; Д. 3897. Л. 1, 43 об., 44 об.; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 15.

В отличие от подростков пожилые колхозники сохраняли стабильную численность своего состава – в районе 20 тыс. чел в количественном выражении и порядка 15–17% в удельных показателях. Так же как и в отношении к подросткам, колхозная система не освобождала крестьян преклонного возраста от необходимости принимать участие в колхозном производстве. Как показывает анализ табл. 3, несмотря на то, что доля колхозников пожи-лого возраста, принимавших участие в производственной деятельности, снизилась с 1940 по 1952 г. практически в два раза – с 96,6 до 56,6%, удельный вес трудодней, выработанных ими оставался на неизменно высоком уров-не – порядка 10–11% от общего числа выработанных трудодней. Что говорит о том, что выработка трудодней на одного нетрудоспособного выросла почти в два раза. А если суммировать с трудоднями подростков, то цифры получаются еще более значимыми (табл. 4).

Доля трудодней от 16 до 11%, как нетрудно себе представить, составляли достаточно весомый вклад в кол-хозное производство, существенно влиявший на результативность экономической деятельности коллективных хозяйств. Видимо, известную фразу И.В. Сталина о том, что «женщины в колхозах – большая сила», можно было распространить и на все остальные демографические категории колхозного крестьянства, особенно на такие специфические, как подростки и лица пожилого возраста, численность которых в рассматриваемые годы варьи-ровалась от одной четверти до одной трети всего колхозного населения Коми АССР.

Но и этот ресурс имел свои ограничения. Необходимо отметить, что общее снижение численности нетрудоспособного населения в колхозах было характерно как для Коми АССР, так и для всего Российского Нечерноземья (табл. 5).

Таблица 4

Доля пожилых колхозников и подростков в колхозах Коми АССР и их трудовое участие в 1940–1958 гг.

Показатели	1940 г.	1944 г.	1946 г.	1948 г.	1950 г.	1952 г.	1954 г.	1956 г.	1958 г.
Доля среди всего наличного населения, %	25,5	–	–	25,9	30,4	30,2	–	21,2	25,3
Доля выработанных трудодней нетрудоспособными в общем количестве трудодней, %	–	16,1	16,5	16,2	13,6	13,7	13,6	11,4	11,2

Источники: см. табл. 1 и 3.

Таблица 5

Нетрудоспособное население колхозов нечерноземной зоны РСФСР в 1945–1958 гг., тыс.

Показатели	1945 г.	1950 г.	1953 г.	1955 г.	1958 г.
Наличных нетрудоспособных (женщин старше 55 и мужчин – 60 лет)	Нет св.	7645,4	7200,0	6404,5	6411,1
Подростков от 12 до 16 лет	1453,7	1223,7	1256,5	867,5	529,6

Источник: Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства / Под. ред. акад. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 427.

При этом необходимо отметить, что исходя из собственного «уязвимого» статуса данная категория работников, особенно пожилые, была наиболее дисциплинированной и ответственной ее частью. Пожилым людям были недоступны социальные лифты в виде ухода в промышленность, на учебу или службу в армию, для женщин – замуж за городского жителя. Поэтому они оставались доживать на селе и были вынуждены трудиться в колхозах. А так как наиболее социально активная часть колхозников – взрослые трудоспособные – в указанные годы подвергалась основному сокращению, в колхозной деревне нарастал демографический кризис. Совершенно отчетливо прослеживается тенденция старения населения коми деревни. Если в 1948 г. престарелым был каждый шестой ее житель, то всего через десять лет, в 1958 г. – каждый пятый. В возрастной структуре жителей села все чаще стали преобладать престарелые и все меньше – молодежь. Все это заставляло органы власти и управления самым активным образом привлекать к трудовому участию данные категории населения.

Таким образом, колхозная система представляла собой мобилизационный механизм, нацеленный на привлечение *всех* сил общества на решение задач общегосударственного значения. При этом общее число колхозников Коми АССР, принимавших участие в общественном производстве, сократилось к концу 1958 г. до 48,4 тыс. чел., против 79,7 тыс. в 1946 г. и 113,7 тыс. – в 1940 г. В результате в сельскохозяйственных артелях упала общая выработка трудодней, ощущался острый дефицит рабочей силы. Несмотря на рост механизации аграрного производства в 1950-е гг. и активную мобилизацию нетрудоспособных, экономический ущерб от убыли рабочих рук трудоспособного населения компенсировать не удалось.

Источники и литература

1. Арутюнян Ю.В., Данилов В.П. Свод отчетов колхозов страны за период Отечественной войны // Исторический архив. 1962. № 6.
2. Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства / Под. ред. акад. Ю.Н. Афанасьева, М., 1996. С. 416–435.
3. Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002.
4. Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М., 1991.
5. Безнин М.А., Димони Т.М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х гг. Вологда, 2005.
6. Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х гг. Вологда, 2001.
7. Гилева Н.В. Крестьянская семья на Европейском Севере России в 1960–1970-х гг. Вологда, 2001.
8. Ильина О.В. Демографические процессы в деревне Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. Вологда, 2011.
9. Примерный Устав сельскохозяйственной артели // История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917–1958 гг. М., 1959. Т. 1. С. 427–433.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Л.Я. Канева*

Современные этнодемографические процессы у коми-ижемцев**

В этнодемографических исследованиях, как правило, анализируются основные демографические показатели (рождаемость, смертность, брачность и др.) в этническом аспекте, во взаимосвязи с особенностями жизни, культуры и быта того или иного народа [1]. К концу XX в. в исследовании народонаселения Коми края были достигнуты значительные успехи: определены ключевые проблемы историко-демографического развития, выработана методика анализа источников, введен в научный оборот большой фактический материал. Важно подчеркнуть возросшее внимание демографов к историческим аспектам развития народонаселения Коми. Исследователи активно использовали в своих работах данные ономастики, диалектологии, фольклора [2].

Следует отметить работы В.В. Соловьева, который изучал вопросы брачно-семейной структуры населения коми. На основе ревизских сказок был дан анализ основных показателей семейного строя коми-ижемцев в XVIII – середине XIX в., выделены тенденции развития семейной структуры и численного состава семей. Определены два основных типа семей: малые и неразделенные, среди которых исследователем выделены подтипы. В.В. Соловьевым впервые были приведены показатели брачности, относящиеся к концу XIX – началу XX в., рассмотрены локальные особенности, исследованы некоторые факторы, влиявшие на характер брачно-семейных отношений у коми. Ученым была затронута тема психологических установок и стереотипов демографического поведения, связанных, прежде всего, с процессом вступления в брак [3].

Опубликованные в XX в. работы в большинстве своем были ограничены в территориальном или хронологическом плане и не давали достаточно полной картины демографического развития на всей территории Коми края. Многие вопросы требовали углубленной разработки. Но существующие исследования были базой, благодаря которой стало возможным появление обобщающих трудов по историко-демографическому развитию региона.

Начало XXI в. ознаменовалось выходом новых исследований, посвященных этнодемографическим процессам в регионе. Растущий интерес к историко-демографической проблематике, этническим и демографическим процессам в Коми крае вполне объясним, так как по мере заселения и хозяйственного освоения территории здесь формировались своеобразные группы местного коми и русского населения, имеющие значительные отличительные черты в духовной и материальной культуре. Плодотворно изучались процессы заселения территории и формирования населения Коми в ходе миграций различных этнических групп. Привлечены новые материалы по численности населения. Показана связь между административно-территориальными изменениями региона и этнографическими процессами и др. [4].

В конце XVIII – начале XIX в. ижемцы заселили берега р. Ижмы вниз от Красного бора до устья и вверх – от Мошьюги до впадения в р. Ухту. В Красноборском районе, изобилующем хорошими рыболовными угодьями и имеющем прямой выход на р. Печору, население численно быстро росло, в более северных территориях района населения было немного, восемь небольших деревень. На протяжении всего XIX в. особых изменений в составе населения не произошло, крупных миграций на Печору не наблюдалось. Л.П. Лашуком были использованы дневниковые записки путешественника И. Лепехина, на основании которых он утверждает, что общий рост народонаселения происходил преимущественно за счет естественного прироста, на Ижме в XVIII в. он был более значительным, нежели в предшествующем столетии. При этом следует учитывать и значительный отход ижемцев в Приуралье, Западную Сибирь и на Кольский п-ов. Столь быстрый рост коми-ижемского населения был, несомненно, обусловлен сравнительно благоприятными условиями экономического развития [5].

Конец XX в. характеризовался нарастанием кризисных явлений в демографической ситуации в республике, но на сегодняшний день, как отметил исследователь В.Я. Сквозников, в целом для республики демографическая обстановка характеризуется позитивными изменениями: растет рождаемость и снижается смертность населе-

---

* **Канева Любовь Яковлевна** (Сыктывкар) – художественный редактор редакционно-издательского отдела Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Статья публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

ния. Сокращение естественной убыли населения наблюдается и в сельской местности. Причины такого роста, по мнению В.Я. Сквозникова, состоят в том, что повысились реальные доходы населения, заработанная плата, пенсии [6]. Росстат прогнозировал рост рождаемости в Республике Коми в 2008, 2009 и 2010 гг., и данный прогноз оправдался [7].

Показатели смертности как в целом по Республике Коми, так и по Ижемскому району превышают рождаемость. Разница между зарегистрированными рождениями и смертями составила в 2006 г. – 58, а в 2007 г. – 99. В 2007 г. смертей зарегистрировано на 40 больше, чем в 2006 г.. Если сравнивать смертность между мужчинами и женщинами, то мужчин умирает больше: в 2006 г. мужчин – 197, женщин – 134; в 2007 г. мужчин – 207, женщин – 164. Средняя продолжительность жизни мужчин составляет 53 года, средняя продолжительность жизни женщин составляет 67 лет.

В 2011 г., если сравнивать данные по зарегистрированным смертям в Ижемском р-не, в сравнении с 2010 г. идет понижение. Из общего количества умерших в 62% – это мужчины, в основном, трудоспособного возраста, средний возраст умерших мужчин составляет 53 года. Что касается причин смертности, то они практически не претерпели каких-либо существенных изменений. На первом месте среди причин по-прежнему болезни сердечно-сосудистой системы, на втором – внешние причины смертности и на третьем – новообразования [8]. За 2012 г. было зарегистрировано 302 смерти (за аналогичный период 2011 г. – 323 смерти). По-прежнему мужчин умирает больше, чем женщин. Для сравнения: за 2009–2011 гг. мужчин умерло 596, а женщин – 401. Среди умерших 60% мужчин, их средний возраст составляет 53 года (трудоспособный возраст), женщин – 64 года.

Большинство браков в Ижемском р-не заключается в возрасте от 18 до 24 лет. Количество заключенных браков: в 2006 г. – 124, 2007 г. – 150. Количество разводов: в 2006 г. – 34, в 2007 г. – 43. Больше всего разводов происходит по решению суда, это значит, что развод происходит в семьях, где имеются несовершеннолетние дети. Всего в Республике Коми в 2007 г. заключено 8 427 браков, а расторгли брак 5 005 супружеских пар. В Ижемском р-не в 2010 г. зарегистрировали брак 123 пары, перестали быть супругами 45 пар. В 2011 г. в районе зарегистрировали брак 164 пары. Популярностью пользуется регистрация заключения брака с применением национальных традиций коми-ижемцев. В 2012 г. в брак вступила 91 пара, что на 44% меньше, чем в 2011 г. Мужчины чаще всего женятся в 25 лет, а девушки выходят замуж в 22 года [9]. Расторгли брак за 2012 г. 44 супружеские пары, в 2011 г. – 34. Больше всего расторгнуто браков в 2007 и 2010 гг. В результате разводов 35 детей воспитываются в неполных семьях [10].

Повышению рождаемости способствует улучшение качества медицинского обслуживания. В 2011 г. родилось 262 чел., в том числе 140 мальчиков и 122 девочки. По данным первых кварталов наиболее высокие показатели наблюдались в 2011 г. За первый квартал 2012 г. было зарегистрировано 68 рождений, за аналогичный период 2011 г. – 76, за первый квартал 2010 г. – 63 рождения. Из родившихся в I квартале 2012 г. 45 мальчиков, 23 девочки. Родилось 27 первенцев, 29 – вторых, 12 – третьих и три четвертых ребенка (в Ижме, Усть-Ижме и Вертепе) [11].

Интересно отметить популярность имен, данных при рождении. За 2010 г. 16 мальчиков были наречены Дмитриями. На втором месте Данилы (Даниилы) – семь мальчиков, а на третьем – Александры, Артёмы (по пять мальчиков). За 2010 г. больше всего девочек были названы Анастасиями – 10 чел., на втором месте – Дарьи, на третьем – Софьи (Софии) – шесть новорожденных по району. В 2011 г. самыми популярными мужскими именами в районе стали такие, как Иван (11), Алексей (9), Дмитрий (9), Константин (5). Встречаются и редкие имена: Мирон, Елисей, Назар, Еремей. Были даны такие имена: Александр, Станислав, Даниил, Родион, Никита, Владислав, Роман, Сергей, Макар, Михаил, Евгений, Егор, Федор, Илья, Тимофей, Вадим, Захар, Андрей. Среди женских имен на первом месте – имена Анастасия (9), Дарья (6). Редкие имена: Доминика, Раиса, Анюта, Нина, Сияна, Анита. Также девочкам давали имена: Ольга, Эльза, Адриана, Галина, Кристина, Маргарита, Алиса, Екатерина, Елизавета, Елена, Ксения, Диана, Виталина, Варвара, Лилия. В 2012 г. среди зарегистрированных родившихся мальчиков лидируют имена Кирилл, их 10. Распространены имена Александр, Иван, Матвей, Захар, Владислав. Среди женских имен на первом месте Мария, Дарья, Софья, Елена, Елизавета, Ульяна. Необычные имена среди девочек – Инесса, Октябрина, редкие имена – Луиза, Эльвира, Ярослава.

Число детей, родившихся у одиноких матерей как в 2006 г., так и в 2007 г. практически равно: 2006 г. – 80 (29% от общего числа родившихся), 2007 г. – 79 (29%). Немного уменьшилось число родившихся у несовершеннолетних матерей (16–17 лет): 2006 г. – 16 (6% от общего количества родившихся), 2007 г. – 14 (5%) [12]. Среди родившихся – 34 мальчика и 38 девочек, три мамы несовершеннолетние, одиноких мам – 17. Зарегистрированы как уроженцы Ижемского района 65 детей, Сыктывкара – двое.

Таблица 1

Демографические показатели по Ижемскому району за 2001–2010 гг.

Годы	Человек	Родилось			Ребенок по счету в семье			Родилось детей у несовершеннолетних	Родилось детей у одиноких матерей	Умерло			Причины смерти			
		Всего	Мужского пола	Женского пола	I	II	III и более			Всего	Мужчин	Женщин	Самоубийства	Погибло	Сердечно-сосудистые заболевания	Онкологические заболевания
2001	23201	220	119	101	Нет сведений			14	36	355	191	164	24	47	124	33
2002		228	127	131	Нет сведений			9	32	423	277	146	33	90	170	27
2003	21451	258	127	131	138	79	40	17	49	393	240	153	21	84	163	32
2004	22361	199	109	90	120	59	19	14	50	358	203	155	12	88	135	33
2005	22031	251	126	125	143	77	29	20	65	352	200	152	20	95	149	22
2006		273	139	134	143	98	31	15	80	331	197	134	27	67	129	17
2007	21023	272	140	132	140	96	36	16	81	371	207	164	20	90	159	24
2008	21975	299	163	136	152	97	50	18	90	353	202	151	21	64	132	23
2009	21921	288	140	148	142	102	42	13	66	369	222	147	24	72	139	28
2010	21714	267	144	123	128	97	38	7	64	372	222	150	31	79	143	22

Источники: Новый Север. 2008–2011.

Таблица 2

Демографические показатели по Ижемскому району за I квартал 2012 г.

Населенный пункт	Число человек на 1.01.2012	Число человек на 1.01.2011	В том числе всего родилось	Родилось детей у несовершеннолетних	Родилось детей у одиноких матерей	Ребенок по счету в семье			Заклучено браков	Умерло					Причины смерти		
						I	II	III и более		Всего	Мужчин	Средний возраст	Женщин	Средний возраст	Серд.-сосуд. заб.	Алкоголь	Самоубийства
Ижма	4626	4567	17	–	3	6	8	3	4	9	4	64	5	62	3	1	–
Том	1640	1657	5	–	3	2	3	–	–	4	1	75	3	75	2	2	–
Мохча	2198	2209	7	–	1	4	1	2	–	12	8	61	4	61	7	1	1
Сизябск	2424	2455	7	1	–	1	5	1	2	9	3	68	6	68	5	3	–
Краснобор	2228	2230	9	–	1	3	2	4	2	4	3	80	1	80	2	1	–
Кельчиюр	1729	1671	5	1	2	2	2	1	1	12	6	56	6	56	3	1	–
Няшабож	891	893	4	–	–	3	–	1	–	4	–	79	4	79	1	1	–
Брыкаланск	1080	1078	3	1	–	1	2	–	–	2	2	–	–	–	1	–	–
Кипиево	1028	1042	3	–	–	2	1	–	1	1	–	76	1	76	1	–	–
Щельяюр	3219	3755	8	1	1	3	5	–	1	14	8	69	6	69	5	–	1
Всего за I кв. 2012 г.	21063	–	68	4	4	27	71	29	11	71	35	67	36	67	30	10	2
Всего за 2012 г.	–	–	273			107	105	73	91	302	175		127		159		
Всего за I кв. 2011 г.	–	21557	67	4	4	28	100	28	22	100	53	71	47	71	40	15	6

Источники: Новый Север. 2012.

В заключение следует отметить, что локальность исследования дает возможность более глубокого изучения проблемы демографического развития. Исследование отдельно взятого региона позволяет проследить на конкретном материале влияние основных демографических тенденций изучаемого периода.

Источники и литература

1. Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. О предмете и задачах этнографии // СЭ. 1963. № 1.
2. Поляков Ю.А. Предисловие // Проблемы исторической демографии СССР. Киев, 1988. С. 3.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVII – начала XX в.). СПб., 2003. Т. 1. С. 121.
4. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI в.). Сыктывкар, 2006. С. 14.
5. Лащук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958. С. 120.
6. Республика, 2009. Январь.
7. Республика. 2009. Январь.
8. Новый Север. 2011. № 16–17.
9. Новый Север. 2012. № 48–49.
10. Новый Север. 2013. Январь.
11. Новый Север. 2012. Январь.
12. Новый Север. 2008. Февраль.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Ю.В. Аргудяева*

Интервью как источник по миграционным процессам с азиатского на американский континент у русских старообрядцев**

Миграционные процессы любого этноса или группы этносов, локальных социальных и этнокультурных групп или отдельных людей можно проследить по различным видам источников. Одни из них – это интервью самих переселенцев, сообщенных исследователю непосредственно в период переселения или в процессе воспоминания о прежних годах своего жизненного пути. К ним относятся и интервью, записанные нами у русских старообрядцев, переселившихся с азиатского континента на американский в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

На американский континент в этот период прибыли различные группы русских старообрядцев, которые по месту выхода уже в Америке получили региональные названия «турчане», «синьцзянцы» и «харбинцы». Их история до миграции на американский континент довольно сложна и берет свое начало с 60-х гг. XVII в., с раскола в Русской Православной Церкви и формирования старообрядчества. В результате этого события в конце XVII – начале XVIII в. часть старообрядцев вынуждена была бежать от преследования и казней из России в турецкие владения на Балканах, а затем и непосредственно в Турцию. В XVIII–XIX вв. они уходили в Польшу и Литву, на Север европейской части России, на Урал и в Сибирь, оседали на Алтае, в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

В рамках данной статьи мы будем говорить преимущественно о миграции в Южную Америку самой крупной из миграционных старообрядческих групп – «харбинцев» и отчасти – «синьцзянцев». «Харбинцы», спасаясь от непосильных налогов, коллективизации, раскулачивания, атеизации, переселись с юга Дальнего Востока в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Северо-Восточную Маньчжурию и образовали недалеко от Харбина несколько русских деревень (Романовка, Медяны, Селинхе, Колумбэ и др.). По этим же причинам и в эти же годы пришли на северо-запад Китая (в Синьцзян) старообрядцы Алтая, которых в Америке стали называть «синьцзянцами». Самая малочисленная (немногим более 200 чел.) группа – «турчане» – старообрядцы, перевезенные в 1963 г. непосредственно в США самолетами из Турции. Это потомки донских казаков Игнатия Некрасова, ушедшие вместе с ним в начале XVIII в. в Добруджу, а в конце XVIII в. – в разные районы Азиатской Турции [1].

С приходом в Северо-Западный и Северо-Восточный Китай в 1945 г. Красной Армии многих взрослых мужчин-старообрядцев арестовали «за незаконный переход границы» и отправили в советские лагеря. Часть оставшихся без отцов-кормильцев старообрядческих семей в 1960-е гг. перебралась в СССР первоначально на целину и в таежные районы Красноярского края. Многие из оставшихся в Китае переселились из прежних мест жительства в другие места, к родственникам и в более глухие таежные районы, где еще можно было охотиться на таежного зверя (в Мерген, Знаменку, Эмигрантку, Таинше, Татинцван, Ситахеза и др.). Большинство из них, вместе с другими родственниками, стали добиваться разрешения на выезд в другие страны. Советские консульские представительства, а в 1940-е гг. и китайские власти всячески препятствовали выезду русских в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Но после 1949 г., после образования КНР, китайские власти дали понять оставшимся в Китае старообрядцам, что их дальнейшее пребывание в стране нежелательно. Оформив всякими правдами и неправдами соответствующие документы, они перебрались в Тяньцзинь, а оттуда в Гонконг. Из Гонконга, на разных видах транспорта (пароходы, самолеты), преимущественно в составе групп, в конце 1950-х гг. старообрядцы попали в южноамериканские страны при помощи различных благотворительных организаций (Всемирного Совета церквей, Национального совета христианской церкви, Федерации русских благотворительных организаций и др.). Значительная часть из них обосновалась в Бразилии, где им с помощью Всемирного Совета церквей удалось получить землю. Однако большинство из них, не сумев адаптироваться к местным природным условиям в начале 1960-х гг. при помощи Толстовского фонда и некоторых спонсоров, в основном молокан, уже живших продолжительное время в Северной Америке, перебрались в разные штаты США, преимущественно в штат Орегон.

---

* Аргудяева Юлия Викторовна (Владивосток) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, argudiaeva@mail.ru.

** Работа выполнена в рамках гранта ДВФУ «История этнокультурного развития и социокультурного взаимодействия народов Азиатско-Тихоокеанского региона» (код проекта № 14-08-05-36_и).

В представленных некоторых интервью нашли отражение различные нюансы подготовки старообрядцев к миграции, характеристика определенной политической ситуации, создаваемой китайской и советской властями, мешавшим миграционным намерениям старообрядцев уйти подальше от Советского Союза, помощь в очередном переселении этой группы русского этноса различными международными благотворительными организациями и некоторыми русскими религиозными группами, эмигрировавшими гораздо раньше на американский континент (молокане).

Житель Аляски, один из основателей первого русского старообрядческого поселка в этом регионе – Николаевск, беспоповец-«харбинец» А.С. Калугин сообщил, что в Гонконге их всех освидетельствовал доктор, который прибыл из Бразилии. Инвалидов Бразилия не принимала. Их группа также жила в Гонконге в течение нескольких месяцев: *«Собрались все вместе в Гонконге и жили 8 месяцев. Было тысячи 2 старообрядцев, которые жили в Китае. С Харбина были поповцы и жили с нами. С Синцзяна – они догнали нас... У нас получилось групповое дело. Группа – примерно 500 человек. В Австралию наши групповоды не захотели. Узнали, что страна слишком роскошная, а, чтобы поскромнее, по нам, дикость была... Сначала соглашался принять Парагвай, а потом отказал. Бразилия согласилась. Хотели или не хотели, в Бразилию пришлось ехать... В Гонконге в комнатах жили по семьям. У кого большая семья – большие комнаты. Раскладные походные коврики были. В Гонконге ничем не занимались. В Гонконге групповоды не давали работать. И работа была. А почему не давали? Может кормить не будут? Кормили 3 раза в день хорошо: завтрак, обед и ужин. Молока детям давали... Из Гонконга выезжали грузовиком [грузовым паромом] – большой паром, трюма большие и самолётом...»* [2]. Именно из этой партии прибыла на американский континент первая группа старообрядцев, состоявшая из 15 мужчин, 19 женщин и 48 детей. Они добиралась в Бразилию из Китая через США, где им оказали помощь, преимущественно молокане, жившие непосредственно в Лос-Анжелес с начала XX в. Старообрядцы прибыли в Лос-Анжелес на самолете 14 мая 1958 г. Здесь они провели три дня и наделенные различными подарками от детских игрушек и одежды до сельскохозяйственного инвентаря отправились на пароходе в Бразилию.

Однако подготовка к переселению в Америку старообрядцы начали задолго до 1958 г. По воспоминаниям «харбинца» Г.А. Мелкомукова, в 1952 г. *«...открылась возможность выехать за рубеж: в Южную Америку, в Австралию и др. Наши оформились, записались. У матери уже был транзит на паспорт поставлен за рубежом выехать, а с учёта консул в Харбине в [19]52 г. не стал снимать, а уже было распродано имущество. И так стало тянуться, тянуться, что групповая виза, что очень много староверов из двух посёлков на озере уезжают... И вот задержалось. И вот мать хлопотала, чтоб выехать.. Была Парагвайская виза. Вот тогда это прикрыли китайские власти, не стали давать никаких... А когда пришла похоронка... на отца [отец был в Маньчжурии в 1945 г. арестован и отбывал срок в советских лагерях. – Ю.А.]... тут она стала доказывать, что в Россию (в Советский Союз) мне ехать нечем: дети подрастают. Когда они были малые, я хотела, говорила: «Заберите, и нас везите», а мне сказали: «Как хотите, так живите». А теперь дети подрастают, и я имею ешо надежду жить в свободной стране. Я хочу уезжать. Она снялась с учёта, дали ей справку на выезд в феврале [19]57 г. ... Вначале была Парагвайская виза, но она аннулировалась, так как была просрочена, пока тянули с отъездом с [19]52 по [19]57 год. Но, всё равно, по транзиту, когда сняли с учёта, то ехали. В Гонконге, уже тут оформлялись. Наших не было несколько месяцев, оформлялись уже документы в Австралию, приехали сёстры мои, стали мать уговаривать, чтоб не ехать в Австралию. Она, как старообрядцы, все группой, группой, чтоб не разделять и тому подобное. Нашлись групповоды, чтобы старообрядцы ехали в одно место. Некоторые записались в Канаду в то время ешо, семей 20 записались в Канаду, начали документы оформлять, а потом предъявили, что мы не хотим разъединять, тогда канадское правительство не стало включаться. Стали искать место, и вот нашли, Бразилия стала принимать... Мы ехали через Харбин, через Тяньцзинь. В Тяньцзинь не сели на паром и в Гонконг уплыли. В Тяньцзинь старообрядцев не было. В Тяньцзинь мы не знали никого. В гостинице 10 дней простояли, оформились на паром и в Гонконг. В Гонконге жили долго – 11 месяцев. Были на иждивении какой-то организации... [Маршрут в Бразилию]: Гонконг – Сингапур – по побережью Африки до Каптейна [Кейптауна] – Рио-де-Жанейро... [3].*

Другой «харбинец» – Валихов Сильверст Фёдорович – тоже сообщил интересные данные, из которых можно почерпнуть интересные сведения и об особенностях отъезда из Китая, и об особенностях пути в Южную Америку: *«С Сытахэза (Джелантина) никто не уехал в Россию, а с других деревень поехали... Начали хлопотать с [19]56-го, а с [19]57-го уже поехали. Групповодом были Куликов или Берестов – они в Харбин сколько-то раз ездили. Там кто-то жил, к им ходили, она всё делали: писали, заполняли, посылали уже за границу – в Гонконг или куда. А в Гонконге - там уже были другие.... К им придут, она всё помогали, заполняли, посылали. [Уезжали] не все враз. У кого какое здоровье. Например, у Кузнецова Степана мальчишка родился, если можно так сказать, расслабленный: он плохо сидел, и так... То их так долго держали, потом в Гонконг они приехали, их там долго держали. И их Бразилия не приняла. А потом их принял Парагвай...»*

* Здесь и далее пунктуация в высказываниях авторов интервью сохранена полностью.

Из Ситахэза (Джелантина) мы уехали первые (там остались ешо) осенью [19]57-го или в конце [19]56-го. Мы в Гонконге жили где-то 8 месяцев. Приехали в Бразилию в [19]58 г. Мы с деревни выехали: у кого были лошади – на своих лошадях, а у кого не было – арбы нанимали, китайцы везли на арбах. Ехали мы – станция тут у нас была в Сытахэзе – Линькоу. Вагон, кажется, откупили, в вагон погрузились все и поехали в Тяньцзинь.... Нас ехало, может быть, семей 15....И вот, на поезде мы приехали в Тяньцзинь, и в Тяньцзине уже встретили нас вот эти вот, которые помогли – два мужика.... Оне всё помогли. Нерусские, но русскоговорящие, оне там жили. И вот, оне устроили нас в гостиницу. Мы там жили. Нам была выдана продуктовая книжка. Покупали всё по билетам: продукты, матерьял. Когда мы приехали в Тяньцзинь, нам продукты трудно было купить, то в одним месте, я не знаю, кто они там были....., у них какой-то был ресторан, то сказали, что приходите каждое утро туда с бидоном или туеском. Приходили, стояли в очередь.

– Сколько вас?

– Нас пятеро.

Наливали нам суп и давали буханку хлеба. Мы платили. Но могли купить и без билета, а в другом месте мы даже за деньги не могли купить, не имели права...

В Ситахэза у нас был посев – зерно, что смогли сеять, также скота мы заработали: корова, лошадь. Посев мы продали на корню. Китайцы приехали (колхоз), выжали его. У нас была водянка-мельница – всё это им смолотили, они свезли. Мы продали коров, лошадей, а выехать не разрешили этот год, то мы остались без лошадей, таскали дрова, всё, на себе. А на другое лето (до осени жили) поехали, и вот на эти деньги, что продали коров, лошадей, зерно, то вот эти деньги, сохранилось скоко у нас, мы доехали до Тяньцзиня. У нас, я помню, сохранилось 400 китайских лянов, то вот люди, которые нам помогли (русскоязычные), говорили, что будете проходить таможеню – будет обыск. Всё обыскивают, всё забирают: всякие валюты, всякие деньги, у кого какие есть. То люди, которые из дома выезжали, оне делали яшишыки – такие сундуки, деревянные доски строгали. У кого денег много было, у охотников..., то они сверлили дырочки в яшишыке, как в торцу так, в доску. В яшишыке дырочки сверлили и в эти дырочки прятали. Самое много 50 лянов в эту дырочку прятали. Которые как: женщины в шашмуру, в этот разрез вкручивали. У нас не было [никаких тайников]. А вот, когда в Тяньцзине сказали нам, то стали что-то думать. Бабушка наша была старая, она всегда с собой туесок с солёными огурцами имела... Когда в Тяньцзине жили, куды спрятать эти деньги? У нас швейная машинка ручная была, так хотели с собой провести машинку. Ну, вот, думали, думали и придумали там и бабушка говорит: Давайте эту машинку отнимем, и там у ей есть дно; разделим, положим туды деньги в тряпочке, закроем и так пронесём. Ну, ладно, пришлось это мне: я это всё раскрутил, выташишыл болтики, отнял [разнял верх и низ швейной машинки]. Оне эти деньги в тряпочку закрутили, положили (я не видел сколь), закрыли тряпочкой. Я всё это закрыл. Дня два проходит, приходит Гаврила Аляксеич Кузнецов..., он всё это (уже таможеню, всё это) проиёл,

– Ну, чё, Марина, деньги-то спрятала?

– Ну, да, спрятали.

Ну, оне, видно, ему сказали куду.

– Ну, ты дура! Ты чё делаешь? Вот они щас же всё расколупают, найдут и деньги эти выташишут, тебя свяжут и нам не уйти. Не надо прятать ничего. Прокути их тут и всё. Ты чё, дура?!

Нагнал дури. Набаялись. Ну, чё делать? Давай опять всё: раскрыли, достали деньги. Пошли покупать. А чё купишь? Ничё без билета не дают. Купили кожанку без билета, купили мне шевьётовы [шевиотовые] штаны, купили девчонкам скатёрки таки вышиты. А, сколь там осталось денег, охота взять. И вот, огурцы бабушка выловила и говорит:

– Вот, кипяток, воду согрей. И вот, туесок опрокинули в кипяток, и этот рубец, которым верх заворачивается туесок и он мягкой берестой, его развернули, и туды деньги заложили (в верхнюю часть). Туесок невысокой был. Туды деньги сложили. Она с молитвой:

– Господи, как-нибудь помоги!

Но, видно, у неё ишо были деньги. И вот, обратно всё это сделали, огурцы заложили, и так она провезла с собой в Гонконг.

Когда таможеню проходили, там ничё не жалели: всё проверяли, всякие рубцы, всё искали. У кого серёжки, кольца – всё снимали, всё давай! Это не ваше и всё такое. Таможенники со злобой так...

В шашмурах пока не находили. А машинку не проверяли. Чей-то яшишык поставили, да так невежливо. Он упал как-то углом, раскололся: и дырка, и деньги видать! Китайцы увидели и гыр-гыр-гыр. Щас, приташишыли топоры: бах-бах – всё расторкали [разбили], раскрошили – и вот деньги.

– Чьи деньги? Иди сюды! Был, кажется, Тихон Кузнецов (он потом рассказывал). Его: – Иди сюды! Увели. Деньги, такими кудрями были, раскрутили, на стол сложили ворохом. Ему руки на стол положили и засняли: вот, кантробандит или как-то, он нелегально из нашей страны увозит деньги! И тогда стали крошить всё подряд: у кого были деньги или не были. Все яшишыки покололи! Пришлось в узлы всё это складывать и так

ташишь... А наших многих обыскивали, но не нашли. Не нашли в шашмурах и в куклах. Куклы делали, из золы голова... То вот некоторые в куклы позашили. Провезли, но немного. Когда приехали в Гонконг, там обменяли на гонконгские деньги. Там кое-что купили, так что остались без ничего.

... Из Тяньцзиня мы плыли в Гонконг на пароходе «Тегельберг»... Советские паспорта у нас забрали, как стали в Тяньцзине таможенно проходить. Враги народа, или как там. Забрали все. Там были русскоговорящие, наверное, китайцы, но как русскоговорящие, то оне уже знали русский режим советский...

В Гонконге жили месяцев 8 или даже побольше. Жили в трёх или даже в четырёх гостиницах: стали подъезжать, подъезжать. В одной гостинице всех не поместили. В Гонконге мы жили – ни за чё не платили: ни за еду, ни за медицину, если к врачу ходили, ни за чё... Как в Гонконг приплыли, то уже ничего не платили. Элиф кто лично сам себе покупал. Это были, по-моему, все из Маньчжурии. Синьцзянцы, насколько я знаю, стали попозже подъезжать... Жили в Гонконге, когда сделали себе документы, там собирались все в Парагвай... «Самерс» – предприятие (или компания) было такое английское [в Гонконге]. Я там не был... Мы жили в Колуне (это через пролив от Гонконга), а плавали в Гонконг. То оне [работники компании] нашим старшим посоветовали, что вот вам в Парагвае будет трудно: там жарко, там влага; в Бразилии не так влажно, более просторно, то вот, выбрали, где легче, поехали в Бразилию... И мы дождали, когда пароход пришёл. Вот пришёл голландский пароход большой «Хуннан», 90 сажен в длину (когда останавливались, мужчины мерили ходили). ». В Бразилию мы плыли, японцы плыли в Аргентину, православные русские с Маньчжурии с Трёхречья... Когда переплывали экватор, был праздник, бассейн, был День Нептуна. Там всё: пыль, хохот... В [19]57-ым мы вышли из Гонконга в Сингапур. Из Сингапура на Мальтийские острова. Из Мальтийских островов пошли на Африку: пришли в порт Элизабет, потом в Дурбан, потом в Каптайн [Кейптаун]. Потом прямо в Бразилию: с Каптайна в Рио-де-Жанейро. Там они перегрузку сделали, а оттуда в Сантос приплыли – там высадка. 53 дня мы были на пароходе... Кормили на пароходе бесплатно. Приносили хлеб; часто какао, рыба. Готовили на пароходе повара команды. Пройдёт со звонком китаец, пробежит: трын-трын-трын! [4].

Еще один «харбинец – Кузьмин Пётр Макарьевич, семья которого жила в Маньчжурии в начале 1950-х гг. в Мергене, прибыл в Тяньцзин в апреле 1958 г. Прожили там четыре месяца и в конце августа 1958 г. пришли на пароходе, пережив в пути тайфун, в Гонконг, откуда в Бразилию отправились на самолете: «Мы выехали из Гонконга 2 апреля [19]60г. в Великую Субботу, перед Пасхой. И у нас была самая Великая Суббота в это время. Чё, мы в 10 часов сяди на самолёт 2 апреля [19]60 г. Вылетели самолётом в Индию - в Калькутту; потом в Карачи – в Пакистан, потом 3-я посадка в Палестине в Бейруте. Голодные сидели. До туда мы долетели за 36 часов до Великой Субботы. Оттуда – в Рим. В Рим прилетели в 8 часов утра. Здесь уже разговелись по-настоящему. В Риме только один день: мы утром прилетели, в 8 утра, а в 12 часов ночи нас уже в порт Генуя [Генуя] отправили на поезде.... В Генуя неделю прожили в гостинице, сяди на испанский большой пассажирный пароход «Кобо Сан-Викентий». Здесь мы смешались с синьцзянцами и сытахэзцами [пос. Сытахеза, Маньчжурия. – Ю.А.]... Ешо были некоторые православные. Из Генуя мы сперва приехали во Францию...); из Франции – в Испанию; из Испании – в Португалию. А когда проходили Гибралтарский пролив, только проплыли этот пролив, у нас получилась авария – пароход загорелся. Начали звенеть, то, другое, тревогу сделали. Я соскочил, побежал. У нас запасная была только одна пробка (спасательный жилет). Оне все взбеланились – вся бригада [обслуга паролходная] надела пробки спасательные... Мы взбеланились тут кучей сразу – оне принесли нам другие пробки. 800 пассажиров. Как высыпали все из своих кают полуголые. Как спали, так полуголые и выбежали. Многие обезножили... от страху – такого страху наделали.... Доплыли кое-как до Португалии. В Португалии были неделю-две – выправляли пароход: у нас всё сгнило, всё испортилось, что брали. В холодильниках все провода пообгорели, всё это испортилось, всё это выбросили... Мы 18 суток ехали на пароходе до Бразилии. На место мы приехали 21 мая [19]60 г. в первый посёлок – он назывался Мергенка (там мергенцы жили). В Бразилии жили 8 лет» [5].

«Синьцзянец» И.Г. Усольцев вспоминает о переезде в Бразилию: «...Из Гонконга на самолёте, в Индии останавливались. Потом с Индии сразу в Швейцарию... Потом на самолёте в Рим... Из Рима полетели в город Генуя [Генуя] в Италии. Там жили месяца 3, однако. А потом-ка в Каир 5-6 дён на пароходе плыли. В Каире стояли часа 2, пароход стоял там... Пароходом плыли в Бразилию, город Сантос» [6].

Еще одна группа старообрядцев совершила поистине героическое путешествие из Синьцзяна в Северную Америку. Эта группа в 21 человек – 19 мужчин и две женщины (жена одного из членов группы и их 11-летняя дочь) выбиралась из Синьцзяна через Тибет и Индию: «Мы пошли в Индию. Прошли так в Индию через Тибет. 9 месяцев были в Тибете. В [19]47-м вышли из дому, в [19]52-м окончилась наша поездка.... Прошли Тибет и пошли в Индию. Пришли в Калькутту. В [19]51 году в июле пришли, простояли 8 месяцев в Индии и в Америку...

В Тибет пришли – мясо ели. Бог давал. Там столько зверя. Идёшь, а впереди дозор идёт. Каждый день 10 человек стоят, 10 человек спят. Менялись по очереди. Все время, каждый день на посту были каждый. Мы пешком шли и ехали, но кони уже плохие были – это весна, в марте месяце. Было там, когда армию разбили нашу. Нас просто Бог сохранил. Мы были вот так окружены.... Идём логом, поднимаемся вверх, идём в гору. А там

такие горы.... Там впереди уже засада, дорога занята. Мы из этого лога вышли и чуть-чуть не встретились с китайскими коммунистами. На гору только вышли – впереди засада, дорога была занята. Перестрелка у нас уже пошла с передними, а здесь уже стемнялось, и к счастью пошёл град, мороз, снег, буря такая. А вожак у нас был один, он знал дорогу хорошо – сразу под гору, прямо круто так, верблюдов тянули на верёвках туда. Речушка небольшая, но бурная такая, что коней сбивает... Мы оружие всё распродали в Тибете. А там – уже свободно. Мы на поезде в Индии ехали. Нас привезли в Калькутту. Стояли 8 месяцев в Индии. Нас приглашали в Австралию, в Южную Америку, а в Америку [Северную Америку, в США. – Ю.А.] нас не пускали. Но мы хотели в Америку. Вот-таки мы добились своего: нас пустили в Америку. Сразу из Индии на самолёте в Германию. В Германии 3 дня простояли и пароходом из Гамбурга в Америку» [7].

Вот такие некоторые отрывки из интервью русских старообрядцев, совершивших в своей жизни очередной миграционный виток. Они позволили значительно обогатить наши знания о непростых жизненных ситуациях и роли миграции в жизни некоторых групп русского этноса в переломные этапы развития мирового сообщества – в период после завершения Второй мировой войны.

Источники и литература

1. *Аргудяева Ю.В.* Русские старообрядцы на Аляске //Приморье: народы, религии, общество. Сб. ст. Владивосток, 2010. С.33-35.
2. Полевые материалы автора (далее — ПМА). Информатор Калугин Анисим Стафеевич, 1937 г. р., записано в пос. Николаевск, штат Аляска США в августе 2010 г.
3. ПМА. Информатор Мелкомуков Григорий Антонович, 1939 г.р., записано в г. Вудбурне, штат Орегон США в сентябре 2010 г.
4. ПМА. Информатор Валихов Сильверст Фёдорович, 1938 г. р., записано в г. Вудбурне, штат Орегон США в сентябре 2010 г.
5. ПМА. Информатор Кузьмин Петр Макарьевич, 1931 г. р., записано в г. Вудбурне, штат Орегон США в сентябре 2010 г.
6. ПМА. Информатор Усольцев Иван Гурьянович, 1932 г. р., записано в г. Вудбурне, штат Орегон США в сентябре 2010 г.
7. ПМА. Информатор Кошкаров Зотик Иванович, 1927 г.р., записано в г. Вудбурне, штат Орегон, США в августе 2010 г.

Подходы к изучению Центральной Азии на постсоветском пространстве

Сегодня, в условиях глобализации, Центральная Азия становится объектом изучения различных наук: общественных и естественных. Однако сама терминология при этом трактуется неоднозначно, в зависимости от подходов, принятых тем или иным исследователем, исходившим из целей и задач изучаемой проблемы. В частности, для характеристики данного региона долгое время использовалось, а в современной России и поныне используется понятие «Казахстан и Средняя Азия», куда входили Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. После распада СССР по инициативе президента РК во время встречи глав пяти среднеазиатских в январе 1993 г., было принято решение отказаться от использования термина «Средняя Азия» и в дальнейшем для всех пяти государств применять название «Центральная Азия». Сейчас это понятие предполагает, что в данное пространство входят страны бывшего Советского Союза – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Центральная Азия представляет собой самостоятельный регион, который заслуживает научного изучения, в первую очередь, с точки зрения регионоведения. Основные компоненты регионоведения, исследующего специфику регионов мира, – это, в первую очередь, понятийно-терминологический блок, одним из основных элементов которого является понятие «регион». Надо особо отметить, что данное понятие является универсальной категорией общественных наук. Интегративные возможности данного термина позволяют не только отнести его к ряду наук, но и связать эти науки, трансформируя их компоненты в единую систему региональных исследований.

Относительно содержания понятия «регион» до сих пор ведется научная полемика, что способствует существованию огромного количества разного рода узкоотраслевых и весьма широких междисциплинарных определений. Имеются различные подходы к определению данного понятия, отражающие тенденции различных аспектов регионоведения. Обозначим некоторые из них.

Философская трактовка категории «регион» ассоциируется с особым «миром», которому присущи свой менталитет, образ мышления, традиции, мировоззрение, мироощущение. Историческая интерпретация региона обычно указывает либо на утраченную со временем идентичность, либо на какие-то генетические признаки (принадлежность в прошлом к определенным церковным приходам, епархиям, муниципалитетам и т. п.). С точки зрения экономического подхода «регион» представляет собой целостную социально-экономическую систему, которая имеет единую структуру, включающую физико-географическую, экономическую, политико-административную, этническую, социокультурную, правовую, политическую составляющие, соответствующие им социальные институты, при определяющей роли институтов управления в организации жизни региона. Геополитическое понимание региона исходит из пространственной дифференциации различных политических сил и движений, центров «мощи» и «слабости». Такой подход подразумевает, что регион представляет собой группу стран, которые по многим очевидным параметрам больше взаимозависимы друг с другом, чем с иными странами. Междисциплинарное определение: «регион – это исторически эволюционирующее компактное территориальное сообщество, которое включает в себя физическое содержание, социоэкономическую, политическую и культурную среду, а также пространственную структуру, отличную от иных регионов и территориальных единиц, таких как город или нация» [1, с. 8; 2, с. 23–24].

В свою очередь, исследователь Л. Рэмхельд, считая понятие «регион» супертермином, выделяет такие основные признаки региона, как общая (определенная) территория, определенное население, общность истории, общность природных условий, общность решаемых проблем. Выбор того или иного значения термина зависит от характера задач, стоящих перед исследователем. В принципе, рассматриваемое понятие допускает различное содержание, а также комплексное использование критериев при выделении того или иного «региона».

Следует иметь в виду, что любое деление пространства (территории) на регионы носит условный характер. Необходимость членения крупных территориальных единиц обусловлена очень большой дифференциацией пространства по многим признакам. В основе выделения региона лежит принцип целесообразной целостности, определяемый группой регионообразующих факторов. Различают, с одной стороны, внутреннюю целостность региона – формирование его хозяйственного комплекса, проведение единой политики, создание единых органов власти и управления и т.п., и внешнюю целостность – его обособленность по отношению к другим таким же регионам, к целой территории, к другим территориям и их составным частям.

Географические границы региона, как правило, непостоянны и носят сугубо подчиненный характер. При этом географический фактор не является единственным. В основе процесса определения границ региона лежат

---

* Такижбаева Найля Закеновна (г. Алматы, Казахстан) – кандидат исторических наук, доцент, Международная Академия Бизнеса, 050060 г. Алматы, ул. Розыбакиева, 227, e-mail: takizhbayeva@mail.ru.

особые экономические, политические, этноконфессиональные отношения, складывающиеся между входящими в данный регион государствами и общепризнанными «центрами силы» [3, с. 34–35].

Сегодня регион – это фактически признанный элемент системы международных отношений, которая складывается в крупных политико-географических зонах. Регионы способствуют защите общественных отношений от негативных вызовов глобализации и выступают в качестве самостоятельного актора международных отношений, что вполне по силам региону Центральной Азии.

Центральная Азия еще издревле являлась уникальным регионом, где зародились и развивались многие народы, представлявшие разные культуры, традиции, обычаи, цивилизации. Изучение данного региона является одним из перспективных направлений регионоведения как научной и учебной дисциплины [4].

Отметим, что в мировой научной литературе данный регион составляют различные страны. По определению ЮНЕСКО, в регион входят Монголия, Западный Китай, Пенджаб, Кашмир, северная Индия и северный Пакистан, северо-восточный Иран, Афганистан, районы азиатской России южнее таежной зоны, Казахстан, Кыргызия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Существует и другой метод определения границ Центральной Азии – исходя из этнического состава населения (за основу берутся районы, населенные восточно-тюркскими народами, монголами и тибетцами). Сюда входят Синьцзян, тюркоязычные регионы юга Сибири, пять бывших советских среднеазиатских республик (хотя Таджикистан преимущественно населен ираноязычными народами) и север Афганистана [5].

Генеральная конференция ЮНЕСКО на своей двадцатой сессии в Париже в 1979 г., уделяя особое внимание изданию ЮНЕСКО «История цивилизаций Центральной Азии», утвердила Международный научный комитет. Его эксперты, трактуя ЦА, исходили из того, что сюда входят цивилизации Восточного Ирана, Афганистана, Пакистана, Северной Индии, Западного Китая (Синьцзян), Монголии, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. При этом они подчеркивали, что данное определение не должно рассматриваться как установление жестких географических барьеров, поскольку термин «Центральная Азия», будучи историческим и культурным понятием, развивался на протяжении долгой истории региона [6, с. 230].

Ученые МГИМО (У) считают, что современная Центральная Азия является преемницей, но не эквивалентом советской Средней Азии. Современное политико-географическое словоупотребление позволяет относить к этому региону не только прежние среднеазиатские союзные республики (Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан), но и Казахстан. Кроме того, данное понятие подразумевает отнесение к этому региону частей Северного Афганистана и Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР [7, с. 13–14].

В аналитическом докладе «Центральная Азия–2020: взгляд изнутри», подготовленном по результатам экспертных обсуждений в дискуссионном клубе «Алатау», подчеркивалось, что, в частности, американскими геостратегами и западноевропейскими политологами продвигается понятие «Большая Центральная Азия». Данное понятие рассматривает регион шире его традиционного понимания: кроме пяти бывших союзных республик в Большую Центральную Азию стали включаться западная часть Китая (Синьцзян), Монголия, северные районы Ирана и Афганистана и Кавказ. При этом, как отмечают эксперты, термин БЦА не является новым, он озвучивался и использовался уже сто лет тому назад («Макиндровский хартленд»). Они же отмечают и другие подходы, имеющиеся в международных исследованиях региона: историко-цивилизационный подход, в рамках которого регион охватывает обширную территорию, некогда представлявшую собой единый хозяйственно-культурный комплекс и исторически сохранившую по сей день гуманитарные и культурные связи. Это не только пять государств бывшего СССР, но и Пакистан, Афганистан, Синьцзян, Монголия, Южная Сибирь; геоэкономический подход Центральную Азию обозначает, начиная от Южно- и Западно-Сибирских регионов России и заканчивает условно в портах Ирана; инфраструктурный подход исходит из объединения стран региона в единый энергетический, водный и транспортный комплекс. При этом члены дискуссионного клуба «Алатау» убеждены, что наиболее правильным представляется использование терминологии с учетом каждого из этих подходов [8].

Следует сказать, что Центральная Азия многими учеными рассматривается не просто как регион, а как международный регион. Об этом в ходе международной конференции на тему «Средний Восток и Центральная Азия в общем геополитическом пространстве» говорила и д.и.н., директор информационного центра НАТО Казахского национального университета им. аль-Фараби К. Байзакова: «Центральная Азия – это регион, в котором сталкиваются глобальные и региональные державы. В других частях мира это явление редкое. Россия, Китай, Соединенные Штаты, Европа, Индия, Япония, Иран и Турция решительно расширяют здесь свое влияние, вследствие чего значимость региона повышается. Регион превратился в огромную арену взаимодействия как великих держав, так и других стран» [9].

Необходимо, кстати, сделать акцент на том, что есть и противоположная точка зрения. В частности, директор по аналитике Института политических решений Р. Бурнашев считает Центральную Азию периферией современных международных отношений, зоной делимитации (изолятор) и зоной безразличия и не разделяет мнения, что здесь имеется какое-либо серьезное пересечение интересов великих держав [10].

Кстати, по оценкам отдельных экспертов, сегодня США потеряли интерес к Центральной Азии и сосредоточили усилия в Большой Центральной Азии, где ключевой страной выступает Афганистан. В этой ситуации инициативу в регионе может захватить Китай, который является основным экономическим партнером стран Центральной Азии, особенно в нефтегазовом секторе.

С геоэкономической точки зрения в регионе параллельно протекают два противоположных глобальных процесса: сужения и растяжения. Сужение происходит через северо-восточную часть региона, включая Казахстан и Сибирь (Таможенный Союз, ЕЭС). Растяжение региона – это китайские и западноевропейские проекты, объединяемые под названием «Великий Шелковый Путь». Именно эти два процесса, как считают некоторые эксперты, будут определять экономическое развитие региона на ближайшие несколько лет [8].

Итак, всё вышеизложенное свидетельствует, что регион Центральной Азии вполне заслуженно является самостоятельным объектом изучения регионоведения, которое изучает региональные группировки, страны и их регионы как субъекты международных и межрегиональных отношений [11, с. 4]. Таких регионоведов, специализирующихся на изучении Центральной Азии, готовит Международная Академия Бизнеса, отметившая в 2013 г. свой 25-летний юбилей.

Источники и литература

1. Калининкова И.О. Управление социально-экономическим потенциалом региона. СПб.: Питер, 2012. С. 8.
2. Косов Ю.В., Фокина В.В. Политическая регионалистика. СПб.: Питер, 2009. С. 23–24.
3. Основы регионоведения: Учебник / Под ред. проф. И.Н. Барыгина. М.: Гардарика, 2007. С. 34–35.
4. Такижбаева Н.З. Центральная Азия в постсоветский период: история и современность // <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/freshnumber.html> 3 выпуск электронного журнала «Россия и Запад: диалог культур» «Russia and the West: the Dialogue of Cultures». 2013. № 3.
5. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
6. Искендер И. История цивилизаций Центральной Азии // Фестиваль «Культурное разнообразие и диалог в Центральной Азии»: ЮНЕСКО. Кыргызстан, 2007. С. 230.
7. Международные отношения в Средней Азии: События и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров и др. М., 2011. С. 13–14.
8. Аналитический доклад «Центральная Азия–2020: взгляд изнутри». Алматы, 2012 // <http://www.ofstrategy.kz>.
9. О чем нужно помнить власти Казахстана // <http://www.regnum.ru> / Правда Казахстана. 2013. 23 окт.
10. Исабаева С. Рустам Бурнашев: «В ближайшей перспективе сближение стран ЦА необходимо, а объединение невозможно» Зона безразличия // <http://camonitor.com/archives/5008>.
11. Дергачев В.А. Регионоведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 4.

Генетическое разнообразие и эволюционная история населения Севера европейской части России

Становление любой общности, будь то отдельная популяция (группа) или целый этнос, определяется совокупностью различных факторов. С одной стороны – это этническая история и эволюционные траектории всех этнических компонентов, вошедших в состав конкретной современной этнической общности. С другой – влияние естественного отбора, осуществляющего адаптацию вошедших в состав общности индивидов к конкретным условиям среды обитания. В результате этих процессов в формирующейся общности происходит накопление специфических характеристик (изменений), отличающих одну общность от другой, и которые могут быть выявлены в сравнительных исследованиях.

Предмет исследований нашего коллектива – анализ изменений (вариаций) в генофондах популяций. Генофонд популяции представляет собой совокупность генов (геномов), составляющих ее индивидов. У человека геном представлен 23 парами ядерных хромосом и небольшой кольцевой хромосомой митохондрий. Хромосома – это плотно упакованные нити молекул ДНК. С химической точки зрения ДНК – это сложный биополимер, состоящий из соединенных между собой звеньев, нуклеотидов, обозначаемых в соответствии с входящими в их состав азотистыми основаниями. Их всего четыре – аденин (А), цитозин (С), гуанин (G), тимин (Т). Именно они – А, С, G и Т – являются теми самыми буквами, с помощью которых записана наша наследственная информация.

Имеется очень высокое сходство между последовательностями ДНК отдельных людей, однако в ней же существует множество участков, по которым мы можем отличить геном одного человека от другого. Эти участки могут быть представлены однонуклеотидными заменами, когда «А», например, меняется на «G», повторами различной длины, вставками, или, наоборот, делециями. Такая варибельность – полиморфизм – одно из важнейших свойств генома. В то же время оказалось, что у людей внутри этнических общностей параметры варибельности могут быть сходными. Разные этнические группы могут отличаться между собой по частоте и спектру встречаемости конкретных вариантов полиморфизма. На основании этого можно рассчитать степень сходства и различия популяций, оценить их этноисторическое происхождение. Наш коллектив давно и активно ведет исследования в этом ключе, изучая разнообразие полиморфных маркеров ДНК в генофонде народонаселения России и сопредельных стран. В настоящей работе представлены наиболее интересные и примечательные результаты данных исследований с акцентом на тех из них, которые получены в популяциях Севера европейской части России: популяциях русских из Архангельской области (Мезени, Ошевенска, Белой Слуды), вепсов Вологодчины и популяциях ижемских и прилузских коми.

Большинство наших ранних исследований основывались на изучении популяционной изменчивости отдельных маркеров ДНК, как, например, анализ полиморфизма генов глутатион-S-трансфераз. В рамках исследования было отмечено особое положение выборки русских из Мезени, в которой частоты встречаемости двух характеристических полиморфных вариантов были существенно ниже, чем в остальных русских популяциях, и приближались к таковым в популяциях Северной Европы [1].

К этой же группе исследований относятся работы по изучению полиморфизма минисателлитных локусов 3'АроV и D1S80. Так, анализ изменчивости первого из них продемонстрировал высокое сходство восточнославянских народов, ядро кластера которых составляли популяции русских и украинцев [2]. В случае минисателлитного локуса D1S80 в состав восточнославянского кластера по своим параметрам изменчивости входили и народы Северного Кавказа. Но в то же время из него вычленились популяции русского населения Севера европейской части России (Ошевенск и Белые Слуды) [3]. Применительно к параметрам изменчивости этих минисателлитов в популяциях коми, в обоих случаях была особенно заметна удаленность ижемских коми от всех других популяций [4].

Наряду с анализом полиморфизма отдельных маркеров оценка изменчивости генофонда популяций может основываться на анализе их групп в составе гаплотипов. Гаплотип представляет собой сочетание аллельных вариантов близкорасположенных генетических маркеров одной хромосомы, характеризующееся совместным наследованием в ряду поколений. Использование гаплотипов позволяет вовлекать в анализ протяженные участки различных хромосом, имеющие свою независимую эволюционную историю. Нами получены популяционные данные по гаплотипическому разнообразию генов *TP53* и *DRD2*.

Так, в случае гена *TP53* расчеты выявили шесть из восьми возможных гаплотипов, но лишь три из них были общими для всех исследованных популяций. Полученная по результатам обчета матрицы попарных дистанций диаграмма демонстрировала близость прилузских коми к русским из Смоленска и белорусам. Ижемские же коми

* Хрунин Андрей Владимирович (Москва) – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Отдела молекулярных основ генетики человека Института молекулярной генетики Российской академии наук, khrunin@img.ras.ru.

располагались далеко от всех других популяций, а выше упомянутые русские из Ошевенска соседствовали с популяциями мордвы, бурятов, калмыков. Близки к ним оказались и русские из города Пучеж Ивановской области [4, 5].

Исследование полиморфизма гена *DRD2* также выявило ряд гаплотипов – B2-D1-A2 (GTC), B2-D2-A2 (GCC) и B1-D2-A1 (ACT), **характерных для популяций из различных регионов. В пространстве первых двух размерностей** графика многомерного шкалирования проанализированные нами популяции Восточно-Европейского региона разделялись на две обособленные группы, обозначенные нами как Европа 1 и Европа 2. Популяции первой группы отличались более высокой частотой встречаемости гаплотипа B2-D1-A2. Для второй группы, напротив, более характерным было повышенное содержание гаплотипа B2-D2-A2. **Ижемские и прилузские коми, а также вепсы, располагались** в границах первого кластера, тогда как популяции русских из Ошевенска и Мезени входили в состав второго кластера. При более глобальной оценке картины встречаемости данных гаплотипов в состав этого же кластера также включались финны и чуваша [6]. Выявленные особенности популяционных взаимоотношений могут свидетельствовать о специфике траекторий исторического становления популяций, детектируемых данными системами.

Естественными гаплотипами являются молекула митохондриальной ДНК и нерекombинирующая часть Y-хромосомы. Эти системы нередко называют однородительскими маркерами, так как они позволяют по-отдельности проследить изменчивость по женской и мужской линиям. В рамках наших исследований у части русских из Ошевенска была детектирована митохондриальная субгаплогруппа U5b1 [7], **описанная в литературе как специфическая для саамов** [8]. Анализ частот встречаемости гаплогрупп Y-хромосомы **продемонстрировал близость русских из Мезени к ижемским и прилузским коми и их общую удаленность от финнов и популяций из стран Балтии** [9].

Однако наиболее впечатляющими являются исследования, основанные на одновременном анализе больших количеств маркеров. Такие исследования стали возможными благодаря появлению технологии ДНК микрочипов, представляющих собой высокотехнологичные нано-комплексы, позволившие анализировать десятки и сотни тысяч различных участков генома у каждого человека. В настоящее время технологически возможно генотипирование около 4.5 млн. геномных маркеров на одном чипе [10]. С использованием специальных методов обработки на основе данных чипирования можно получать карты тонкой генетической структуры населения тех или иных регионов с детализацией положения каждого индивида.

Чтобы оценить возможности такого подхода обратимся сначала к результатам одного из крупнейших полногеномных исследований генофонда Европы, основанного на анализе около 270 тыс. однонуклеотидных полиморфных замен в 19 популяциях из 16 стран (Италия, Испания, Франция, Германия, Австрия, Швейцария, Венгрия, Болгария, Чехия, Польша, Россия, Латвия, Литва, Эстония, Финляндия и Швеция). Россия здесь была представлена выборкой русского населения из Тверской области [11]. Используя программу EIGENSOFT, полученные базы данных по генотипам были проанализированы методом главных компонент. На рис. 1 (см. в приложении) представлены результаты этого анализа в пространстве первой и второй главных компонент. Каждая точка, каждый отдельный значок соответствует здесь отдельному человеку. И эти точки располагаются в этом виртуальном пространстве не хаотично, а формируют этнические облака. Вся совокупность облаков образует угловую структуру с двумя ветвями, одна из которых направляется к южным европейцам, а другая ветвь отходит в сторону финских популяций. В основании ветвей находятся популяции поляков, русских, латышей, литовцев и эстонцев.

Скудность полученной генетической карты с позиций представленности на ней популяций из России, на территорию которой приходится значительная часть Европы, подвигла нас на осуществление нового исследования. В дополнение к русским из Тверской области в анализ были включены три новых выборки русского населения из Курской, Владимирской (Муром) и Архангельской (Мезень) областей, а также популяция вепсов и две контрастные популяции коми. В качестве референсных нами были взяты генотипы восьми популяций из северной, центральной и южной Европы (финны, эстонцы, латыши, поляки, чехи, немцы и итальянцы) [12]. Сюда же была включена и выборка русских из проекта по анализу геномного разнообразия человека (Human genome diversity project) [13], интерес к сравнению с которой был связан с тем, что во многих работах она фигурирует в качестве стандартной русской популяции.

Итак, при добавлении популяций из России в структуре европейского генофонда появляется новая ветвь, и сам он теперь принимает самолето-подобную форму (рис. 2). Одно крыло у этого самолета финское, другое – составлено из этнических облаков ижемских и прилузских коми. В пространстве между крыльями располагаются популяции вепсов из Вологодской области и русских из Мезени. Русские же курской, тверской и муромской популяций образуют на графике единое ядро, плотно смыкающееся с популяциями центральной и восточной Европы. Выборка русских, взятая из числа популяций Human genome diversity project – русские HGDP, занимает промежуточное, между северными русскими и русскими из «центра», положение.

В целом, по результатам анализа можно отметить два интересных момента. Первый – это новая генетическая ветвь, представленная популяциями народа коми. Второй – это отличие генофонда русских Севера от русских центрального региона. Северные русские располагаются в отдалении, между ветвями коми и финнов, что может свидетельствовать о том, что в их генофонд вошли значительные пласты финно-угорского субстрата.

Более детально ответить на вопросы «какие?» и «чьи?» (применительно к пластам) позволяет еще один вариант обработки баз данных генотипов, проведенный нами с использованием программы ADMIXTURE. Этот анализ основывается на рассмотрении генома отдельно взятого индивида, как произошедшего из нескольких гипотетических предковых популяций, или, как еще говорят, компонентов (обозначаются буквой «К») [14]. Число таких компонентов задается в анализе произвольно. Нами были проведены расчеты популяционной структуры изучаемого региона при К равных от 2 до 12 [12]. В дополнение к популяциям, проанализированным методом главных компонент, здесь в анализ была также включена популяция китайцев для оценки возможного вклада азиатских (восточноазиатских) популяций в становление генофонда. На рис. 3 представлены результаты кластеризации взятых в анализ индивидов при К равных от 2 до 5. При К=2 имеет место лишь разделение между европейскими и азиатскими популяциями (континентальный уровень). Субконтинентальные паттерны появляются, начиная с К=3. В этом отношении весьма интересен результат кластеризации при К=4, как наиболее соответствующий обсуждавшейся выше самолето-подобной структуре. Видно, что существование крыльев связано с преобладанием определенных компонентов, условно названных нами финским (серый) и коми (белый). Доли этих компонентов сильно снижаются в большинстве популяций при переходе к следующему уровню кластеризации (К=5), сохраняясь в значительных пропорциях лишь у русских из Мезени и вепсов. При более высоких значениях К начиналось последовательное вычленение отдельных популяций – ситуация, в которой дальнейший анализ рассматривается как менее информативный для проведения иерархических сравнений [15].

Резюмируя итоги полногеномных исследований, можно заключить, что особое положение коми, особенно ижемских, отмеченное во многих наших ранних работах, связано с наличием у них предкового компонента, не описанного ранее в других уже исследованных популяциях. Полученные результаты также свидетельствуют о его вкладе в генетическую структуру других популяций изучаемого региона, в частности, вепсов и северных русских. Значительная доля коми-компонента вкуче с финским компонентом в составе генофонда населения Русского Севера отличает последних от популяций русского населения центральных районов европейской части России.

Источники и литература

1. Хрунин А.В., Хохрин Д.В., Лимборская С.А. Полиморфизм генов глутатион-S-трансфераз в популяциях русского населения Европейской части России // Генетика. 2008; 44(10):1429–1434.
2. Verbenko DA, Knjazev AN, Mikulich AI, Khusnutdinova EK, Bebyakova NA, Limborska SA. Variability of the 3' APOB minisatellite locus in Eastern Slavonic populations // Hum Hered. 2005;60(1):10–18.
3. Verbenko DA, Slominsky PA, Spitsyn VA, Bebyakova NA, Khusnutdinova EK, Mikulich AI, Tarskaia LA, Sorensen MV, Ivanov VP, Bets LV, Limborska SA. Polymorphisms at locus D1S80 and other hypervariable regions in the analysis of Eastern European ethnic group relationships // Ann Hum Biol. 2006; 33(5-6):570–584.
4. Khrunin A, Verbenko D, Nikitina K, Limborska S. Regional differences in the genetic variability of Finno-Ugric speaking Komi populations // Am J Hum Biol. 2007; 19(6):741–750.
5. Khrunin AV, Tarskaia LA, Spitsyn VA, Lylova OI, Bebyakova NA, Mikulich AI, Limborska SA. p53 polymorphisms in Russia and Belarus: correlation of the 2-1-1 haplotype frequency with longitude // Mol Genet Genomics. 2005;272(6): 666–672.
6. Flegontova OV, Khrunin AV, Lylova OI, Tarskaia LA, Spitsyn VA, Mikulich AI, Limborska SA. Haplotype frequencies at the DRD2 locus in populations of the East European Plain // BMC Genet. 2009;10:62.
7. Belyaeva O, Bermisheva M, Khrunin A, Slominsky P, Bebyakova N, Khusnutdinova E, Mikulich A, Limborska S. Mitochondrial DNA variation in Russian and Belorussian populations // Human biol. 2003;75(5):647–660.
8. Lahermo P, Sajantila A, Sistonen P, Lukka M, Aula P, Peltonen L, Savontaus ML. The genetic relationship between the Finns and the Finnish Saami (Lapps): analysis of nuclear DNA and mtDNA // Am J Hum Genet. 1996;58(6):1309–1322.
9. Mirabal S, Regueiro M, Cadenas AM, Cavalli-Sforza LL, Underhill PA, Verbenko DA, Limborska SA, Herrera RJ. Y-chromosome distribution within the geo-linguistic landscape of northwestern Russia. Eur J Hum Genet. 2009;17(10):1260–1273.
10. Omni Array Family. www.illumina.com/applications/genotyping/human-genotyping-arrays/omni-arrays.ilmn
11. Nelis M, Esko T, Mägi R, Zimprich F, Zimprich A, Toncheva D, Karachanak S, Piskácková T, Balasćák I, Peltonen L, Jakkula E, Rehnström K, Lathrop M, Heath S, Galan P, Schreiber S, Meitinger T, Pfeuffer A, Wichmann HE, Melegh B, Polgár N, Toniolo D, Gasparini P, D'Adamo P, Klovins J, Nikitina-Zake L, Kucinskas V, Kasnauskienė J, Lubinski J, Debniak T, Limborska S, Khrunin A, Estivill X, Rabionet R, Marsal S, Julià A, Antonarakis SE, Deutsch S, Borel C, Attar H, Gagnebin M, Macek M, Krawczak M, Remm M., Metspalu A. Genetic structure of Europeans: a view from the North-East // PLoS One. 2009;4(5):e5472.
12. Khrunin AV, Khokhrin DV, Filippova IN, Esko T, Nelis M, Bebyakova NA, Bolotova NL, Klovins J, Nikitina-Zake L, Rehnström K, Ripatti S, Schreiber S, Franke A, Macek M, Krulišová V, Lubinski J, Metspalu A, Limborska SA. A genome-wide analysis of populations from European Russia reveals a new pole of genetic diversity in northern Europe // PLoS One. 2013;8(3):e58552.
13. Cavalli-Sforza LL. The Human Genome Diversity Project: past, present and future. Nat Rev Genet. 2005;6(4):333–340.
14. Alexander DH, Novembre J, Lange K. Fast model-based estimation of ancestry in unrelated individuals // Genome Res. 2009;19(9):1655–1664.
15. Behar DM, Yunusbayev B, Metspalu M, Metspalu E, Rosset S, Parik J, Rootsi S, Chaubey G, Kutuev I, Yudkovsky G, Khusnutdinova EK, Balanovsky O, Semino O, Pereira L, Comas D, Gurwitz D, Bonne-Tamir B, Parfitt T, Hammer MF, Skorecki K, Villems R. The genome-wide structure of the Jewish people // Nature. 2010;466(7303):238–242.

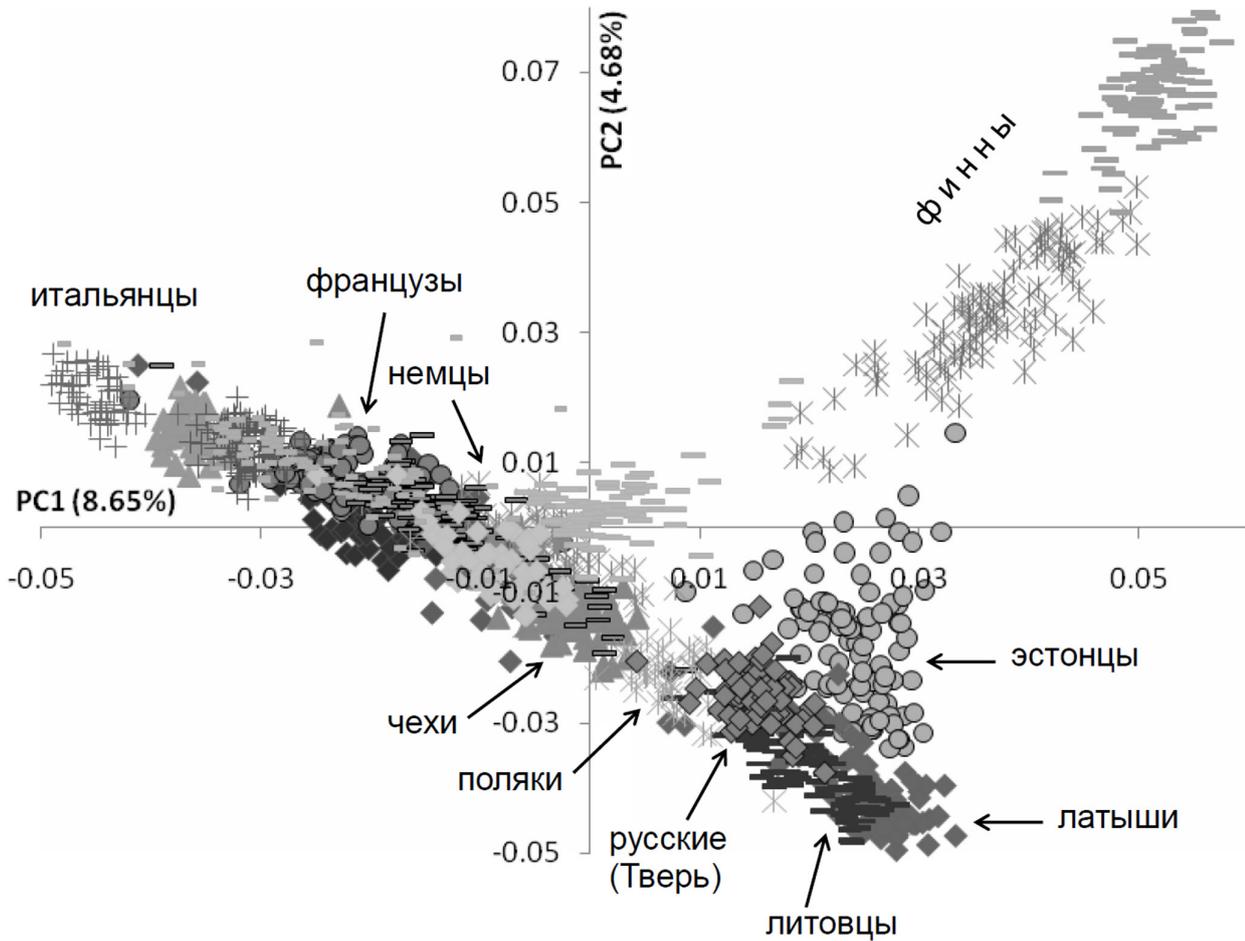

Рис. 1. Генетическая карта населения Европы.

Анализ полногеномного полиморфизма (266356 аутомных однонуклеотидных полиморфных замен) у индивидов из 19 популяций Европы методом главных компонент. Показаны результаты анализа в пространстве первых двух главных компонент. Каждый индивид обозначен определенным значком, соответствующим популяции, из которой он происходит. Рисунок воспроизведен из работы Nelis et al. [11] с небольшими изменениями.

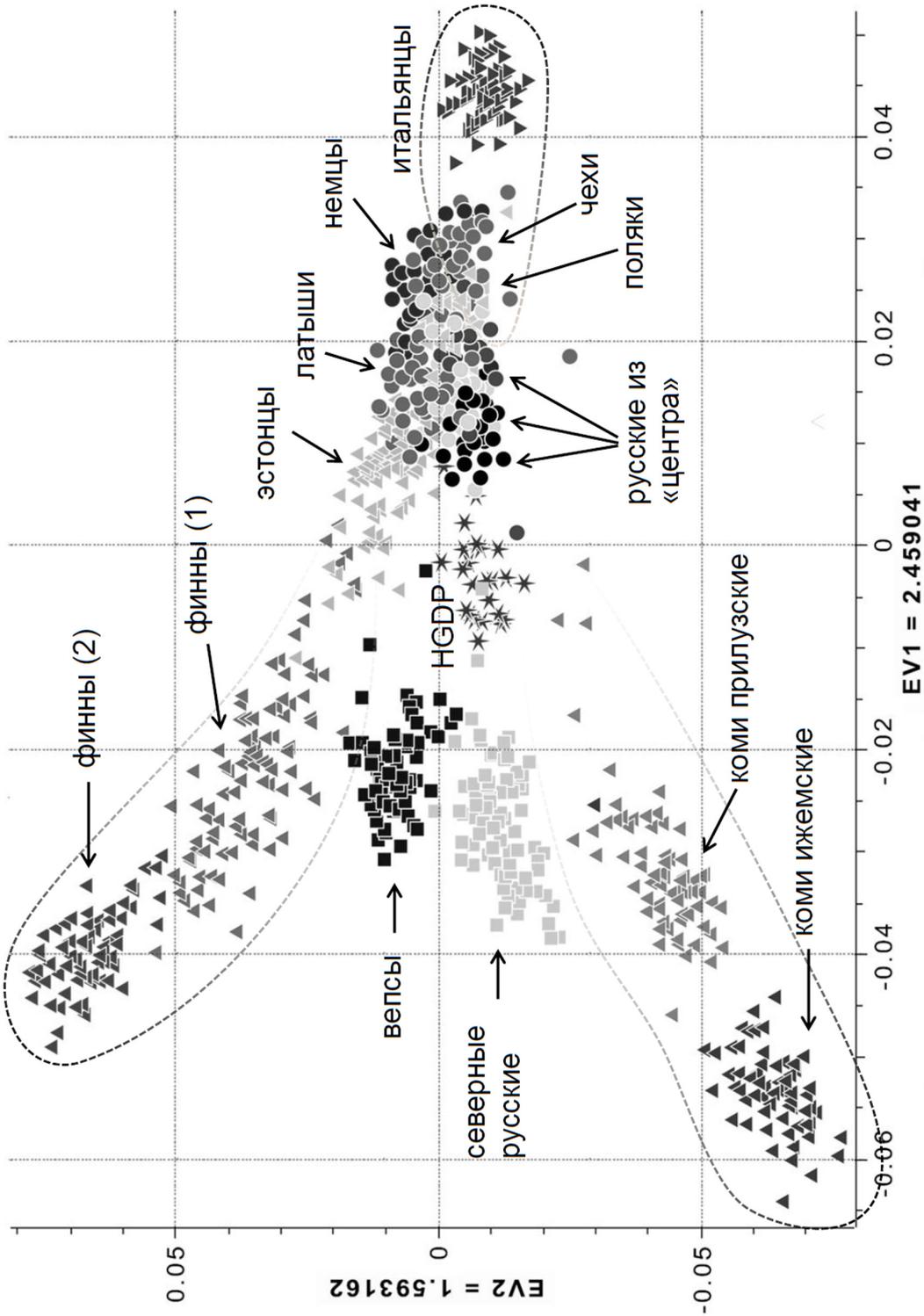

Рис. 2. Генетическая карта населения Европы (версия 2).
 Анализ полногеномного полиморфизма (128884 аутосомных однонуклеотидных полиморфных замены) в популяциях из России и семи стран Европы. Методом главных компонент. Показаны результаты анализа в пространстве первых двух главных компонент. Каждый индивид обозначен определенным значком, соответствующим популяции, из которой он происходит. Под «северными русскими» подразумевается популяция русских из Архангельской области (Мезень), под «русскими из «центра» – популяции русских из Владимирской (Муром), Тверской (Андреаполь) и Курской (Курск и Прямыно) областей, соответственно. HGDP – выборка русских из базы проекта Human genome diversity project. Рисунок воспроизведен из работы Khrushin et al. [12] с небольшими изменениями.

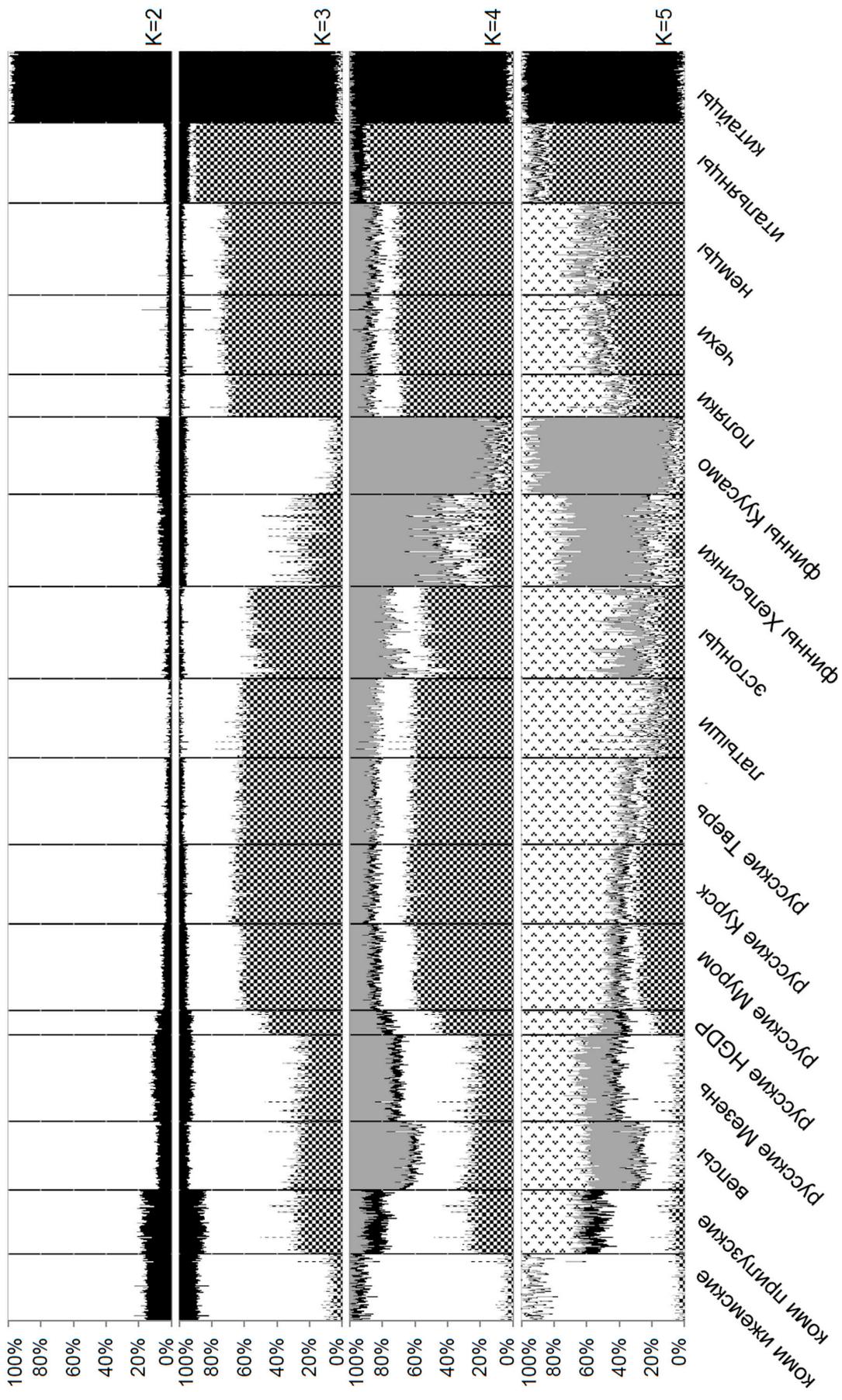

Рис. 3. Генетическая структура населения Европы. Результаты кластеризации индивидов исследованных популяций, полученные с использованием программы ADMIXTURE. Каждый индивид представлен вертикальной линией, составленной из нескольких сегментов, каждый из которых является собой долю предкового компонента, полученную от одной из K предковых популяций. Рисунок воспроизведен из работы Khriunin et al. [12] с небольшими изменениями.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

И.Л. Жеребцов, Н.П. Безносова*

Формирование северной границы Коми автономии**

Вопросы истории административно-территориального устройства Республики Коми нашли достаточно широкое освещение в работах М.П. Дмитрикова, И.Л. Жеребцова, А.И. Терюкова, В.В. Фаузера, С.И. Шубина и др. [14–22, 24, 26 и др.]. Однако процесс формирования границ, весьма сложный и продолжительный по времени, в названных трудах специально не исследовался и рассматривался лишь в общем контексте [18–21]. В предлагаемой работе на основании уже имеющихся исследований, документальных публикаций [23] и вновь вводимых в научный оборот архивных документов из фондов Национального архива Республики Коми освещается история становления северной административной границы Коми автономии, а также взаимоотношения по территориальным вопросам с соседними регионами в 1921–1960 гг.

До создания в августе 1921 г. автономии коми-зырян 67 волостей с коми населением в бассейнах Сысолы, Лузы, Вычегды, Печоры, Мезени, Вашки и Летки, где они составляли более 90% населения, были поделены между Вологодской, Архангельской, Пермской и Вятской губерниями. Серией решений Всероссийского центрального исполнительного комитета и его Президиума, принятых в 1921–1922 гг. (важнейшим из которых принято считать декрет ВЦИК от 22 августа 1921 г. «Об автономной области коми (зырян)»), было сформировано основное ядро административно-территориальной единицы, в рамках которой объединялись земли, населенные народом коми (зырян). Однако вне пределов области оставалось немало коми поселений. В состав области не вошли также территории, которые, по мнению руководства вновь образованной Коми АО, по путям сообщения и экономическим связям тяготели к Коми. К таковым власти Коми относили, в частности, нижнепечорские волости, входившие в Печорский уезд Архангельской губернии. Поэтому руководство Коми АО придерживалось мнения, что формирование территории Коми автономии не закончено, и настойчиво предъявляло претензии на часть территорий соседних губерний. Вследствие этого после создания Коми автономии с ее соседями в территориальном отношении возникли противоречия, которые потребовали принятия новых решений.

Отношения с Архангельским губисполкомом складывались сложно с самого начала создания Коми автономии. Так, в мае 1921 г. (в период формирования территории Коми области) Архангельск не возражал против передачи всего Печорского уезда (24 волости) в состав Коми области, а 12 июня губисполком постановил, что «считает практически недопустимым организацию Зырянской области как хозяйственно-административной единицы...» [23, с. 104]. Непростыми были отношения и с руководством Пермской губернии, которое высказывалось против включения в Коми АО Кудымкарского района, населенного коми-пермяками, родственными по происхождению и близкими по культуре и языку коми-зырянам. А вот по территориям, отошедшим к области из Северо-Двинской губернии, в последующем никогда не возникали споры [14, с. 31].

Обширная территория, отошедшая к Коми АО из Печорского уезда Архангельской губернии, включала земли по Ижме (кроме верховьев), средней Печоре, Усе и Колве. Центром ее стало с. Ижма. Она состояла из 19 волостей (Усть-Ухтинской, Кедвавомской, Мошьюгской, Гамской, Мохчинской, Бакуринской, Сизябской, Ижемской, Красноборской, Щельяюрской, Галовской, Няшабожской, Брыкаланской, Кипиевской, Усть-Усинской, Кловинской, Усть-Кожвинской, Верхнелыжинской и Усть-Лыжинской), где коми составляли абсолютное большинство населения. В начале 1921 г. численность коми, проживавших на этих территориях, составляла около 23 тыс. чел. В Архангельской губернии остались шесть волостей Печорского уезда, располагавшихся в низовьях Печоры (Пижемская, Усть-Цилемская, Бугаевская, Росвинская, Ермицкая, Пустозёрская). Район нижней Печоры с преимущественно русским населением власти Коми считали экономически неразрывным с Коми областью. Идя навстречу Коми облисполкому, Президиум ВЦИК постановлением от 16 марта 1922 г. передал в состав области вышеперечисленные нижнепечорские волости и Тиманскую тундру.

* **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, zherebtsov@mail.illhkomisc.ru. **Безносова Наталья Павловна** (Сыктывкар) – научный сотрудник группы исторической демографии и исторической географии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Статья публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

7 апреля 1922 г. Архангельский губисполком заслушал телеграмму ВЦИК о том, что весь Печорский уезд должен быть передан в состав Коми АО, и постановил принять указание к исполнению. Однако в жители ряда волостей высказались против вхождения в Коми область. 18 апреля 1922 г. Президиум Архангельского губисполкома обсудил телеграмму из Усть-Цильмы с сообщением, что население Печорского уезда высказывается против передачи уезда в состав Коми области, и сообщил об этом во ВЦИК. 20 апреля 1922 г. Архангельский губисполком установил срок передачи Печорского уезда в Коми АО 30 апреля 1922 г. 27 апреля 1922 г. внеочередной Пустозерский волостной съезд Советов (созванный в связи с поступившей 20 апреля телеграммой Печорского бюро о присоединении Пустозерской волости к Коми автономной области) принял следующее решение: «Волостной съезд, хорошо зная настроение населения, не желающего такого присоединения к области Коми, и имея в виду прежние приговоры от обществ... категорически настаивает на оставлении Пустозерской волости в составе Архангельской губернии».

30 апреля 1922 г. Печорский уездный исполком объявлен распущенным в связи с передачей уезда в Коми АО. После этого Ижемский исполком стал вывозить из Усть-Цильмы в Ижму имущество уездных организаций, что вызвало протесты усть-цилемцев. 2 мая 1922 г. ВЦИК принял декрет об административном делении Автономной области Коми, согласно которому нижнепечорские волости входили в Печорский уезд Коми АО (с центром в с. Ижма). Но уже 27 мая Президиум ВЦИК, принимая во внимание мнение населения, отменил свое постановление от 16 марта и оставил эти территории в составе Архангельской губернии [19, с. 277].

2 и 7 июня 1922 г. Архангельский губисполком обсуждал вопрос о передаче Печорского уезда в Коми АО, о действиях Ижемского исполкома и протестах населения Печорского уезда. 16 июня 1922 г. Архангельский губисполком высказался против передачи Печорского уезда в состав Коми АО, запретил вывоз грузов и товаров из Усть-Цильмы в Ижму. До 1929 г. нижнепечорские волости и Тиманская тундра составляли Печорский уезд Архангельской губернии с центром в с. Усть-Цильма. Коми облисполком старался добиться отмены постановления от 27 мая 1922 г., заявляя, что «...без свободного выхода к морю через устье Печоры, в будущем через порт Индига, вся экономическая жизнь и развитие» края попадают в зависимость от Архангельска, но попытки эти были безрезультатными [2, л. 79]. Поскольку передача нижней Печоры в состав Коми области не состоялась, то Печорский уезд Коми АО, во избежание путаницы с одноименным уездом Архангельской губернии, решено было именовать Ижмо-Печорским уездом. Не состоялась первоначально также передача из Архангельской губернии Пысской волости Усть-Вашского уезда, включенной в состав области еще декретом от 22 августа 1921 г. Однако в более позднем документе – декрете ВЦИК «Об административном делении автономной области Коми» от 2 мая 1922 г. – она уже не упоминается [23, с. 196–198]. В 1924 г. в состав Пустозерской волости включен Ёрмицкий сельсовет, населенный коми-зырянами (он находился в составе волости до 1929 г.).

Вопрос о принадлежности нижнепечорских волостей являлся своего рода «разменной картой» при обсуждении проблемы объединения северных областей-губерний в единую административно-территориальную единицу. Проблема эта имела долгую историю. В декабре 1922 г. в Вологде состоялось совещание представителей Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний и Коми АО (председатель облисполкома В.И. Сорвачев), участники которого высказались за создание Северо-Беломорской (с 1923 г. – Северо-Восточной) области, куда вошли бы три эти губернии и Коми АО; создано оргбюро под руководством председателя Вологодского облисполкома А.В. Анохина. 4 февраля 1924 г. в Москве проведено совещание руководителей Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Коми АО (председатель облисполкома В.И. Сорвачев), участники которого высказались за срочное образование Северо-Восточной области, куда вошли бы все эти губернии, Коми АО, а также Мурманская губерния. Создано оргбюро под руководством Н. Козлова (Архангельск).

Но в мае 1924 г. исполком Коми АО заявил в административную комиссию ВЦИК о «преждевременности вхождения Коми области в Северо-Восточное объединение». В июле 1924 г. исполком Коми АО обратился в оргбюро по районированию (Архангельск) и попросил Архангельский губисполком ходатайствовать перед Президиумом ВЦИК о передаче «нижней части Печоры» из Архангельской губернии в Коми область. 9 января 1925 г. Президиум Коми облисполкома решил категорически отказаться от вхождения Коми АО в Северо-Восточную область. В феврале 1925 г. Коми облисполком обратился в руководящие органы СССР и РСФСР с предложением образовать на базе Коми АО более крупную административную единицу с присоединением в Коми АО Печорского уезда Архангельской губернии, Пермского округа Уральской области, части Вятской области и части зауральской территории Сибири с кочующими там самоедами (ненцами), обвинив руководителей соседних областей в антинациональной политике по отношению к коми и ненцам. В декабре 1925 г. Архангельский губисполком заявил о возможности передачи Печорского уезда в состав Коми АО после образования Северо-Восточной области, в которую вошла бы и Коми АО. 31 мая 1926 г. Президиум ВЦИК предписал ликвидировать организационные бюро по созданию Северо-Восточной области и других крупных областей, объединивших бы несколько губерний. 17 июня 1926 г. Оргбюро Северо-Восточной области прекратило свою деятельность.

Свою роль играли и экономические связи. В 1924 г. именно по инициативе Коми АО начались восстановительные работы на расположенном вне пределов области бывшем лесозаводе «Стелла Поларе» в низовьях Печоры – крупнейшем промышленном предприятии Печорского края. В 1927 г. лесозавод (получивший наименование лесозавод № 51, с 1930 г. – завод им. Ф.Э. Дзержинского, с 1938 г. – им. Г.В. Хатанзейского) был восстановлен. Он принадлежал Коми автономной области и входил в систему «Комилеса» до 1942 г.

Во второй половине 1920-х гг. отношения Коми облисполкома и Архангельского губисполкома осложнились из-за взаимных притязаний на тундровую зону. Серьезные разногласия возникли еще в период подготовки и проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г. Архангельск стремился отстранить Усть-Сысольск от производства приполярной переписи, проходившей в рамках переписи 1926 г., и добился принятия решения ЦСУ РСФСР о том, что оленеводческие и рыболовные хозяйства, кочующие в летние месяцы на побережье Ледовитого океана в пределах Большеземельской тундры, будут переписаны особой экспедицией Архангельского статистического бюро. Заведующий Коми областным статистическим бюро А. Эзет выразил несогласие с этим решением, считая, что такой порядок нарушает основные правила производства переписей и задевает интересы Коми АО, поскольку в Большеземельской тундре кочевало в основном население, приписанное к области (на долю Коми области приходилось 70% оленеводческих хозяйств, Архангельской губернии – 30%) [4, л. 23–24]. Несмотря на решение ЦСУ, Коми область самостоятельно провела перепись населения всей входящей в ее состав тундровой зоны.

Здесь следует подробнее остановиться на коми-ненецких взаимоотношениях. При образовании Коми АО в нее вошла часть ненецкого (самоедского) населения Большеземельской тундры. Оседло ненцы проживали только в Колвинской волости Ижмо-Печорского уезда, где они составляли большинство населения (в 1920 г. – 670 чел.). Остальные ввели кочевой образ жизни в Большеземельской и Малоземельской тундрах, а также на побережье Северного Ледовитого Океана. На основании различных источников численность ненецкого населения, учтенного на территории Коми АО, была следующей: 1921 г. – 742 семейства, 1925 г. – 4 тыс., 1926 г. – 2,1 тыс. чел. [1, л. 55; 5, л. 6–7].

У ненцев сохранялись черты родового строя, поэтому в качестве первоочередной задачи советская власть объявила ликвидацию их экономической и культурной отсталости. 17 февраля 1925 г. при Коми облисполкоме по аналогии с созданным в июне 1924 г. при Президиуме ВЦИК Комитетом содействия народностям северных окраин был образован Коми областной (местный) комитет Севера. (Несколько ранее, в декабре 1924 г., был создан архангельский комитет Севера, игравший в последующие годы важную роль в территориальных спорах между Архангельском и Усть-Сысольском). Основной своей задачей Коми областной комитет Севера ставил изучение условий жизни ненцев и всестороннее выявление их потребностей, проведение мероприятий по регулированию торговых операций в тундре, по ветеринарному и зоотехническому обслуживанию оленеводства, а также по оказанию медицинской и культурной помощи ненцам [6, л. 54].

В 1925 г. под руководством Коми облисполкома и местного комитета Севера были созданы ненецкие органы власти – три тундровых совета и райисполком в с. Колва. Эти органы ведали вопросами снабжения, культурно-просветительских и медицинских учреждений, организацией торговли, оказанием помощи бедняцким хозяйствам, являлись одновременно судебными органами. 17–19 декабря 1925 г. состоялся первый съезд Советов Большеземельской тундры (ненцев) в Колве. Обсуждался вопрос о создании Ненецкого национального района в составе Коми области путем объединения тундровых сельсоветов, однако такой район в то время не был создан [19, с. 278].

Коми облисполком неоднократно обсуждал на своих заседаниях вопросы улучшения обслуживания ненцев и через местный комитет Севера оказывал всестороннюю помощь тундровым советам и Колвинскому РИКу. В условиях слаборазвитой экономики развитию оленеводства придавалось большое значение, поэтому Коми облисполкомом принимались действенные меры по укреплению оленеводства и тундровых промыслов. С этой целью в 1922 г. были организованы три смешанных ненецко-зырянских оленеводческих артели: «Тундра», «Самоедин» и «Полярная Звезда». В 1925 г. в с. Ижма был открыт Ветеринарно-бактериологический институт для борьбы с эпизоотиями, который обслуживал тундры всего Европейского Северо-Востока. В 1924 г. в порядке безвозвратной ссуды было выделено 6 тыс. пудов хлеба для обеспечения оленеводов, пострадавших от падежа оленей. Чтобы исключить обман и эксплуатацию ненцев со стороны частных торговцев постановлением Ижмо-Печорского УИКа последним был запрещен въезд в тундру, а государственным торговым организациям было предложено работать исключительно через оленеводческие артели. В 1928 г. по сравнению с 1925 г. завоз товаров в тундру увеличился в 2 раза. В 1929 г. в Большеземельской тундре имелось семь государственных хлебозапасных магазинов [5, л. 7; 15, с. 93].

Местный комитет Севера активно содействовал работе по ликвидации неграмотности среди ненцев-кочевников и подготовке национальных ненецких кадров: в дер. Петрунь был организован интернат на 20 чел.; предоставлены места с выплатой стипендий для ненецкой молодежи в Ижемской школе 2-й ступени с отправкой их в дальнейшем на учебу в Усть-Сысольский педагогический техникум. Было положено начало здравоохранению

в тундре. Коми облисполком построил больницу в Хоседа-Харде, стационарные медицинские пункты. Большую воспитательную и просветительскую работу вела Хоседа-Хардская культбаза со своими передвижными учреждениями: красными уголками, чумом-читальней, кинопередвижкой и т.д. Все эти мероприятия проводились за счет государственных средств [5, л. 7об.; 15, с. 93].

Кроме ненцев в Большеземельской тундре занимались оленеводством и тундровыми промыслами северная группа коми-зырян – ижемцы и немногочисленные русские. Переписью населения 1926 г. в области было учтено оседлых и кочевых оленеводческих хозяйств: коми-ижемских – 395, самоедских – 266, прочих – 9 [7, л. 20]. Поэтому утверждение 25 октября 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР «Временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» вызвало неоднозначную реакцию со стороны Коми АО. В целях защиты прав и интересов коренных народностей Севера «Временным положением» предусматривалась организация органов управления племен и народностей, которые вели кочевой образ жизни и занимались охотой, рыболовством и оленеводством, но оно не распространялось на народности, которые были выделены в национальные республики и области, даже если они также вели кочевой образ жизни и занимались теми же промыслами, что и кочевники. Таким образом, под действие положения попадало ненецкое население, но не попадали коми-ижемцы. По убеждению Коми области подобное решение вопроса серьезно ущемляло права ижежцев, ухудшало их положение, могло отрицательно отразиться на всем промышленном оленеводстве и тундровых промыслах [8, л. 64].

Ижемцы начали заниматься хозяйственным освоением европейской тундры в начале XVIII в., причем кроме натурального оленеводческого хозяйства они развили там замшевое производство, наладили торговые отношения как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Зыряне распространили свое оленеводство на запад до Кольского полуострова и на восток до Надыма (притока р. Оби). Освоение Большеземельской тундры ими было настолько широко, что она «в большей степени стала уже зырянской, чем самоедской». Так, в составе смешанной коми-ненецкой артели «Полярная звезда» насчитывалось: ижемских оленеводов (оседлых и кочевников) – 78,6%, ненцев-кочевников – 21,4%. Приблизительно такое же соотношение наблюдалось и в двух других артелях. Ижемская доля оленьего стада Большеземельской тундры составляла 78%, в тундровых промыслах – 85%. И только 22 и 15% соответственно принадлежала ненцам (данные 1925 г.) [8, л. 63 об.].

Подобное преимущество породило в обществе уходящее своими корнями еще в дореволюционную эпоху предубеждение, что коми-ижемцы путем обмана грабили ненцев, превращали их в своих наемных работников (пастухов), являлись главными виновниками «вымирания ненцев». «Легенды» о вымирании ненцев, якобы из-за эксплуатации их зырянами, основывались на формальном сопоставлении поголовья ненецкого и ижемского оленьего стада. Исследование А.И. Терюкова, рассмотревшего соотношение поголовья оленей у трех оленеводческих этносов Севера европейской части России (ненцев, коми и русских) с 1842 по 1914 г., позволило ему сделать вывод, что поголовье оленей за этот период в абсолютных цифрах увеличилось у всех трех этносов, а при сопоставлении относительных показателей даже наблюдались уменьшение удельного веса ижемского оленеводства и увеличение ненецкого. Таким образом, подчеркивает А.И. Терюков, что ижемское оленеводство ни коим образом не стесняло ненецкое, скорее наоборот, спрос ижемских торговцев на олени шкуры стимулировал развитие ненецкого оленеводства в той же мере, как и ижемского. Что касается увеличения числа «безоленных» ненцев, т.е. потерявших своих оленей от эпизоотий, то это объясняется различиями в системах ненецкого и ижемского оленеводства [см. подробнее: 24, с. 13–14]. Об этом же писал еще в 1928 г. исследователь-краевед А.М. Мартюшев, отмечавший, что эксплуатацией кочевников (и ненцев, и зырян) занимались торговцы, независимо от их национальной принадлежности. Причину же высокой смертности и слабого роста численности ненцев он предлагал искать не в зырянском соседстве, а в традиционном укладе и образе жизни ненцев [8, л. 63–68].

Под предлогом отрицательного влияния ижежцев на развитие ненецкого этноса Архангельский губисполком неоднократно выдвигал предложения о выселении зырян-оленеводов из Канинско-Тиманской тундры. Такого же мнения относительно зауральских зырян-оленеводов придерживались и органы власти Тобольского округа (в Березовском и Обдорском уездах насчитывалось свыше 5 тыс. зырян, оседлых и кочевавших по тундре). Коми область выражала опасение, что с принятием «Временного положения» в Архангельске и Тобольске будут буквально решать вопрос в отношении коми-оленеводов, которые как не причисленные к народностям северных окраин «на законных основаниях» будут вытеснены из этих губерний [8, л. 65–66].

В августе–сентябре 1927 г. территориальный конфликт из-за Большеземельской тундры между Архангельским и Усть-Сысольским достиг особой остроты. «Временным положением» допускалось формирование как территориальных (стационарных), так и кочевых тундровых органов советской власти. Три родовых ненецких тундровых совета и Колвинский РИК в Коми функционировали с 1925 г. по территориальному принципу (по мере движения по время кочевок оленеводы переходили под опеку оседлых органов управления). А в Архангельской губернии тундровые советы имели кочевой характер, то есть продолжали функционировать и при передвижении на другие территории [26, с. 17].

2 августа 1927 г. представителями архангельского Комитета Севера и Тельвисочного РИКа Архангельской губернии в Большеземельской тундре, входящей в состав Коми области, несмотря на предупреждения и протесты Коми АО, был организован не сезонно кочующий, а тундровый совет с постоянным пребыванием на Югорском Шаре «для всех самоедов Большеземельской тундры». Одновременно с организацией совета проводилась приписка к Тельвисочному РИКу ненцев, как состоявших, так и не состоявших на учете в тундровых советах Коми области. При этом архангелогородцы заявляли, что «у Коми Области кроме г. Усть-Сысольска и с. Ижмы территории нет», а Большеземельская тундра «конкретно не принадлежит ни Коми Области, ни Архангельской губернии, а является общей, хозяевами коей являются только самоеды» [9, л. 2]. О серьезности ситуации говорит тот факт, что представители Тельвисочного РИКа были арестованы и выдворены с территории области. В связи с этим архангельский Комитет Севера выразил протест Коми областному Комитету Севера [9, л. 37]. В свою очередь Секретариат Коми облисполкома на заседании 7 сентября 1927 г. постановил распустить параллельный тундровый совет, организованный представителями Архангельской губернии на территории Коми области, и требовал от Архангельского губисполкома сделать то же самое [9, л. 32].

Действия архангельских властей рассматривались Коми облисполкомом как нарушение своих суверенных прав и Конституции. В обращении в Президиум ВЦИК и в Комитет Севера при Президиуме ВЦИК от 8 октября 1927 г. председатель Коми облисполкома Е. Мишарин, сообщая о создавшемся положении, заявлял, что действия Архангельска «посредством агитации с нечестными выпадами на Коми область перед самоедской массой... тормозят культурно-хозяйственные мероприятия, проводимые Коми областью для кочевого населения Большеземельской тундры с самого начала образования области». Коми облисполком просил ВЦИК дать распоряжение о роспуске организованного Архангельском на территории области тундрового совета, а также обязать губисполком в дальнейшем не вмешиваться в дела Коми области в Большеземельской тундре [9, л. 1–2 об.].

Далее в обращении отмечалось, что представители Архангельска не только не признали органов советской власти Коми АО, но и общались с коми представителями в неподобающих представителям власти выражениях. Весьма любопытно в связи с этим привести выдержки из письма уполномоченного Тельвисочного РИКа Носова в адрес 3-го тундрового совета Коми области от 1 августа 1927 г.: «... Относительно вопроса о территории Коми Области и ее границ очень Вы везде и всюду трезвоните и каждое сообщение на моё имя обосновываете на этом, имею сообщить следующее, основанное на официальных данных, а не имеющим быть простыми словами, взятыми с воздуха: северо-восточные границы Архангельской губернии лишь мыслятся, ограничение Коми области в натуре через производство межевых работ еще не произведено. Неимение границ, в натуре, конечно и служит причиной различным определениям общей площади Коми области... Исходя из вышесказанного можно с уверенностью сказать, что границ как таковых с Архангельской губернией не имеется, территория же Коми области и ее границы лишь мыслятся... а Ваши устные и письменные доводы, не подкрепленные на сей счет официальными данными, для меня законом быть не могут» [9, л. 46 об.].

Столь серьезное обострение отношений между Архангельском и Усть-Сысольском было вызвано разностью подходов сторон к вопросу о самоопределении ненцев. О своем желании объединиться в особый национальный округ ненцы стали высказываться на самоедских съездах еще с 1923–1925 гг. Идею образования самостоятельного Ненецкого округа активно поддерживали Комитет Севера при Президиуме ВЦИК, председателем которого был видный деятель советского государства, старый большевик, член Президиума ВЦИК П. Смидович, и его архангельское отделение (председатель Н. Сапрыгин).

20 января 1927 г. делегаты VII Самоедского (ненецкого) съезда призывали к тому, чтобы «самоедов не рвали на куски (между Архангельской губернией и Коми АО. – *Авт.*), а дали возможность иметь свое управление». 21 февраля 1928 г. Архангельский губисполком предложил образовать на территории расселения ненцев новую национально-административную единицу, которая до образования Северо-Восточной области должна входить в состав Архангельской губернии.

Противоположную позицию занимало руководство Коми области и местный Комитет Севера. Так, Седьмой областной съезд Советов в марте 1929 г. признал «организацию самоедского округа, выдвинутую архангельскими организациями, неправильным». Коми и архангельский Комитеты Севера сыпали упреки в адрес друг друга. Первые обвиняли Архангельск в «отрыжках великодержавного шовинизма», те, в свою очередь, обвиняли Усть-Сысольск «в пренебрежительном и высокомерном отношении к аборигенам тундр» [26, с. 17]. Точка зрения большей части руководства Коми АО «по самоедскому вопросу» нашла свое отражение в записке, подготовленной А.М. Мартюшевым. В ней говорилось, что для объединения ненцев-самоедов Архангельской губернии и Коми области и организации ими самостоятельного округа не имелось предпосылок, как ввиду их малочисленности (в Большеземельской и Канинско-Тиманской тундре насчитывалось около 5,8 тыс. ненцев), так и по причине их низкого культурного развития (ненцы были почти поголовно неграмотны). По мнению автора записки, самоопределение ненцев, если оно состоится, в значительной степени будет носить искусственный характер. В качестве альтернативы решения вопроса о самоедском управлении предлагалось образование в Печорском округе двух

самоедских административных районов – Большеземельского и Индигского – с подчинением их Коми АО [8, л. 67–68]. Столь тенденциозный и с позиций сегодняшнего дня недалекий подход к решению «ненецкого вопроса» со стороны руководства Коми АО был продиктован естественным желанием сохранить Большеземельскую тундру в составе области и защитить права и интересы коми-ижемцев.

Летом 1927 г. представители Тельвисочного исполкома Архангельской губернии попытались провести собрание своего тундрового Совета, кочевавшего в это время в Большеземельской тундре на территории Коми АО. Они были арестованы по распоряжению властей Коми АО и выдворены за пределы автономной области. Разразился скандал, получивший широкий резонанс. 5 июля 1927 г. Архангельский губисполком направил в центральные органы власти записку с возражениями против присоединения Печорского уезда к Коми АО, ссылаясь на национальный состав населения уезда (84% – русские) и неприязненные отношения между коми-ижемцами и ненцами. 16 августа 1927 г. исполком Тельвисочного самоедского (ненецкого) Совета решил «будировать» предвышестоящими советскими органами о скорейшем решении вопроса о создании единого самоедского района, который включил бы в себя все самоедское кочевое население Архангельской губернии и области Коми... Район должен иметь непосредственное подчинение Центру».

18 апреля 1928 г. руководство Коми АО направило властям РСФСР и СССР письмо с обоснованием создания в составе Коми АО Печорского округа, в который вошли бы Ижмо-Печорский уезд Коми области и Печорский уезд Архангельской губернии. 19 мая 1928 г. Госплан РСФСР постановил создать Северо-Восточную область, но вопрос о вхождении в нее Коми АО предложил «дополнительно проработать». 4 декабря 1928 г. Административная комиссия ВЦИК рассмотрела вопрос о присоединении Печорского уезда к Коми АО, но отложила принятие решения.

16 января 1929 г. IX Самоедский съезд Советов в Тельвиске решил просить «объединить... ненцев всех вместе в один округ, с подчинением Архангельску» и с центром в Тельвиске. В Ненецкий округ предлагалось включить и населенную русскими Пустозерскую волость в низовьях Печоры. В марте 1929 г. VII съезд Советов Коми АО объявил неправильной идею организации «особого самоедского округа», выдвинутую архангельскими властями. 11 апреля 1929 г. Оргкомитет Северного края принял решение включить весь Печорский уезд Архангельской губернии в состав Печорского округа Коми АО. Новая граница между Архангельской губернией и Коми АО устанавливалась «от Индигской губы, ...оставляя Индигскую губу в пределах области Коми». В этой незамерзающей губе предполагалось построить для Коми области крупный морской порт. 23 мая 1929 г. общее собрание ненцев Малоземельской тундры выступило против присоединения ненцев к Коми АО: «Мы, ненцы (самоеды), просим нам дать полные национальные права, как велел В.И. Ленин». 14 июня 1929 г. административная комиссия ВЦИК постановила «в двухнедельный срок разработать состав и территорию Ненецкого округа». В последующие дни июня в связи с этим решением в Москву поступил ряд протестов из Усть-Сысольска и Архангельска.

Разрешение затянувшегося конфликта произошло в 1929 г. 14 января 1929 г. был образован Северный край с центром в Архангельске, в состав которого вошла и Коми область. Утвержденный Президиумом ВЦИК 13 марта 1929 г. Оргкомитет Северного края, в составе которого было много представителей из Москвы, уже 11 апреля «признает целесообразным присоединение всего Печорского уезда Архангельской губернии к Коми области». Госплан РСФСР (май 1929 г.) также не возражал против включения Печорского края, «ввиду экономической целесообразности», в состав Коми АО [25, с. 18, 20]. С присоединением нижней Печоры Коми область получала выход к морю через устье Печоры, однако окончательно решение о новой границе оформить не удалось.

15 июля 1929 г. вышло постановление Президиума ВЦИК «О составе округов и районов Северного края и их центрах», которым определялось административно-территориальное устройство края. Было проведено реформирование системы административного деления; Коми область разделена на районы, включавшие 135 сельсоветов; образованы Визингский, Ижмо-Печорский (с 1930 г. – Ижемский), Прилузский, Сторожевский, Удорский, Усть-Вымский, Усть-Куломский, Усть-Сысольский (с 1930 г. – Сыктывкарский), Усть-Цилемский районы.

Тогда же Президиум ВЦИК постановил образовать «в пределах Северного края Ненецкий округ» (первый из национальных округов на Севере России) из Канинско-Тиманского района Архангельской губернии и Ненецкого района Коми АО (в результате чего Коми область утратила значительную часть входившего в ее состав побережья Северного Ледовитого океана; в составе Коми АО в соответствии с решением оргкомитета Северного края от 11 апреля 1929 г. остались только низовья Печоры с русскими селениями). Во второй половине июля из Усть-Сысольска и Архангельска в Москву поступил ряд протестов по этому поводу [3, л. 350; 14, с. 34]. Неординарность ситуации заключалась в том, что против организации в составе края административно самостоятельного Ненецкого округа категорически возражали не только властные структуры Коми, но партийные и советские органы самого Северного края, Оргкомитет Северного края, Госплан РСФСР [26, с. 21]. В поддержку Ненецкого округа выступал только архангельский Комитет Севера, которому в свою очередь оказывал всестороннюю помощь столичный Комитет Севера.

Обстановка накалилась до такой степени, что решение ВЦИК о создании Ненецкого НО и протесты Северного края и Коми АО были переданы на рассмотрение в ЦК ВКП(б). 8 августа 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обсудило протесты Усть-Сысольска и Архангельска против образования Самоедского округа и поддержало решение Президиума ВЦИК о создании округа [26, с. 22]. 14 августа 1929 г. ВЦИК окончательно решил вопрос об образовании Ненецкого округа. С этого времени позиция Северного крайкома ВКП(б) по отношению к образованию Ненецкого округа меняется, и он начинает активную работу по формированию органов власти и территории округа. 24 августа 1929 г. секретарь бюро ВКП(б) Ненецкого округа В.М. Фомин потребовал включить в состав округа и низовья Печоры с русским населением, включая «территорию лесопильного завода № 51, принадлежащего Автономной области Коми». 28 августа 1929 г. Архангельский комитет Севера высказался за передачу Ненецкому округу низовьев Печоры и расположенного там лесозавода.

При определении территории и границ Ненецкого округа также возобладала точка зрения Комитета Севера при ВЦИК и его архангельского отделения, которые считали недопустимым деление тундр Северного края какой-либо административной границей. Так в состав вновь созданного Ненецкого НО вошли: Пустозерская и Тельвисочная-Ненецкая волости упраздненного Печорского уезда Архангельской губернии, Тиманская и Каннинская тундры, часть территории Коми области, примыкавшая к побережью Северного Ледовитого океана (Большеземельская тундра), а также близлежащие острова. Ходатайство Коми области в Административную комиссию ВЦИК об оставлении в ее составе Пустозерской волости осталось без удовлетворения. Точку в споре Архангельска и Усть-Сысольска о территориальной принадлежности низовьев Печоры поставил 20 декабря 1929 г. Президиум ВЦИК, приняв окончательное решение о включении бывшей Пустозёрской волости (без Ермицкого сельсовета) в состав Ненецкого округа. В самом конце декабря 1929 г. Северный крайисполком создает согласительную комиссию для приема-передачи территории, административно-хозяйственных, культурных учреждений, имущества из автономной области Коми в Ненецкий округ [26, с. 26].

Таким образом, после реформирования системы административно-территориального деления Северного края в 1929 г. северная граница Коми области претерпела существенные изменения. В результате потери территории Большеземельской тундры, включенной в состав вновь образованного Ненецкого округа, и не состоявшегося присоединения нижней Печоры, Коми область утратила выход к Северному Ледовитому океану и морские границы. Из Архангельской губернии к Коми АО отошли Усть-Цилемская волость (на 93% заселенная русскими) и два сельсовета с коми населением – Ермицкий сельсовет Пустозерской волости и Пысский сельсовет Койнасской волости Мезенского уезда (Усть-Вашский уезд к тому времени был упразднен, его территория включена в Мезенский), который назывался в составе области еще декретом от 22 августа 1921 г., но фактическая передача его состоялась лишь в 1929 г. [19, с. 279].

С завершением экономического и административно-территориального районирования в 1929 г. формирование северной границы Коми автономии в основном закончилось, хотя в последующие годы произошли еще довольно существенные изменения границ между Республикой Коми и Ненецким округом, имели место территориальные споры и даже притязания.

Так, в ноябре 1933 г. Ненецкий окружной исполком вышел в Административную комиссию ВЦИК с ходатайством о передаче в непосредственное ведение округа Абезьского, Петруньского и Усть-Колвинского сельсоветов Усинского района и Ермицкого сельсовета Усть-Цилемского района Коми АО. Свои претензии округ подкреплял данными экономического и национального порядка, а также тем обстоятельством, что население означенных четырех сельсоветов Коми области еще при первоначальном выделении Ненецкого округа в самостоятельную административно-территориальную единицу заявляло о своем желании быть в составе округа [12, л. 46].

В апреле 1934 г. Коми облисполком препровождает в Президиум ВЦИК материалы Усинского и Усть-Цилемского райисполкомов, протестовавших против передачи вышеназванных сельсоветов Ненецкому округу. Коми облисполком, поддерживая решения своих райисполкомов, также категорически возражал против передачи к тому времени уже семи сельсоветов – Абезьского, Петруньского (разукрупненного в 1934 г. на сельсоветы Петруньский, Лавраньинский, Сидоровский), Усть-Колвинского (разукрупненного на сельсоветы Усть-Колвинский и Соколовский) Усинского района и Ермицкого сельсовета Усть-Цилемского района – в состав Ненецкого округа, а ссылку на колхозников этих сельсоветов, заявлявших о переходе в округ называл «не основательной», поскольку на переходе «настаивали кулацкие элементы, уклонявшиеся от выполнения государственных обязательств, а не трудящееся население» [12, л. 34]. Только в 1936 г. с образованием Коми АССР и выходом ее из состава Северного края вопрос о притязаниях Ненецкого округа на часть территорий Усть-Цилемского и Усть-Усинского районов был снят, так как к тому времени окончательно определилась их экономическая целостность с республикой.

В 1930-е гг. к Ненецкому округу из Коми АССР отошли значительные по площади земли в верховьях рек Колва, Большая Роговая, Хоседаю, Лая [19, с. 280]. Точной даты передачи этих территорий по документам определить не удалось, но косвенные данные свидетельствуют о том, что это произошло в первой половине 1930-х гг. Позднее (в середине 1950-х гг.) округ предлагал принять обратно в состав Коми АССР верховья реки Роговой

(населенные пункты Сявта, Ильявань, Никитью), но республика отказалась, ссылаясь на невозможность хозяйственного и культурного обслуживания этих населенных пунктов из-за их удаленности и отсутствия путей сообщения (расстояние до ближайшего сельсовета Коми АССР – Петруньского – составляло 240 км) [11, л. 109].

В сентябре 1938 г. по инициативе Ненецкого окружного исполкома в Президиуме Верховного Совета РСФСР в очередной раз был поставлен вопрос о границах с Коми АССР [13, л. 10]. Округ мотивировал необходимость изменения границ тем, что существовавшая граница была установлена в 1929 г. без достаточного изучения и учета перспектив хозяйственного и культурного роста округа, условной прямой линией по 67 параллели северной широты, вследствие чего все лесные массивы, являвшиеся основной базой стройматериалов для вновь строящегося г. Нарьян-Мара и для тундрового строительства, оказались отрезанными от территории округа. В вину Коми АССР ставилось также слабое обеспечение округа лесом, что, как утверждалось, из года в год влекло срывы планов строительства.

Президиум Верховного Совета Коми АССР протестовал против изменения границ, сообщая в письме от 26 сентября 1938 г. в Административную комиссию при Президиуме Верховного Совета РСФСР, что территория, на которую претендует Ненецкий округ, – безлесная (границу предлагалось провести на юг по правому берегу р. Печоры до впадения в нее р. Созьвы (Сэдьзы), далее – на восток по Созьве до ее верховьев и на север – прямой линией до пересечения с 67° с.ш.). Коми АССР не возражала против использования имевшегося местами в этом районе карликового леса в качестве топлива колхозами и совхозами Ненецкого округа, но без изменения границ. Не принимала республика и претензии на недопоставки леса, отмечая, что большая часть заготовленной «Комилесом» в бассейне реки Печоры в 1937/38 гг. древесины была направлена Ненецкому округу. Руководство Коми АССР подчеркивало, что при постановке вопроса о границах надо исходить «не из сиюминутных потребностей», а из перспективы развития всего Печорского края: «Крупнейшее железнодорожное строительство, проводимое сейчас на территории Коми АССР с направлением к Ненецкому округу... изменит всё направление движения потоков грузов не только для Печорского округа Коми АССР, но и Ненецкого округа и по-новому поставит вопросы внутри-административного деления огромнейшей территории, занимаемой ныне Печорским округом Коми АССР и Ненецким округом» [13, л. 11–12].

В 1940–1950-е гг. существенную роль в административно-территориальных преобразованиях играло индустриальное развитие Республики Коми, в частности, строительство Северо-Печорской железной дороги и развитие Печорского угольного бассейна, изменивших ориентацию экономических и управленческих связей на Европейском Северо-Востоке. 9 января 1940 г. построенное на левом берегу реки Воркуты поселение официально преобразовано в поселок Воркута Хоседа-Хардского сельсовета Ненецкого национального округа Архангельской области. В том же году поселок Воркута из Большеземельского района Ненецкого национального округа Архангельской области был перечислен в состав Усть-Усинского района Печорского округа Коми АССР [24, с. 51]. 29 июня 1940 г. Президиум Верховного Совета Коми АССР принял решение об отнесении поселка Воркута Абезьского сельсовета Усть-Усинского района к категории рабочих поселков. Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил этот указ 25 октября 1940 г.

Вновь вопрос об изменении границы между Ненецким округом и Коми АССР рассматривался в середине 1950-х гг. Начатое в 1930-х гг. освоение Печорского бассейна позволило в кратчайшие сроки создать в районе Крайнего Севера республики новый промышленный район. Однако дальнейшее развитие Печорского угольного бассейна и транспортной системы выходило за пределы существовавшей границы республики. Так, на рубеже 1940–1950-х гг. за Уралом возникли поселки Полярный, Харбей и Ханмей. Полярный появился в конце 1940-х гг. 1 февраля 1949 г. в поселке Полярного Урала комбината «Воркутауголь» жили 95 чел. 31 декабря 1951 г. он был официально зарегистрирован как поселок с присвоением названия Полярный. Тогда же был официально зарегистрирован и пос. Харбей. Населенный пункт Ханмей отмечен в документах начала 1950-х гг. 18 декабря 1953 г. Президиум Верховного Совета Коми АССР в связи с просьбой местного населения и согласием Тюменской области постановил перечислить населенные пункты Полярный, Харбей и Ханмей Елецкого поссовета в Ямало-Ненецкий национальный округ Тюменской области. Отметим, что железнодорожная станция Полярный еще отмечена в списке населенных пунктов Елецкого поссовета Коми АССР 1956 г., а в списке населенных пунктов 1960 г. не значится.

Геологоразведочными и поисковыми группами комбината «Воркутауголь» были выявлены новые залежи коксующегося угля на территории Ненецкого округа в районах Хальмер-ю, Сыр-яга и Силовая. Освоение Хальмерюского месторождения было начато комбинатом еще в 1951 г. От Воркуты до Хальмер-ю через Сырьягинские месторождения была проложена железнодорожная ветка протяженностью 70 км, вдоль которой возникли населенные пункты, где проживало несколько тысяч человек. Только в рабочем поселке Хальмер-ю насчитывалось 1,8 тыс. жителей (данные 1954 г.). Все населенные пункты в административном отношении были подчинены Комсомольскому поселковому совету г. Воркуты, в экономическом – комбинату «Воркутауголь». Существовавшее территориальное разделение единого промышленно-экономического района на две различные административные области создавало неудобства. Целесообразность слияния Хальмер-ю – Сыр-яга – Силовая

с остальной территорией Печорского угольного бассейна была очевидна, тем более что фактически руководство уже осуществлялось органами власти Коми АССР. Достаточно сказать, что решение об отнесении посёлка Хальмер-ю к категории рабочих посёлков в июне 1954 г. принималось Верховным Советом Коми АССР.

Неоднократные обращения руководства Коми к Ненецкому округу и Архангельской области об установлении новых границ не давали положительных результатов, несмотря на то, что в районе Хальмер-ю, Сыр-яга и Силовая на сотни километров не было других населенных пунктов, а также путей сообщения с административными центрами Ненецкого округа.

Архангельский облисполком и Ненецкий окрисполком, признавая целесообразность присоединения этой территории к Коми АССР, в качестве компенсации просили перечислить из Коми АССР в Ненецкий округ поселок Шапкино Усть-Цилемского района и всю территорию Адзьвинского сельсовета Интинского района. Президиум Верховного Совета Коми АССР считал вполне обоснованным перечисление в состав Ненецкого НО, с соответствующим изменением границ, части территории Адзьвинского сельсовета (поселений Хоседа-Чегем, Седныр, Хоседавом, Хорутавом и Мальвавом), которая фактически в административном и экономическом отношении обслуживалась Большеземельским райсоветом Ненецкого округа. В то же время он не соглашался передавать населенные пункты Адзьвавом, Меркуш, Адзьва, Ниедзель Адзьвинского сельсовета по причине нежелания их жителей (по национальности коми) перейти в состав округа. Возражали власти Коми и относительно передачи поселка Шапкино и других населенных пунктов по реке Шапкина, расположенных в доступной близости от центра вновь образованного Ново-Борского сельсовета Усть-Цилемского района Коми АССР. Перечисление этих поселений в состав Великовисочного сельсовета Ненецкого округа территориально в три-четыре раза удаляло органы власти от населения, ухудшало их хозяйственное и культурное обслуживание [11, л. 105–110].

18 ноября 1959 г. Президиум Верховного Совета Коми АССР постановил согласиться с предложением Архангельского облисполкома о передаче рабочих поселков Хальмер-Ю и Цементнозаводской с прилегающей к ним территорией залегания угольного пласта из Большеземельского района Ненецкого национального округа в Воркутинский горсовет Коми АССР. 23 ноября 1959 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о передаче рабочих поселков Хальмер-Ю и Цементнозаводской, поселков Сыр-Яга и Приуральская из Ненецкого национального округа в Коми АССР. В акте согласительной комиссии, созданной для приема-сдачи поселков, отмечалось, что «никаких разногласий между сторонами не было», а население относится к происходящему «благожелательно». Окончательная передача указанных территорий в состав Коми АССР была закреплена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 февраля 1960 г. «О частичном изменении границ между Коми АССР и Архангельской областью» [10, л. 1, 31, 35].

Таким образом, формирование современной северной административной границы Республики Коми явилось итогом довольно длительного процесса. Он протекал при активном участии центральных и местных органов власти и управления. Имевшие место изменения границ и территориальные споры с соседними субъектами федерации разрешались с учётом мнения сторон (в том числе и населения) в рамках существовавшего законодательства и выработанных в стране принципов административно территориального устройства. Установление северной границы Коми автономии в 1920-е гг. происходило в условиях противоречивых подходов властей Коми и Архангельска к решению территориальных вопросов. При этом со стороны, как Коми республики, так и Архангельской области и Ненецкого округа имели место проявления местничества и максимализма в территориальных требованиях заинтересованных сторон и даже конфликтные ситуации. С завершением экономического и административно-территориального районирования в 1929 г. очертания северной границы Коми АО в основном были определены. В последующие годы ещё возникали территориальные споры и даже притязания, но они уже разрешались с учётом мнения сторон и принципов административно-территориального устройства, выработанных практикой национально-государственного строительства в СССР.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. р.- 3. Оп. 1. Д. 253.
2. НАРК. Ф. р.- 3. Оп. 1. Д. 726.
3. НАРК. Ф. р.- 3. Оп. 1. Д. 759.
4. НАРК. Ф. р.- 3. Оп. 1. Д. 1803.
5. НАРК. Ф. р.- 3. Оп. 1. Д. 1805.
6. НАРК. Ф. р.- 3. Оп. 1. Д. 1811.
7. НАРК. Ф. р.- 3. Оп. 1. Д. 1817.
8. НАРК. Ф. р.- 3. Оп. 1. Д. 1826.
9. НАРК. Ф. р.- 3. Оп. 1. Д. 1828.
10. НАРК. Ф. р.– 642. Оп. 1. Д. 986.
11. НАРК. Ф. р.– 642. Оп. 1. Д. 1391.
12. НАРК. Ф. р. – 701. Оп. 1. Д. 37.

13. НАРК. Ф. р. – 870. Оп. 1. Д. 118.
14. *Дмитриков М.П.* Административно-территориальное устройство Коми АССР в 20–30-е годы // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. Сыктывкар, 1989. С. 30–42. (Труды Ин-та яз., лит. и истории. Вып. 44).
15. *Дмитриков М.П.* Местный Комитет Севера при Коми облисполкоме // Первая коми респ. науч.-практ. конф. по истор. краеведению. Тезисы докл. Сыктывкар, 1988. С. 93–95.
16. *Дмитриков М.П.* Принципы образования и развития Коми автономии в 1920–1930-е годы // Национальные и демографические процессы в республиках и регионах Российской Федерации: история и современность. Тезисы докл. Сыктывкар, 1994. С. 26–27.
17. *Епихин В.Н.* Проблемы национально-государственного строительства на съездах и конференциях Коми областной организации РКП(б) – ВКП(б) в 20-е годы // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. Вып. 1. Сыктывкар, 1991. (Труды Ин-та яз., лит.-ры и истории. Вып. 52).
18. *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н., Сметанин А.Ф.* Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001.
19. *Жеребцов И.Л.* Административно-территориальные и демографические изменения в Коми крае в 20–30-е гг. XX в. // История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 274–282.
20. *Жеребцов И.Л.* Национально-государственное строительство в Коми крае в 20–30-е гг. XX в. // История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 282–299.
21. *Жеребцов И.Л., Фаузер В.В.* Основные изменения в административно-территориальном делении и населении Коми АССР в 40–80-е гг. // История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 483–485.
22. Историко-культурный атлас Республики Коми. М., 1997.
23. Образование Коми автономной области. Сб. документов. Сыктывкар, 1971.
24. *Терюков А.И.* К вопросу о коми-ненецких взаимоотношениях. // Национальные и демографические процессы в республиках и регионах Европейского Севера Российской Федерации (история и современность). Сыктывкар, 1994. С. 13–14.
25. *Шафир М.А.* Административно-территориальное устройство Советского государства. М., 1983.
26. *Шубин С.И.* Быть или не быть Ненецкому округу? // Ненецкий край. Сквозь вьюги лет. Очерки, статьи, документы. Архангельск, 2000.

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

VI Всероссийский симпозиум по исторической демографии*

7–12 июля 2014 г. в Сыктывкаре состоялся VI Всероссийский симпозиум (с международным участием) по исторической демографии. Симпозиумы проводятся в Сыктывкаре с 2006 г. Основной темой симпозиума традиционно является проблема источниковедения и историографии историко-демографических исследований: типы источников по историко-демографическим и этнодемографическим процессам в странах и регионах в различные исторические периоды, методы их анализа, доступность и достоверность источников, возможности их публикации, современное состояние историко-демографических исследований и перспективы их развития. Обсуждались также демографические процессы в России в различные исторические периоды, общее и особенное историко-демографического и этнодемографического развития государств мира, актуальные вопросы историко-географических исследований.

Симпозиум был организован под научным руководством Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН и Северной секцией Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии в сотрудничестве с Институтом истории СО РАН, Институтом российской истории РАН, Институтом истории и археологии УрО РАН, Институтом социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН и Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН.

В состав организационного совета и организационного комитета симпозиума, возглавлявшихся д.и.н. И.Л. Жеребцовым, д.и.н. В.Б. Жиромской и д.и.н. В.А. Исуповым, входили видные ученые, организаторы науки: директор Института истории СО РАН член-корр. РАН В.А. Ламин, директор Института российской истории РАН д.и.н. Ю.А. Петров, директор Института истории и археологии УрО РАН д.и.н. Е.Т. Артемов, зам. председателя Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам УрО РАН, директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН д.и.н. А.Е. Загребин, директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН д.т.н. Ю.Я. Чукреев, зам. директора по научным вопросам Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН д.и.н. Е.Ф. Кринко, декан исторического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева д.и.н. Т.С. Садыков, профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета д.и.н. В.И. Меньковский, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН д.э.н. Л.Л. Рыбаковский, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН д.и.н. Ю.В. Аргудяева, профессор Сыктывкарского государственного университета д.и.н. В.А. Семенов и другие известные исследователи. Секретариат симпозиума возглавляла руководитель группы исторической демографии и исторической географии, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН к.и.н. Н.М. Игнатова.

На шести заседаниях симпозиума ученые из Алматы (Казахстан), Банска Быстрица (Словакия), Донецка (Украина), Минска (Беларусь), Полтавы (Украина), Архангельска, Владивостока, Вологды, Грозного, Екатеринбург, Ижевска, Коряжмы, Краснодар, Москвы, Муром, Новосибирска, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Сыктывкара, Якутска представили (устно или в виде постеров) около 60 докладов. Около 20 выступлений прозвучало на двух круглых столах, прошедших в рамках симпозиума: «Методологические проблемы публикации исторических источников» и «Место исторической демографии в системе координат евразийской науки».

Среди вызвавших наибольший интерес следует назвать доклады историков из Ростова-на-Дону д.и.н. Е.Ф. Кринко «Динамика брачных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны» и д.и.н. Т.П. Хлыниной «Черкесский вопрос» и Всероссийская перепись населения 2010 г.», профессора Белорусского университета д.и.н. В.И. Меньковского «Современная европейская историческая демография: традиции и новые исследовательские стратегии в Центральной и Восточной Европе», д.и.н. А.Е. Загребина (Ижевск) «Этнографическое финно-угроведение: динамика идей и практик», Ю.М. Смирнова (Муром) «К вопросу о реконструкции структуры заселения муромского кремля XVII века», к.и.н. А.А. Желтова (Вологда) «Изменения конфессиональной

---

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

структуры тюремного населения стран Западной Европы под влиянием миграционных и социальных процессов», С.А. Тихомирова (Вологда) «Поколение эпохи Отечественной войны 1812 года: Историографический контекст и культурные практики послевоенной коммуникации», к.и.н. Т.А. Васиной (Ижевск) «Демографические процессы в Ижевском заводе в конце XVIII – начале XIX в.», д.и.н. В.А. Исупова (Новосибирск) «Источники по определению численности и состава населения России в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.)», совместный доклад д.и.н. В.И. Меньковского и д.и.н. И.Л. Жеребцова «Исследователь и Источник: от монолога к диалогу» и др.

Традиционно в симпозиуме участвуют не только историки, но и другие исследователи-гуманитарии (этнографы, археологи, философы, литературоведы) и экономисты, предлагающие свои подходы к изучению историко-демографических и этнодемографических процессов. Особо отметим, в частности, доклады археолога д.и.н. Э.А. Савельевой «Население бассейна Вычегды в эпоху средневековья», этнографа д.и.н. Ю.П. Шабаева «Демография в публичном дискурсе: интерпретации итогов переписи населения 2010 года», доктора философских наук В.В. Муравьева «Проявления естественного движения населения в символах частной обрядности», литературоведа Г.К. Лисовской «Этнодемографические процессы в Республике Коми конца XX – начале XXI вв. в произведениях коми писателей», серию докладов доктора экономических наук В.В. Фаузера и кандидата экономических наук Е.Н. Рожкина и др.

Особое внимание на симпозиумах всегда привлекали доклады представителей естественных наук. Не стал исключением и нынешний симпозиум. Живейший интерес участников научного форума вызвал доклад кандидата биологических наук А.В. Хрунина (Москва) «Генетическое разнообразие и эволюционная история населения Севера европейской части России».

В ходе симпозиума состоялась презентация изданий Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН и Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, расширенные заседания Северной секции Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии, редакционной коллегии журнала «Историческая демография» и оргкомитета симпозиума, а также посещение археологических раскопок, проводимых отделом археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в Корткеросском районе близ пос. Подтыбок.

Во время симпозиума обсуждалась подготовка ко II Международной научной конференции по исторической демографии и исторической географии «Территория и население стран и континентов: история и современность», которая состоится 9–12 июня 2015 г. в г. Ульяновске. Этот крупный научный форум готовит Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области совместно с Научным советом РАН по исторической демографии и исторической географии, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН и Удмуртским ИИЯЛ УрО РАН. Предполагаемая тематика конференции: Источниковедение и историография историко-демографических и историко-географических исследований; Демографические и этнические процессы в древности и средневековье; Общее и особенное в историко-демографическом и историко-географическом развитии стран и регионов в Новое и новейшее время. В качестве специальных тем заявлены: Этнодемографические процессы в Поволжье; Полиэтнические семьи и процессы метисации; Эпидемии и их последствия; Проблемы взаимосвязи генеалогических и историко-демографических исследований; Методики демографического мониторинга. Предлагается сформировать отдельную молодежную секцию в области исторической демографии и организовать работу круглого стола для молодых ученых (студенты старших курсов специалитета и бакалавриата; аспиранты). В оргкомитет конференции входят директор Научно-исследовательского института истории и культуры Ульяновской области д.и.н. С.А. Прокопенко, руководитель Центра изучения территории и населения России Института российской истории РАН д.и.н. В.Б. Жиромская (Москва), зам. директора Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра исторической географии и картографии д.и.н. И.Г. Коновалова (Москва), директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН И.Л. Жеребцов (Сыктывкар), директор УдмИИЯЛ УрО РАН д.и.н. А.Е. Загребин, а также д.и.н. Ю.В. Аргудяева (Владивосток), д.и.н. В.А. Исупов (Новосибирск), д.и.н. Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), д.и.н. Е.Ф. Криנקо (Ростов-на-Дону), д.и.н. В.И. Меньковский (Минск), д.и.н. Т.С. Садыков (Астана) и другие известные ученые.

В.А. Исупов (Новосибирск), И.Л. Жеребцов (Сыктывкар)

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ
журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи на русском и английском (с кратким, до 1 стр., резюме на русском) языках объемом, как правило, до 0,5 п.л. (до 20 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения объемом 0,1–0,2 п.л. (до 8 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география; методология историко-демографических и историко-географических исследований. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. В разделе «Научное наследие» планируется публиковать не издававшиеся ранее труды ушедших из жизни ученых.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлегией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе *Microsoft Word*. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: *Ivanov.doc*. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – *Times New Roman*; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный.

Вставка символов – **Symbol**. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более семи слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5.

Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)».

Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например: «*Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.*».

Название рисунка и комментарий располагаются под ним, курсивом, например: «*Рис. 2. Источники роста населения Северного края.*».

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. Автоматические сноски не допускаются!

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Примечания, пояснения к тексту, касающиеся использованных терминов, имен, географических названий и т.п. даются в постраничных сносках под «звездочкой» (*).

ISSN 2304-5922

Научный журнал

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Технический редактор Н.К. Забоева

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 11,0.

Тираж 300 экз. Заказ № 49.

Редакционно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.